

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ОШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ
КАФЕДРА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**Социально-культурные аспекты литературы
и искусства в общем контексте Кыргызстана**
КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Город Ош
2013 год

УДК 821.51
ББК 84 Ки7-6
М 47

Консультант: д-р филол.наук, проф.Кацев А.С.

Рецензенты: д-р филол.наук, проф. Исаков К.А.,
д-р филол.наук, проф. Шаповалов В.И.

Авторский коллектив: Мурадымов Н., Асанова Д.А.,
Абдыкадырова С.Р., Байсубанов М.Т., Бисерова А.Х.,
Исакова Д.К., Мискическова З.Я., Оморкулов Б.К., Сабирова В.К.,
М 47 Шадиева М.С. Мадаминава Д.
Социально-культурные аспекты литературы и искусства в общем
контексте Кыргызстана: Коллективная монография. / Авт.колл. –
Ош: 2013. – 164 с.

ISBN 978-9967-457-77-3

Данная монография адресуется преподавателям, аспирантам и студентам факультетов русской и кыргызской филологий и отделений журналистики и межкультурных коммуникаций, а также специалистам, работающим в сфере гуманитарного знания и СМИ: в печатных изданиях, на телевидении и радио, в информационных и рекламных агентствах, организациях по связям с общественностью.

Книга написана на основе анализа публикаций в отечественных и зарубежных изданиях, указанных в ссылках. Авторский коллектив искренне благодарит всех ученых и исследователей за материал, представляющий интерес в рамках данной работы - специального изучения социально-культурных аспектов литературы и искусства в общем контексте Кыргызстана.

Монография подготовлена на средства гранта Министерства образования и науки кыргызской Республики, является коллективным трудом и продаже не подлежит.

По возникшим вопросам обращайтесь к авторскому коллективу, подготовившему книгу по адресу: tzimir@mail.ru.

М 470230020012

УДК 821.51

ББК 84 Ки7-6

ISBN 978-9967-457-77-3

© ОшГУ, 2013

Введение

Теперь уже очевидно, что виток литературной истории XX века завершился – и настало время думать о предварительном подведении итогов этого уникального отрезка истории, в том числе истории литературной. Есть все основания считать, что эпоха формирования и развития кыргызской литературы в контексте русской литературы была совершенно неповторимой – как и социальный опыт, продуцировавший ее. Умерев (даже при жизни отдельных ее представителей: таковы парадоксы культурной истории) эта литературная эпоха однозначно и бесспорно становится частью истории литературы – и в этом своем качестве представляет несомненный научный интерес.

Точно так же совершенно бесспорным представляется факт, что русская поэзия стала значительной и неотъемлемой частью как литературной истории Кыргызстана, так и литературной истории России, в том числе и той литературы, которая именовалась (и была по сути) советской многонациональной. Именно поэтому представляется, что проблема историко-культурного аналитического изучения русской поэзии Кыргызстана значительна и представляет собой весьма актуальный объект изучения. Актуальность таких исследований объясняется еще и тем обстоятельством – и, быть может, в первую очередь именно им! – что русская и киргизская культуры (в том числе и литературы) идут уже по разным магистралям развития: доминантой сравнительной оценки становится анализ расхождения векторов. И это расхождение определяется уже далеко не только политическими факторами.

Привычка объяснять всё «центробежностью» или сиюминутными политическими причинами не способна помочь в определении литературного процесса; становится очевидным, что политические факторы утратили первенствующую роль в выработке центробежных тенденций. Эти центробежные

тенденции диктуются сегодня более общими, объективными законами человеческого развития: национальная самоидентификация кыргызской культуры детерминируется новым геополитическим контекстом, государственным суверенитетом и экстракультурными условиями (религия, ареалы языков), и это обстоятельство определяет общую научную концепцию книги.

Материал работы – корпус произведений русских и кыргызских писателей и поэтов, список имён которых количественно не столь значителен, хотя и обозначен временными границами от начала 30-х годов, то есть литературной эпохой длиной в 70 лет. В этом отрезке каждое поколение давало по-своему значительных художников, уровень дарования которых и характер творчества формировались эпохой и в этом смысле полностью соответствовали ей. И каждый из них проявлял – или, по крайней мере, осознанно пытался проявить в себе – переводческий дар как некий социально-культурный заказ времени и литературной эпохи.

В этом плане литературовед В.И. Шаповалов отмечает следующее: «Разумеется, это прежде всего проблема общей историко-литературной экспликации... ситуации 30-50-х годов, которая, на наш взгляд, обладает чертами литературной эпохи и в качестве таковой должна рассматриваться. В связи с этим есть необходимость выявить векторы движения поэтического перевода в этой эпохе, ее историко-литературные ситуации, их содержание и их границы... Вместе с тем, - отмечает исследователь, - содержание каждой историко-литературной ситуации тоже определяется специфическими особенностями развития. Прежде всего это соотношение принимающей и транслирующей литератур... и их корреляция в переводе (восприятие, усвоение, использование, интерпретация); характер отбора произведения для перевода и социокультурные факторы этого отбора; выдвигаемые практикой и апробируемые историко-литературной ситуацией типы и методы перевода (если говорить о первых, то это практика перевода через подстрочник-посредник; если говорить о вторых, то это

взаимодействие “буквалистской” и “волюнтаристской” тенденций, которые результируются в становлении формально-функционального метода и его попыток сохранить создаваемую им литературную традицию, отграничить ее от “вольных обработок” всякого рода). Формирование этих методов связано, разумеется, с социальной спецификой советской литературы 30-50-х годов¹».

В данной коллективной монографии представлена попытка осветить отдельные вопросы русской и кыргызской литературы и искусства, оказывающих существенное влияние на общую культуру Кыргызстана.

Вынесенная в название книги проблема социо-культурных аспектов функционирования литературы и искусства в культурном пространстве Кыргызстана является весьма актуальной при условии изучения ее с позиций качественных перемен, происшедших на рубеже XX-XXI веков в жизни общества. Значимость проекта состоит в том, что литература и искусство Киргизии в XX веке развивалась в лоне советской многонациональной культуры, в русле эстетики соцреализма (по сути монокультуры), а в XXI веке в пространстве СНГ каждая национальная культура обрела возможность развития по свое й магистрали, в русле исконных национальных традиций.

На волне суверенизации республик был короткий период своеобразного «нигилизма», когда проявились тенденции замалчивания и даже игнорирования факта расцвета литературы и искусства Киргизии в советский период, сменившееся осознанием того, что XX века для киргизской советской культуры был, поистине «золотым веком» (Ч.Айтматов, Т.Сыдыкбеков, А.Осмонов, А.Токомбаев, С.Эралиев, С.Жусуев, Г.Айтиев, Б.Бейшеналиева, Б.Шамшиев, Т.Океев, А.Джумакматов, Б.Бейшеналиев, Б.Кыдыкеева, С.Чокморов,

---

¹ Шаповалов В.И. Соло на два голоса... Киргизская поэзия в русских переводах. - Бишкек, Кыргызстан. 1998. С. 121.

А.Токомабева и др.). Ныне этот период нуждается в новом прочтении с позиций перспектив развития культуры кыргызского народа, его этнополитического положения. Доминантой оценки становится анализ специфики, известного «расхождения» векторов национальной культуры и «общесоветской парадигмы». В суверенном Кыргызстане утратили первостепенную роль былые политические оценки специфики творчества мастеров слова и искусства, а на первый план выходят иные критерии. Это национальная самоидентификация кыргызской литературы и искусства, детерминируемая новым геополитическим контекстом и, соответственно, новым контекстом влияний, взаимодействий с другими культурами (прежде всего с русской, культурой народов СНГ, мировой, особенно тюркоязычной). Вескими факторами в оценке специфики развития литературы и искусства Кыргызстана становятся факторы государственного суверенитета, экстракультурные факторы (конфессиональные, языковые ареалы и т.д.). Особое значение приобретает изучение поликультурной природы творческой деятельности народа Кыргызстана. Данными параметрами обусловлена научная концепция проекта данной коллективной монографии.

Материал работы - это историко-литературный и историко-искусствоведческий процесс в Кыргызстане на рубеже XX-XXI веков, когда изучению будут подвергнуты наиболее перспективные тенденции в развитии литературы и искусства Кыргызстана, их взаимосвязей с другими национальными культурами (прежде всего России, стран СНГ, мира). Причем, особый акцент будет сделан на исследовании политкультурности, проявлении национальной специфики кыргызской культуры, в частности, культуры кыргызской диаспоры и диаспор народов республики (в русле деятельности Ассамблеи народов Кыргызстана). Выявлена парадигма смены форм творческой деятельности: если деятели киргизской советской культуры осознавали свое предназначение как условие исполнения некоего социально-культурного заказа времени, общества, то новые поколения писателей и работников искусств республики творят в нестандартных условиях

полиэтнического и языкового Ренессанса. Особое внимание будет уделено в проекте исследованию малоизученных тенденций в развитии литературы и искусства КР в условиях нового геополитического положения страны, предполагающего сосуществование на ее территории разных языков и культур, с особым акцентом на государственный язык, что дает в стартовом отношении суверенному государству несомненное преимущество в процессе вхождения в мировое сообщество. Изучаются элементы культуры кыргызской диаспоры и диаспор других народов. Объектом изучения стал процесс освоения деятелями культуры республики концептов «свой», «чужой», с доминирующей темой единства языков, культур народов Кыргызстана, их преломления в литературе диаспор, изучение роли национальной культуры как объединяющего фактора данного единства.

С опорой на труды А.Н.Бернштама, С.М.Абрамзона, С.С.Даниярова, Д.Айтмамбетова, К.Артыкбаева, К.Асаналиева, С.Джигитова, А.Садыкова, С.Байгазиева, А.Эркебаева, Д.Т.Уметалиевой, Дж.Иманкулова, А.Джунушева, К.Ашимова, Дм.Брудного, Е.Озмителя, М.Рудова, Ч.Джолдошевой, И.Лайлиевой, А.Кацева, В.Сабировой и др. исследованы ведущие тенденции развития литературы и искусства кыргызского народа, как явления советской и постсоветской культур, особенности стадийного развития, художественного воплощения темы Кыргызстана, жизни общества в наиболее значительных образцах искусства слова, кино, театра и др., выявлены вехи единства языков и культур через призму и контекст ведущих тенденций мировой культуры; исследовано влияние общечеловеческой культуры на кыргызскую эстетическую культуру, прослежены перспективы развития кыргызской литературы и искусства в XXI веке, в единстве с кыргызскими диаспорами и диаспор других народов, как общего культурного контекста Кыргызстана.

Теоретическая и практическая ценность работы состоит в разработке необходимого инструментария для исследования социо-культурного аспекта функционирования литературы и искусства в поликультурном пространстве Кыргызстана, его

итоги могут быть ценны при исследованиях новых методик и приемов описания истории литературы и искусства Кыргызстана (в русле деятельности Ассамблеи народов Кыргызстана). Исследование приобретает практическое значение как база для разработки сценариев крупных общественно-культурных мероприятий, учебников и дискурсивных технологий обучения литературоведческих, искусствоведческих курсов в вузах и школах республики, при чтении курсов лекций по мировой культуре, истории мировой, кыргызской литературы, проведении спецкурсов и спецсеминаров по обозначенным проблемам. Избранная методика исследования способствует активизации деятельности культурных центров в Ассамблее народов Кыргызстана, обновлению концепции преподавания многих дисциплин в вузах и школах КР, что предполагает социально-экономическую, культурно-воспитательную и морально-эстетическую целесообразность. Авторы надеются на то, что материал коллективной монографии найдет отклик в душах и сознании своих читателей

Глава 1. Образ Кыргызстана в творчестве русских поэтов и его эволюция в историко-литературном контексте

1.1. Постигание и узнавание: образ Кыргызстана и концепция многонационального мира в поэзии России 30-60-х годов XX века

В изучении русской поэзии Кыргызстана, жизни и творчества ее видных представителей – в достаточно обширном списке которых с особой весомостью звучат имена Сергея Андреевича Фиксина (1907-1978), Михаила Михайловича Ронкина (род. в 1928), Льва Моисеевича Аксельруда (род. в 1933), Вячеслава Ивановича Шаповалова (род. в 1947), Александра Ивановича Никитенко (род. в 1948), Светланы Георгиевны Сусловой (род. в 1949) и других – сделаны, как отмечают исследователи, лишь первые шаги².

Еще только предстоит проанализировать такую важнейшую часть их творчества, как творчество переводчиков. Между тем, один из них – не только поэт, но и значительный филолог-литературовед, отмечает: «Для русских поэтов Киргизии прошедшие десятилетия – не абстрагированная история, но живая плоть их культуробразующего бытия. Все, что происходило в 30-е годы (напр., длительная кампания по изучению и “приручению” народного творчества; репрессии в отношении писателей; возвышение одних и уничтожение других) убивали один тип сознания и насильственно выращивали другой. В этом отношении эзотерический уход поэзии в перевод был самой бескровной формой протеста и, одновременно, попыткой спасения остатков этого сознания. Однако только этой эзотеризацией процесс истории перевода не объяснить. Здесь важна (парадоксальная диалектика всякой общественной трагедии) и иная сторона - то, что перевод стал

---

² *Иванова Л.В.* О русской поэзии Кыргызстана // Русская поэзия Кыргызстана: аналитико-библиогр. очерк. Бишкек, Кыргызстан. 2000.С.45.

по сути спасением не только для литераторов, но и - что, как ни странно это звучит, важнее - для литератур, которые в ряде национальных культур только входили в период становления. Конечно же, и киргизская литература обязана переводу многим - и среди прочего тем, что участвовала в спасительном процессе “размыкания” полууничтоженной русской культуры»³. Как известно, «одним из важнейших проявлений незамкнутости национальной литературной системы является участие в ее развитии переводных произведений»⁴ - здесь национальная литература решает для себя фундаментальные проблемы своего формирования в целостную литературную систему.

Усилиями видных критиков и литературоведов республики, среди которых в первую очередь следует назвать имена Е.К.Озмителя, М.А.Рудова, Г.Н.Хлыпенко, А.В.Жиркова, А.С.Фиксина, Л.В.Ивановой, Г.Г.Павлюка и других, в известной мере определены место и роль ее в общереспубликанском литературном процессе.

Так, профессор Е.К.Озмитель неоднократно, еще в 70-е годы, отмечал, что русские писатели Киргизии вносят свою большую лепту в развитие литературы края⁵. «Киргизская тема в русской поэзии набирает силу, и есть основания ожидать большего от русских поэтов Киргизии», - констатировал критик и литературовед М.А.Рудов (1970)⁶. «Вне темы Киргизии нельзя представить себе индивидуальности многих русских писателей, в творчество которых органично вошла киргизская тематика», - утверждал Г.Н.Хлыпенко, подчеркивая, что произведения последних «являются фактами литературной жизни Киргизии в такой же мере, как и произведения местных писателей»⁷. Но

---

³ Шаповалов В.И. Соло на два голоса... - Бишкек. Кыргызстан. С. 367.

⁴ Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. - М. Молодая гвардия 1986. С. 37.

⁵ Озмитель Е.К. Русские писатели Киргизии // История киргизской советской литературы. - М. Молодая гвардия. 1970.

⁶ Рудов М. «Вторая родина моя»: Заметки о киргизской теме в русской поэзии // М.Рудов. Звенья открытий.. Лит.-крит. статьи. - Фрунзе, Мектеп. 1970. С. 157.

⁷ Хлыпенко Г.Н. Летопись дружбы: страницы истории русской литературы в Киргизии // Хлыпенко Г.Н. Поиск. Мастерство. Поиск. - Фрунзе, Кыргызстан.1976. С. 81-82.

уже в 1990 году появляется ряд характерных публикаций, авторы которых пишут, что русская литература Киргизии оказалась «на обочине»⁸.

Это вполне объяснимо: литературная наука постепенно избавляется от благодушия прежних времен и пытается, наконец, ответить на вопрос: что же это за явление – русская литература в национальных республиках? Критик и публицист считает, что русская литература республик содружества «остаётся на положении бедной родственницы», потому что она оторвана от «общерусского культурного центра» и не может «преодолеть ощущения некоей своей «вторичности».

«Русская поэзия продолжает существовать и развиваться в независимом Кыргызстане», - считает Л.Иванова. Правда, она говорит о неоднозначности восприятия определения «русские поэты Кыргызстана»⁹. И с этим нельзя не согласиться. Действительно, «вопрос национальной идентификации писателя всегда был одним из сложнейших для литературоведения»¹⁰. Многие признают, что при анализе творчества какого-либо автора науке порой сложно разобраться с такими категориями как государственная (гражданство), национальная (этно-антропологическая и культурная), языковая и географически-локальная (место проживания) самоидентификация писателя, равно как и то обстоятельство, к какой национальной художественной культуре он себя относит (в этом отношении язык или национальная принадлежность писателя порой не являются определяющим фактором). В советском литературоведении эта проблема никогда не была популярной у исследователей – часто просто делался вид, что такой проблемы попросту не существует. Вот, кстати, почему в XX веке Россия потеряла сотни своих лучших мастеров в нескольких волнах эмиграции: и если говорить о литературной

---

⁸ Павлюк Г. На обочине: взгляд на русскую литературу Киргизии // Лит. Кыргызстан. 1990. № 4. С. 153-158.

⁹ Иванова Л.В. О русской поэзии Кыргызстана. - Бишкек. Кыргызстан.2000.С. 36.

¹⁰ Тумбольский А. Русские европейцы из Украины. - НЛЮ. 2000. № 46, С. 29.

самоидентификации художника, то чрезвычайно красноречив пример великого поэта XX века Иосифа Бродского, который утверждал (и это кого-то очень раздражало), что считает себя частицей русской культуры и русской литературы. Такая самоидентификация имеет отчетливо выраженный нравственный характер.

Одновременно история русской литературы имеет дело с многочисленным отрядом мастеров слова добровольно оказавшихся в иной среде. Что же побуждает литераторов искать признания и удачи в другой стране, в иной языковой среде? Ведь их отъезд неминуемо связан с болезненной проблемой самосознания и самоидентификации. Писатель работает с языком – и он хорошо осознает, что обрекает себя на творчество в иноязычной ситуации, в «инокультуре».

На волне демонтажа былых литературных связей, канона, традиций, смены литературных поколений, маргинализации литературной сферы и русской поэзии Кыргызстана зарождаются новые тенденции, требующие их безотлагательного рассмотрения. Оно возможно только через призму проблемы автора, то есть творящей личности, оказавшейся в маргинальной ситуации и пограничья культур. Если поэты первого поколения Ф.Ощакевич, М.Жолондз, Г.Денисов, В.Хохлов, В.Винников, затем С.Фиксин, М.Ронкин и др. воспринимали себя в Киргизии как явление общесоветской литературной общности, то многие представители русской поэзии рубежа XX –XXI веков, видимо, ощущают себя как некое культурное пограничье. Вот почему представляется актуальным рассматривать своеобразие русской поэзии Кыргызстана через призму категории автора как творящего начала – и соответственно выделить в литературном процессе наиболее яркие имена последних десятилетий.

На этом индивидуализированно-авторском фоне чрезвычайно показательной во всех отношениях выглядит динамическая целостность отношений двух культур – а за ними двух культурных и языковых контекстов (тюркского и славянского, восточного и европейского), двух типов цивилизаций, двух типов литературных культур,

художественно-эстетических и собственно-культурно-бытовых традиций и мн. др. Анализ литературных коммуникаций неизбежно дает выводы объективного характера. Собственно, такими и только такими методологические выводы подобного исследования сегодня и должны быть, если исследование это претендует то, чтобы быть современным и адекватным контексту интеллектуально-политических идей. В условиях полиэтничного и языкового Ренессанса (как определяют или хотели бы определять в последнее время культуру Кыргызстана) изучение русской литературной культуры (в ее освоении новой действительности) сегодня находится в условиях, которые можно назвать по меньшей мере нестандартными.

С одной стороны, историческая роль русского языка и русской культуры в формировании этнокультурного сознания общества в многонациональном Кыргызстане далеко не завершена. Закономерно, что русский язык имеет в Кыргызстане статус официального как один из мировых языков, который широко используется всеми этносами, составляющими нацию кыргызстанцев. С другой стороны, закономерно и то, что геополитическое положение Кыргызстана предполагает сосуществование на его территории разных языков и культур, по мере их востребования обществом, что дает в стартовом отношении молодому суверенному государству несомненные преимущества в процессе его вхождения в мировое сообщество. Закономерно и то, что общество в основной своей активной части остается воспитанным на основе литературной грамотности и продуцируемых через литературные произведения нравственных императивах. Этим обусловлен выбор проблемы исследования – проблема поэтического сознания, культурной самоидентификации автора и героя в творчестве русских поэтов Кыргызстана. Темой же стал сам контекст литературного процесса и действенное участие в нем русских поэтов разных поколений.

В соответствии с темой объектом исследования выступает процесс освоения русскими поэтами республики идеи Отечества, «своего» и «чужого», произведений с

доминирующей темой «двух родин», единства «двух языков и культур»¹¹. Типологическое рассмотрение эволюции русской поэзии Кыргызстана, творчества наиболее крупных мастеров слова, поможет убедительнее выявить как сходство, так и их творческое своеобразие.

В этом плане сформировывается некая общая, основная магистраль исследования – создание истории развития этой своеобразной части национальной художественной культуры этого периода; с другой стороны, это и новая постановка проблемы – выявление методологических доминант этой истории, обусловивших содержание и смену этапов литературной эпохи, выделение складывающихся и взаимодействующих принципов взаимоотношения литератур в процессе формирования новой традиции 21 в.

Правомерна постановка и такой задачи, как определение: к какой национальной литературе закономерно отнести творчество тех, кто сегодня осуществляет свою деятельность в контексте строительства кыргызской культуры на новом этапе государственности Кыргызстана. В частности, пример творчества ведущих поэтов конца 20 в. В.Шаповалова, А.Никитенко, С.Сусловой типичен для судеб русских писателей за пределами России, в странах ее "ближнего" зарубежья. В любом случае он показателен для демонстрации глубинного и органичного прочтения одной художественной культурой основ другой культуры. Поэзия и художественная биография талантливейших представителей этого поколения осуществлялись буквально на наших глазах, а значит, и мы сами как бы становимся некими соучастниками этого синтеза.

В этом состоит актуальность как предпринятого исследования, так и вообще попыток изучить и дать оценку многолетней деятельности русских писателей в Центральной

---

¹¹ Эта проблема актуальна и с обратным знаком, когда киргизский писатель ЧЫ.Айтматов говорит: «Я писатель двух культур: русской и кыргызской» (См.: *Айтматов Ч.* Русский мост (русское слово в нашей жизни) // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2001. № 2. С. 2-3).

Азии. С этим сопряжена и концепция работы – попытка монографический взгляд на творчество трех ведущих русских поэтов на переломе веков, и основные задачи, которые приходилось решать в работе, это прежде всего особенности поэтической биографии, этнотематических начал, особенностей поэтической позиции, художественной поэтики.

В основу методологии исследования легли труды представителей русского и кыргызского литературоведения о роли и месте одной поэтической и языковой культуры в иноязычной художественной среде, самосознания автора, творящего часто в атмосфере маргинальности и «культурного пограничья». Этим обусловлена новизна исследования, отмеченная попыткой самостоятельно сформулировать проблемы автора и героя русской поэзии Кыргызстана, осознающего себя как феномена маргинальной культуры, то есть русской и кыргызской, изучении патриотической темы, «своего» и «чужого» представителями русской поэзии Кыргызстана. Выводы и положения нашего исследования, как представляется, могли бы стать необходимым вкладом в изучение истории русской литературы, вросшей за географическими пределами России в культурное пространство других народов – в частности, в кыргызскую художественную культуру 20-21 веков.

Искания русской поэзии Кыргызстана как знакового уникама содружества культур и, одновременно, маргинального феномена, культуры «пограничья», основные этапы ее развития в советскую и постсоветскую пору стали вкладом ведущих мастеров слова в развитие русской и кыргызской поэтической культуры.

Русская поэзия – феномен развитого этапа литературы Кыргызстана, возникшая как результат определенной культурной политики в СССР, новой общественно-социальной ситуации, взаимодействия русской и кыргызской литератур как звеньев одной структуры.

Опыт русской литературы метрополии играл стимулирующую роль и в становлении русской литературы, конкретнее поэзии Кыргызстана. Русская поэзия Кыргызстана

наряду с позитивными моментами воссоздания героических, патриотических лозунгов 30-40-х годов несла и культивировала стереотипы социалистического реализма, что весьма ощущается в облике и мироощущении автора и героя почти многих поэтов 50-70-х годов.

В русской поэзии 80-90-х годов намечаются и нарастают кризисные явления, когда на смену бодрым, лозунговым декларациям приходят мотивы усталости, разочарования в духовном облике героя и автора большинства русских поэтов Кыргызстана, намечаются новые векторы эстетических исканий и внимание к новым художественным императивам мировой литературы.

Рубеж развития русской поэзии на переломе XX и XXI вв. отмечен зрелым творчеством поэтов поколения «семидесятников», сложными идейно-эстетическими исканиями, мировоззренческим надломом, кризисными мотивами в произведениях (миграция многих авторов обусловила интенсивность процессов самоидентификации, национально-языкового самоопределения в сфере сознания многих авторов и их героев) – но и победительной силой слова, объединяющей национальные миры и воплотившей – в первую очередь в творчестве В.Шаповалова, С.Сусловой, А.Никитенко – кыргызскую тему во всей ее образной яркости и масштабности видения «вечно нового мира».

На почве становления в 30-е годы национальной литературной системы, в контексте интенсивно складывавшейся многонациональной литературной общности, сплачивался и отряд русских поэтов в Кыргызстане. Русские поэты старшего поколения, чье творчество составило своеобразный, хоть и неоднозначный вклад в кыргызскую литературу и в историю русской литературы Кыргызстана – С.А.Фиксин, А.И.Гитович, С.А.Дунаев, В.П.Гудков, В.В.Винников и др. - как творческие личности сформировались в первой половине XX века. Пафос их поэзии, равно как и у современников - А.Твардовского, М.Исаковского, А.Суркова и многих других, выражает обостренное восприятие драматизма

переломной эпохи борьбы нового и старого, коллективизации, Великой Отечественной войны и иных катаклизмов времени.

Этими чертами был отмечен лирический герой этой поэтической эпохи. Вспомним, что само понятие «лирический герой» было введено в 1921 году известным литературоведом Ю.Н.Тыняновым при анализе поэзии А.А.Блока. Уточняя значение термина, нелишне вспомнить его характеристику, данную И.Б.Роднянской, которая под этим термином понимает образ поэта в лирике, как один из способов раскрытия авторского сознания, как художественный «двойник» автора-поэта, вырастающий из текста лирических композиций (цикл, книга стихов, лирическая поэма, вся совокупность лирики). Образ лирического героя понимается как четко очерченная фигура или жизненная роль, как лицо, наделенное определенностью индивидуальной судьбы, психологической отчетливостью внутреннего мира, а подчас и чертами пластического облика. Этой содержательностью творчества и пафосом идейно-художественных устремлений отмечена русская литература Кыргызстана в масштабе литературной эпохи.

Русская поэзия участвует в интеграции кыргызского словесно-художественного комплекса творческих традиций в мировую литературу – через русский язык. Русские поэты-переводчики, в творчестве которых киргизская поэзия занимала сколько-нибудь постоянное место, как отмечает проф. В.И. Шаповалов, «составляли уже с конца 30-х годов более или менее сплотившуюся микрообщность такого рода». По его мнению, Л.Пеньковский, М.Тарловский, С.Липкин, А.Тарковский, несколько позже - Л.Руст, А.Глоба, В.Потапова, М.Петровых, В.Соколов, И.Волобуева и многие другие поэты-переводчики могли иметь и имели каждый свой круг интересов, творческих предпочтений, входили в какие-то литературные группы и отношения, но какими-то гранями своего творчества они несомненно объединены были в эзотерическую, по сути, общность, имевшую свои приоритеты, ценности, традиции, накопленный опыт и по-своему закрытую для “непосвященных”. Объединителем здесь была в

первенствующей степени киргизская художественная культура (внелитературные факторы консолидации тут менее интересны), а показателем исторического функционирования микрообщности - повторяющиеся переводы, которыми «русская переводная литература как бы демонстрировала одновременно постоянство творческих интересов и динамизм творческих исканий».

Обоснованно было бы отметить, считает В.И.Шаповалов, и становление в те годы таких микрообщностей (здесь уже труднее говорить о какой-то эзотеричности) как русские писатели Киргизии, которые в те годы - да и в подавляющем большинстве всегда, включая, конечно, и 80-е - были органично связаны с киргизской литературой как ее переводчики. И если в 30-е (Н.Чекменев, И.Зиборов и др.) эта общность только начиналась складываться, количественно была небольшой и с явно ограниченным творческим потенциалом, она все же оставила свой след в истории перевода, как и в исторической парадигме переводной множественности. В 40-е, особенно в 50-е годы С.Фиксин, Н.Удалов, А.Борцов, позже М.Ронкин и другие усилили творческую самоотдачу, одновременно консолидируя границы, традиции и творческий климат общности. Пика своего переводческая деятельность достигла к середине 80-х, что отмечалось и весьма официальной критикой: в отчетах писательских съездов и пленумов (СССР) имеется масса высказываний такого рода, которые, при всем их объяснимом однообразии, составляют в целом довольно красноречивый оценочный документ деятельности переводческой микрообщности в Киргызстане. Однако сегодня, по-видимому, эта переводческая общность безоговорочно завершила свое существование.

Уже одно то, что, начиная с 60-х годов, между «центральной» и «местной» (в республике) микрообщностями ощущалось нарастающее творческое соперничество и борьба за издательские возможности (причем, Москва была, образно говоря, «закрыта» для русских переводчиков Киргизии, а киргизские издательства по вполне понятным причинам часто предпочитали «местных»), говорит о том, что эти общности

были, в конечном счете, необходимым образом самолокализованы.

Излишне говорить, что едва ли не большая часть неоднократных переводов возникла в соревновательном контексте - если обратить внимание на синхронный аспект переводной множественности. Лишь один из примеров: стихотворения Алыкула Осмонова “Я родился”, “Дни” и “Детство” переводились трижды. И если “Я родился” и “Детство” сорок лет благополучно существовали в переводе В.Звягинцевой (с 1950-го года), то в 80-е оба заново “раздвоились” в переводе М.Ватагина для ленинградского издания А.Осмонова в “Библиотеке поэта” и в переводе М.Синельникова для двух изданий в Кыргызстане. Практически заново воссозданы, после “московских” переводчиков, лирика и поэмы Темиркула Уметалиева и А.Токомбаева - причем, если представительный том Т.Уметалиева “Преображение” вышел во Фрунзе и в переводах кыргызстанцев, то однотомник А.Токомбаева, где большая часть переводов принадлежит 70-м годам и “местным” переводчикам (С.Сулова, В.Шаповалов и др.), вышел в Москве, что ранее было просто непредставимо.

Такая литературная ситуация не могла не сложиться без участия русской поэзии в лице виднейших ее представителей. Все названные авторы пришли в большую литературу из демократических низов. А.Твардовский, М.Исаковский, Н.Рыленков, С.Фиксин, А.Гитович – это выходцы из смоленской земли. Н.А.Ремизова считает, что пафос поэзии А.Твардовского составляет чувство социальности. Но это справедливо не только по отношению к Твардовскому, но и к творчеству А.Гитовича, С.Фиксина. Именно чувство социальности определяло в творчестве и отмеченных поэтов принципы отбора жизненного материала для изображения. В центре внимания, скажем, и талантливому русскому поэту Александру Ильичу Гитовичу (1909-1966) оказались герои, живущие и действующие в моменты крутых социальных сдвигов (революция, гражданская война, коллективизация, финская война, Великая Отечественная война и др.).

А.Гитович вспоминал: «Я участвовал в нескольких путешествиях, из которых по крайней мере четыре можно с чистым сердцем считать настоящими путешествиями. В свое время я прослужил положенный срок в 11-м артиллерийском конном полку, а затем участвовал в трех войнах...»¹². Александра Гитовича по праву называют одним из первых певцов Советского Востока. Действительно, в путешествиях по Киргизии и республикам Средней Азии он открыл «новый для него мир». «Полон творческого удивленья, – пишет В.Шефнер, – он открывал для себя и для читателя свою Среднюю Азию – со всеми ее тогдашними трудностями, с пережитками, с не всюду еще изжитым басмачеством, – но одновременно и со всей ее советской новью, с неуклонным движением вперед...»¹³

Киргизия 30-х годов вдохнула в поэзию Гитовича новую струю. Молодой автор не устоял перед соблазнами «экзотического Востока» – есть в стихах сборника «Мы входим в Пишпек» ориентальные образы – «чалма», «пиала», «зеленый чай», «арык», «бай» и его «две молодые жены». В книге преобладает и мотив контраста нового и старого, что мы видели в поэзии А. Твардовского. И, тем не менее в стихотворениях «Мы входим в Пишпек», «География и война», «Теория относительности» налицо стремление лирического героя поэта «в пустынях Востока трудиться», а над столом карта блестит «азиатской желтизной» («География и война»). Герой Гитовича готов нравственно к встрече «с ветрами угроз», когда «под пулями дрогнет вода», правда юноша войнам пока предпочитает «географию путешествий». В лирическом герое Гитовича авторское и «биографическое» начало – неразделимы. Здесь налицо интонации полуиронии в отношении себя:

А я, и не нюхавший пороха сроду,
Как допрозвивник девятого года,

---

¹² Гитович А. От автора // Гитович А. Стихотворения. - М. Худ.литература. 1969. С. 3.

¹³ См.: Гитович А. Стихотворения. - М.: Худ.лит. 1982. С. 8.

Клянусь, чтоб равняться эпохе подстать,
Все недожитое наверстать.

Ведь он пока только «студент по циклу Афганистана», правда, поддерживающий дружбу с казармой, читающий «стихи комсоставу».

Стихотворению «Мы входим в Пишпек» предпослан эпитафия из поэзии Н.С.Тихонова («Так в Азию входим мы...»). Это примечательная деталь. Действительно, А.И.Гитович – это русский поэт, представитель большой русской литературы, наряду с Н.Тихоновым, Вл.Луговским, А.Адалис, Г.Санниковым, Л.Соловьевым, П.Лукницким и др., «открывавший» обновленный Восток. Герой Гитовича приехал в «желтую» и «голубую» Азию не только для «открытий», но и для учебы. Зрелый поэт как-то сказал: «Надо жить на свете, чтобы учиться, а не поучать». Вот почему при описании своего въезда в Пишпек, герой и поддерживает интонацию самоиронии («ветрами пустынь чалму качая», «Азия пошла жарою, красным перцем, зеленым чаем» и т.п.). Иронический настрой по отношению к себе – это та защитная форма от избитых клише ориентальной поэзии, над чем в эти годы не менее хлестко иронизировали И.Ильф и Евг.Петров («Золотой теленок»):

Круглей пиалы, плотнее плова,
Над всеми ночами плыла луна,
И мухи, как тучи, летели, лиловы,
Колючие тучи, честное слово
Азия ими полным - полна.

И в эту породу сухого вызова,
В грохот базаров твоих, Киргизия,
В желтые волны, не зная броду,

Мы погружались, как рыбы в воду. («Мы входим в Пишпек»).

Так же как и у А.Твардовского, М.Исаковского, народно-поэтическая фразеология играет здесь ударную роль («не зная броду», «сидим на мели», «на краю земли», «бочком-тишком»).

П.Выходцев писал, что связи смоленских поэтов с устным народным творчеством глубоки и многосторонни.¹⁴ В эти годы Н.Тихонов писал, что претворить быт надо так, чтобы «он вышел из частного случая в общий и многомерный и многоплановый»¹⁵. Автор «Юрги» и «Браги» через местный материал выпрямлял своих «героев в художественный типаж». Борьбу нового быта со старым, ломку былых устоев в городе и деревне, А. Гитович также стремится не просто фиксировать, а воссоздавать в художественном преломлении.

«Киргизия, ты обросла стариной!» - говорит герой Гитовича. Прошлое ему видится в образе бая, который «бочком, тишком» «лезет на лошадь пузатым мешком»:

Наверно, судьба у него неплохая:
Лошади нагружены,
Восемь халатов и три малахая,
Две молодых жены.
И вьюки – как бочки – полным-полны,
И жены теснятся робея.
И все малахаи – желтее луны,
Халаты – воды голубее.

Но над всем этим «инога века рассвет»: в толпе «хороших и прочных ребят», шумящих у здания ЦИКа «трубой пионерского крика», рабочих «по горло в труде», дехкан «в арычной воде по колено». Гостю Пишпека понятен их энтузиазм: «Ленин похоже звучит на ста тридцати языках».

Многие русские писатели - Л.Канторович, А.Поповский, А.Сытин, Г.Тушкан, побывавшие в Киргизии, обращались к теме «пограничной республики». А.Гитович эту тему затронул в ряде своих произведений («Ущелье», «Андрей Коробицын», «Встреча» и др.). «Нас Азия жжет пограничную ночью, она не дает нам покоя», - говорит его герой. В стихотворении «Память» он задается вопросом: «Да разве было это? ли снится

---

¹⁴ *Выходцев П. А. Твардовский и народно-поэтическое творчество // Вопросы советской литературы. Л.: Наука, 1956. С. 198.*

¹⁵ См.: Как мы пишем. Изд-во писателей в Ленинграде. 1930. С.141.

мне сон об этом? Горная река, далекая китайская граница...» И он сам отвечает: «Все это было. Было».

Не менее интересным был путь в горную Киргизию и другого смоленского поэта Сергея Андреевича Фиксина. Как свидетельствует А.Кондратович, поэт Александр Твардовский, приехавший из хутора в большой город, нашел в лице членов СмолАППа – М.Исаковского, Б.Иринина, Е.Марьенкова, С.Фиксина, А.Гитовича – верных товарищей по перу. «Твардовский легко сходится с ними, многому у них учится, ездит с ними по области, даже отправляется с поэтом Сергеем Фиксиным в настоящий вояж по стране...»¹⁶

В книге «Воспоминания об Александре Твардовском» (М: 1978) опубликован очерк-воспоминание С.А.Фиксина «Первая даль поэта» об этой поездке через Брянск, Орел, Харьков в Крым. Фиксин и Твардовский вместе выполняли редакционные задания. «Наше ежедневное общение, – пишет Фиксин, – перешло в дружбу»¹⁷. Он вспоминает, как однажды слушали его новые стихи и как у А.Твардовского зародился замысел известного стихотворения «Уборщица» (1928). «Вся суть стихотворения заключалась в опозитизировании труда «маленького человека» – уборщицы» (примечательно, что газета «Советская Киргизия» от 22 июня 1928 года уже перепечатала на свои страницы произведение молодого поэта).

После совместной поездки в Крым друзья расстались. А.Твардовского пригласили в Москву, а Фиксину пришлось ехать в Киргизию. «Около года работал в Киргизии, тогда еще незнакомой для меня страны небесных гор»¹⁸, – пишет С.Фиксин. – Я, конечно, и не думал в то время, что спустя тринадцать лет, вернусь сюда солдатом навсегда обрету здесь свою вторую родину.

---

¹⁶ Кондратович А. Александр Твардовский: Поэзия и личность. - М. Сов.писатель.1978. С.60-61.

¹⁷ Фиксин С. Первая даль поэта// Воспоминания об Александре Твардовском. - М: Сов. писатель, 1978. С.20.

¹⁸ Фиксин С. Указ. соч. С. 109.

Меня тут встретили по-свойски,
Поэтам стал я друг и брат,
Пусть не Сурков и не Твардовский,
Но все же пишуший солдат...»

К.Ваншенкин писал: «Ранний Фиксин – типичный представитель смоленской школы, лирик с тонким ощущением природы, выверенным стихом»¹⁹. Он же отмечал, что Фиксин родился и сформировался как поэт в Смоленске, «однако большая часть его жизни прошла в краях совершенно иных, непохожих, далеких – в Киргизии, куда в начале тридцатых приехал он комсомольцем и где после войны обосновался уже навсегда». Здесь в биографии Фиксина верно подмечен феномен «культурного пограничья», который достаточно интересно и во многих плоскостях рассмотрен в трудах ряда видных ученых и критиков республики, приобретая – уже в конце XX века – новые, и подчас драматические, смыслы.

В советской литературе, как известно, широкое хождение имела горьковская концепция героического, героя-преобразователя. Она получила развитие в творчестве многих видных мастеров – М.Шолохова и А.Твардовского, А.Фадеева и А.Суркова, Н.Островского и М.Исаковского, К.Симонова и Я.Смеякова. Литературовед Г.П.Лонгвин выделяет несколько пафосов, присущих всей советской литературе. Так, в 20-е годы в литературе преобладал пафос революционного обновления («буря», «ветер» революции у А.Блока, В.Маяковского, С.Есенина и др.), в 30-е годы пафос романтизации труда (в поэзии В.Маяковского, Вл.Луговского, Н.Тихонова, Б.Ручьева, Б.Корнилова, В.Инбер, О.Берггольц и др.), в годы Великой Отечественной войны преобладали идеи защиты Отечества (в творчестве А.Ахматовой, М.Алигер, А.Твардовского, М.Исаковского, В.Лебедева-Кумача, А.Суркова, К.Симонова и многих других) и т.п. В.В.Черная писала, что в советском

---

¹⁹ Ваншенкин К. «И нет конца заветной цели» // Фиксин С. В добрый час. Стихи. М.: Сов. писатель, 1979. С. 5.

обществе понятие «Родина» наполнилось новым содержанием, а чувство патриотизма гармонически сочеталось с интернационализмом²⁰. В.Саенко в статье «Гражданский долг как нравственная основа образа жизни человека» (1978) указывал, что чувство долга побуждало миллионы советских людей на трудовые и ратные подвиги. Нельзя отрицать того факта, что миллионы простых людей, весьма далеких от партийной риторики и дешевых лозунгов по зову сердца свои личные интересы подчиняли высоким целям общества. Вот почему многие исследователи: В.Пискунов (1971), Н.Гей (1973), В.Новиков (1978) обращали внимание на проявление героического, патриотического пафоса в литературе. Вместе с тем, критики Е.Любарева, А.Ланшиков, В.Дементьев «О патриотической лирике советских поэтов говорили о недостаточной изученности важных сторон творчества таких мастеров слова, как А.Твардовский, Вл.Луговской, Н.Тихонов, Б.Ручьев, Л.Мартынов, С.Фиксин, А.Сурков, которые сыграли огромную роль в открытии литературы Востока в советский период.

В годы войны русские и кыргызские мастера слова пережили патриотический подъем, своим ратным и мирным трудом выразив любовь к родной земле, желание дать отпор врагам. Взволнованно-призывное страстное слово писателей с первых же дней военной страды стало, по словам А.Н.Толстого, выражением «героической души народа». Каждый из писателей республики осознавал необходимость решения главного вопроса современности: как отстоять от наступления варварства жизнь и культуру, что следует противопоставить тлетворному влиянию нацистской идеологии. Многие писатели, журналисты, участвовали во всех решающих операциях советских войск: в боях по отражению натиска врага в страшном 41-м году, героической обороне Москвы, изматывающих боях за

---

²⁰ См.: Проблема художественного изображения личности в современной литературе: Статьи. – М., Сов.писатель, 1978.

Ленинград, Сталинградском побоище, сражениях на орловско-Курской дуге, форсировании Дона и Днепра, разгроме фашистов под Берлином. Историками замечено, что более 300 тысяч кыргызстанцев, то есть почти каждый третий взрослый труженик республики, влились в ряды вооруженных сил страны. 73 кыргызстанца были удостоены звания Героя Советского Союза, свыше 40 тысяч награждены орденами и медалями. Достойный вклад в общее дело победы внесли труженики тыла – рабочие, колхозники, интеллигенция. Немеркнувшей славой покрыли себя бойцы 316-й стрелковой дивизии под командованием генерала И.В.Панфилова. Д.Шопоков, Н.Ананьев, Г.Конкин, Г.Шемякин, Ч.Тулесбердиев, К.Джуматаев, Д.Асанов и сотни кыргызстанцев своими подвигами подтвердили правоту слов: «Быть человеком – значит быть патриотом».

Война существенно изменила картину литературной жизни края. Как известно, с 1934 года в Кыргызстане действовал Союз писателей республики. Он объединял секции киргизских, русских писателей. В 1940 году в республике уже издавалось 69 газет разовым тиражом 192 тысячи экземпляров, в том числе 43 – на кыргызском языке, 12 журналов и других изданий²¹. С 1936 по 1940 годы республиканским издательством было выпущено 1408 названий книг тиражом 11 миллионов 168 тысяч экземпляров. На страницах этих газет и журналов активно печатались поэты и писатели Т.Сыдыкбеков, Дж.Боконбаев, М.Элебаев, Дж.Турусбеков, К.Маликов, Дж.Джамгырчинов, Т.Шамшиев, А.Токомбаев, К.Эшмамбетов, У.Джакишев, М.Догдуров, К.Джантошев, М.Абдукаримов, М.Токобаев, К.Баялинов, А.Токтомушев, У.Абдукаимов, Т.Уметалиев и многие другие. В русской секции активно работали Г.Денисов, В.Горячих, Э.Беккер, Н.Удалов,

---

²¹ Деев В. Литературная жизнь Киргизии накануне войны // Деев В. История в образах. - Фрунзе, Кыргызстан. 1981. С. 17.

Н.Чекменев и другие. Вскоре их небольшой отряд пополнился эвакуированными писателями России, Украины и Белоруссии.

В годы войны в республику были эвакуированы сотни заводов, фабрик, вузов и НИИ, творческих коллективов. Историк С.А.Токтогонов отмечает, что во Фрунзе разместились Государственный симфонический оркестр СССР, в Оше – Ворошиловоградский драмтеатр, Херсонский украинский театр оперетты, кукольный театр, Московский театр миниатюр, в Пржевальске – Донецкий музтеатр, в Токмаке – Одесский театр революции и др.²² В числе эвакуированных многие были писатели – Я.В.Апушкин и его жена М.Н.Муромцева, Л.П.Пасынков А.Ф.Кравцов, Е.Г.Босняцкий, В.Ф.Авдеев, А.Адалис, В.В.Винников, Н.Манухина, Е.Ячник. Позже в Киргизию прибыли журналисты и писатели А.Н.Степанов, Е.Н.Ковский. Некоторое время жили в республике А.Жаров, Г.Шенгели и др.²³ Все это в немалой степени помогало укреплению литературных сил Киргизии, развитию новых тем, жанров, росту мастерства авторов²⁴.

Несмотря на все превратности страшной войны, русская литература Киргизстана, равно как и творчество киргизоязычных авторов, за четыре героических года сумела сполна выполнить свою миссию. За годы войны заметно повысилось общественное и эстетическое значение слова русской поэзии. «Никогда еще наша литература, - пишет В.Вакуленко, - не откликалась так единодушно и оперативно на события времени, как в годы борьбы с фашизмом»²⁵. Литературовед отмечает, что особенно активно развивались в

---

²² Токтогонов С.А. Вклад киргизского народа в годы Великой Отечественной войны // Материалы научно-практической конференции, посв. 45-летию Победы. Джалал-Абад, 1990. С. 4-9.

²³ Деев В. История в образах. - Бишкек. Кыргызстан. С. 28-29.

²⁴ Озмитель Е. Собратья по перу // Е. Озмитель. Литература горного края. - Фрунзе, Кыргызстан. 1971. С. 119-127; Жирков А. Острее, чем меч // Время. Герой. Литература. - Фрунзе, 1979. С. 121-136.

²⁵ Вакуленко В. Ради жизни на земле: (о лирике 40-х годов) // Лирика 40-х годов. - Фрунзе: Кыргызстан, 1977 / Антология советской поэзии.

эти годы публицистика и лирическая поэзия». С первых дней войны республиканские и областные газеты и журналы печатают стихотворения «Великий марш» М.Элебаева, «Идемте» А.Токомбаева, «Кровь за кровь» К.Маликова, «Пора уничтожить врага» Дж.Турусбекова. 23 июня 1941 года на страницах «Кызыл Кыргызстана» публикуется стихотворение «Мы победим» С.Сасыкбаева. По республиканскому радио свое стихотворение «Товарищ» читает русский писатель Николай Удалов:

Отечество зовет тебя, товарищ,
Героем быть на рубежах страны!
Ты охраняй свободный труд, товарищ,
Которым мы богаты и сильны...²⁶

Особую активность проявляли в литературной жизни республики русские литераторы Н.Снегин, выступивший на страницах газеты со стихотворением «Победа за нами» (газета «Советская Киргизия» от 27 июля 1941 года), Г.Денисов («Мы победим»), В.Винников, Л.Пасынков и др. Дм.Брудный писал, что творческое лицо русского поэта Георгия Денисова сформировалось еще в довоенные годы. Свой сборник «Начало песни» он выпустил в 1938 году. В годы войны Г.Денисов прошел «как солдат суровую школу», «познал радость победы». Многие стихотворения той поры вошли в его новый сборник «Жизнь торжествует». Заветная мечта его лирического героя Родине отдать «всю жизнь»²⁷.

Заметное место в русской литературе Кыргызстана заняло также творчество Виктора Винникова. Видный поэт и переводчик, еще до войны активно участвовал в литературной жизни республики. Многие его стихи, переложенные на песни стали любимыми в горном краю. Совместно с композиторами В.Мурадели, Ю.Милютиным и другими Винников создал такие широко известные песни как «Песня ополчения»,

---

²⁶ Деев В. История в образах. - Бишкек. Кыргызстан. - С. 28.

²⁷ Брудный Дм. Из истории русско-киргизских литературных и театральных связей. - Фрунзе: Киргосучпедгиз, 1960. С. 92-93.

«Дальневосточная», «Возле города Кронштадта» и др. Будучи членом бюро переводчиков СП СССР, В.Винников очень много сделал по пропаганде киргизской патриотической литературы. Следует отметить, что многие русские писатели из Москвы и Ленинграда, эвакуированные в Киргизию, прежде всего занялись переводческой работой. Так, в переводе В.Винникова уже в 41-м году стали широко известными строки из стихотворения «Мы – москвичи» К.Маликова:

Когда у стен твоих гремят мечи,
Мы все в такую пору москвичи,
Мы все – твои бойцы-богатыри,
Все наши силы, Родина, Бери!

Переводили патриотические стихи Т.Уметалиева и А.Осмонова поэты В.Левик, С.Липкин, С.Обрадович, Е.Орловская, а поэтесса А.Адалис – произведения Дж.Боконбаева, А.Токомбаева. Особенно удачным был перевод Адалис стихотворения Боконбаева «Я рожден в такой стране...». Поэт-переводчик Г.Шенгели достоянием многих читателей сделал «Письмо к любимой» А.Токомбаева. В переводе С.Липкина стали широко известными стихотворения Токомбаева «Иди, сын мой!», «Благословение» и др. Во всех этих произведениях явственно звучала тема родины, ее защиты. Лирический герой Т.Уметалиева с гордостью утверждал:

Для Родины пылающее сердце,
Врага испепеляющее сердце,
И ржавчины не знающее сердце –
Киргиза сердце я ношу в груди. (пер. В. Левика)

Этими же чувствами жили в Киргизии и русские писатели. Под редакцией Л.Пасынкова они стали выпускать альманах «Киргизстан», на страницах которого печатались многие русские авторы. Так, В.Винников и Дж.Боконбаев публикуют стихотворение «Наш друг» о генерале И.В.Панфилове. Русские поэты участвовали и в переводе «Письма бойцам, командирам 8-й Гвардейской дивизии имени Панфилова от прозаиков, поэтов и акынов Киргизстана:

Бойцам непобедимым – вам,
Родным панфиловцам – орлам, -

От Ала-Тоо, от лугов,
От юношей и стариков, -
От всех – богатырям побед
Шлет богатырь-народ привет!

Это письмо подписали наряду с киргизскими акынами, поэтами Алыскулом, Калыком, Саякбаем, А.Токомбаевым, Дж.Боконбаевым, К.Маликовым и русские писатели В.Винников и др.²⁸

Л.Пасынков, А.Адалис, С.Липкин, В.Винников, Я.Апушкин в тесном контакте с киргизскими авторами работали над повышением литературного мастерства, боевитости поэтического слова. «Русские писатели регулярно, – пишет историк Т.Баялиев, – выступали в печати и на собраниях писателей с обзорами и критическим анализом произведений киргизских собратьев по перу. Это была дружеская, доброжелательная критика, содействовавшая повышению мастерства киргизских писателей, их профессиональной культуры». В марте 1942 года Союз писателей республики организует конференцию, посвященную вопросам оборонной литературы. С подробным анализом развития прозы, поэзии, драматургии в республике выступили наряду с А.Токомбаевым, Я.Шиваза и Я.Апушкин, Л.Пасынков, В.Винников и др.

Многие из них энергично осваивали язык, культуру киргизского народа. В своих произведениях мастера русской литературы выражали горячую признательность Киргизии за гостеприимство, доброту. Ведь она стала для них частью большой Родины. Им были весьма близки чувства лирической героини А.Ахматовой: «Я буду помнить звездный кров...» В один из выездов на фронт В.Винников говорил: «Нигде мы так не чувствовали наше кровное родство».

Бесспорно, Отечественная война сблизила русскую и киргизскую литературы. Несмотря на трудности военных испытаний, и те и другие жили общими заботами быть «за все в

---

²⁸ Мурадымов Н. С любовью к горному краю // Ленинский путь. 1983. 6 июля.С.6

ответе». Следует согласиться, что для многих русских писателей «Киргизия стала не только темой, воздухом творчества, но и второй родиной»²⁹. Именно чувство патриотизма двигало творческую энергию Н.Удалова, Н.Чекменева, В.Горячих, С.Фиксина, Г.Денисова в поисках своего героя. У каждого из них есть строки, посвященные вновь обретенной родине. Их чувства хорошо передал К.Кулиев, оказавшийся в последние годы войны во Фрунзе. «Ты мне давала сладкий ломоть хлеба, ты мне надеждой озаряла сны», – писал балкарский поэт в стихотворении «Киргизии». Суровая киргизская действительность военных лет, насыщенная мыслями о фронте и тыле, давала русским поэтам новые темы и образы. Конечно, пафосно-героическое восприятие войны порой мешало глубокому проникновению в характер современника, локальных примет быта киргизского края. Нежная привязанность к «новой» родине хорошо передана в следующих строках Сергея Фиксина: его лирический герой помнит:

Все, что меня когда-то породило
И навсегда оставило с тобой.

(«Два милых сердцу края»)

Но таких удач было гораздо меньше, нежели подлинных достижений в изображении героя времени.

Вот почему критик А.Лейтес в статье «Поэзия священной войны» (1943) говорил о необходимости разнообразить художественные средства в показе солдатской души. К.Зелинский отмечал, что война вскрыла «коренную слабость нашей лирики, выражающуюся в узком понимании ею своей основной задачи – раскрыть духовное богатство советского человека»³⁰. Говоря о засилье в поэзии описательной лирики, критик полагал, что псевдолирическое портретирование войны

---

²⁹ Хлытенко Г. Поиск. Мастерство. Поиск. - Бишкек. Кыргызстан. - С. 81.

³⁰ Зелинский К. О лирике // Знамя, 1946, № 8-9.

или природы, пейзажа душевного или краевого подменяет у стихотворцев мысль, самораскрытие, истинное чувство.

Это замечание уместно и по отношению к поэтам республики. О необходимости преодоления ложного пафоса, риторики, иллюстративности говорили и писатели, критики Киргизстана. Весьма часто, не умея ярко выразить лирические чувства своих героев, иные авторы уходили в эпос, сюжетные стихотворения. Обращение к эпической поэтике оборачивалось шаблонностью. «Советская Киргизия» писала: «Иногда желая придать героям богатырские качества, писатели злоупотребляют всякими неуместными образами и сравнениями. Благодарная задача писателя создать живые образы наших героев, раскрыть художественными средствами их внутренний мир, написать так, чтобы без волнения нельзя было читать об этих героях»³¹.

Вопросы объективного изображения героя и героического затрагивались в работах и статьях К.Рахматуллина «За двадцать лет» (1946), А.Токомбаева «Киргизская литература в дни Великой Отечественной войны» (1944), К.Иманалиева «Киргизская литература в годы Великой Отечественной войны», С.Жумадылова «Ведикая Отечественная война в киргизской поэзии» и др. О необходимости творческой учебы у мастеров, полнокровного изображения человека в серой солдатской шинели говорили и сами участники войны – С.Фиксин («Повысить требования», «Больше взыскательности»), К.Кулиев («Настойчиво овладевать мастерством»), Т.Уметалиев («Несколько слов о мастерстве»), Н.Удалов («Поэт жизненной правды»). Одновременно отмечались как достижения, так и «болевые» точки решения проблемы героического. Свою негативную роль сыграла «теория бесконфликтности», особенно в послевоенной поэзии.

Поэту-фронтовику Н.Имшенецкому не всегда удавалось найти убедительные интонации для выражения чувств

---

³¹ См: Сов. Киргизия. 1943, 12 дек.

лирического героя. Стихи «В походе», «Нас песня водила», «Баллада о тельняшке», «Песня о молодых матросах», «Песня о героях Гангута» из сборника поэта «От всей души» (1950) получили достаточно суровую оценку. «Обеднение больших тем» (М.Рудов), «Плоды небрежности и спешки» (А.Залуцкий) – вот такие отзывы и рецензии были нередки по поводу стихов Имшенецкого. Элементы риторики, ложного пафоса, бодрячества присущи его стихотворениям «Мы не хотим войны!», «На страже свободы мы стали», «Во славу вождя и народа», «Мы люди борьбы и труда», «Мы присягаем, партия, тебе». Характер современника у этого поэта чаще выражен в обобщенной форме «мы». Литературовед А.Михайлов говорил, что «лирический герой – это художественный образ в системе других образов, сочетающий индивидуальное и типическое, характерное и общее, что образ поэта в лирике, родственный, но не тождественный ему, как не могут быть тождественны художественный образ в искусстве и его прототип в жизни»³², и это принципиально сопрягается с трактовкой понятия И.Роднянской. Тонкое наблюдение о положительном герое поэзии находим у В.Д.Сквозникова: «Лирический герой всегда субъективно положителен»³³. Некоторым поэтам военных и послевоенных лет не всегда удавалось сохранить ядро лирического характера, его «социального качества», связей с родиной, народом, природой. Ведь особенный интерес к «истокам», героическому прошлому народа, истории, языку, культуре всегда было отличительной чертой русской и киргизской поэзии и соответственно, примечательной чертой лирического героя поэзии.

А.Т.Твардовский писал: «У большинства людей чувство родины, в обширном смысле родной стороны, отчизны дополняется еще чувством родины малой, первоначальной, родины в смысле родных мест, отчих краев, района, города,

---

³² Михайлов Ал. Лирика сердца и разума. – М Сов. писатель.: 1965, с.82.

³³ Сквозников В.Д. Лирика // Теория литературы. Кн. 2. – М., Сов. писатель. 1964.

деревушки. Эта малая родина со своим особым обликом, со своей – пусть самой скромной и непритязательной красотой – предстает человеку в детстве, в пору памятных на всю жизнь впечатлений ребяческой души, и с нею, этой отдельной и личной родиной происходит с годами к большой родине, что обнимает все малые и – в великом целом своем – для всех одна»³⁴.

Как уже было сказано, «малой» родиной С.А.Фиксина и А.Т.Твардовского была смоленская земля. Оба поэта тонко, лирично воспели, поистине, ее скромную и непритязательную красоту. Также как и «смоленский собрат» С.Фиксин в годы войны был военным журналистом. Свои материалы он печатал на страницах «Комсомольской правды», «Боец ВККА», «Боевого товарища». Отступая с частями Красной Армии, оставляя родной Смоленск, Фиксин с особой болью ощутил трагизм войны. Сходные чувства пережил и автор «Василия Теркина», Тема родине в «лирике родных мест» у Твардовского и Фиксина звучит особенно лирично, искренно. В.В.Ильин писал, что «лирический характер местной темы... вызван отчасти тем, что Твардовский вынужден был вскоре покинуть навсегда свои «родные пенаты».³⁵ Усиление лирики об отчем крае у С.Фиксина в годы войны и послевоенные годы, видимо, было обусловлено его переездом в Киргизию. В произведениях «Станция Починок», «На хуторе Загорье», «Партизанам Смоленщины», равно как и в поэмах «Страна Муравия», «Василий Теркин», «За далью даль» А.Твардовский с удивительным лиризмом воспел родной смоленский край. С особой болью он писал о захваченной Смоленщине в годы войны:

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Ты осталась позади,

---

³⁴ Твардовский А.Т. Собрание сочинений в 6 т. Т.5. - М., Мол.гвардия. 1983. С. 26.

³⁵ Твардовский А.Т. Там же.

Ты у воина в груди. («Василий Теркин»)

Поэзия военных и послевоенных лет Сергея Фиксина о родной Смоленщине поведала столь же лирично, рельефно. Для его лирического героя родина – «это как песня недопетая, как сон, оборванный грозой». Ему «по запаху явора вспомнилось детство», «босая девчонка с вальком и бельем» («Вода наступает на берег отвесный»). Ему дороги места, «где над рекою верба», где «слушал каждый звук лесной, каждый кустик трогал над коричневой водой». И вот война, и «уже стояли над Смоленском густое зарево и дым» («Брат»). Стихотворения Фиксина «В старом бору» (1941), «На допросе» (1941), «Кровли ржавые на панели», «В сентябре», «После полета» (1942) достоверно передают трагическое ощущение человека, чей покой, труд, счастье попораны войной. Наряду с «лирикой родных мест» в этих строках рождается тема «жестокой памяти войны». «Лирический герой увидел и запомнил убитого мальчика «в синей куртке из фланели» («Кровли ржавые на панели») и ребенка рождения 22 июня («Ты был рожден проклятого числа»), и худого, угрюмого фашиста, который дешевою ценой мечтал получить «и дачу под Москвой», и чин, и капитал» («На допросе»).

Война по-новому заставила взглянуть на все – на прошлое, настоящее и будущее. «Малая родина» у Фиксина вырастает до понятия «большой». Его герой с болью прощается с родным Смоленском: бойцы оставляют город врагу. В стихотворении «Мы снова вернемся» лирическое «я» сливается со всеобщим «мы»:

Мы снова вернемся –
Я верю, я знаю.
Но сердце болит
По родимому краю,
Где детство мое
Босиком пробегало,
Где первую книжку
Мне мать покупала.

Сердце лирического героя исполнено боли не только за поруганный родной город, но и «по лодкам днепровским, по

теплым закатам, по ветлам высоким, по низеньким хатам, по рощам сосновым, и росным лугам, – что в прошлом июле достались врагам». Но как сын родной земли, он уверен, что час расплаты близок «за каждую крошку смоленского хлеба, за каждый клочок затемненного неба, за страшное кладбище в детском саду заплатят разбойники в этом году».

В стихотворениях завершающих лет войны «Что скажет почта полевая», «Мать», «Брат», «Смоленск», «В госпитале», «Голос Москвы», «Отъезд» (1944-1945) С.А.Фиксин обогащает тему страданий и памяти ощущением близкой победы. Его герой мужественно сражался

За страну родную, За отчизну свою,
За великую правду... («В госпитале»)

Он вернулся в родные смоленские края с тысячами беженцев, которые растеряли в скитаньях пожитки, но сберегли «как черного золота слитки по комочку Смоленской земли». И сердце воина-освободителя гордо от ощущения:

Он стоит, обожженный войною,
Непреклонный, высокий Смоленск. («Смоленск»)

Голосом Левитана освобожденная родная земля благодарит своих сынов и дочерей:

Говорила Родина моя,
Обнимала, грела и бодрила,
Через горы доли и моря
Сыновой своих благодарила («Голос Москвы»)

В унисон словам А.Твардовского «Давайте, люди, никогда об этом не забудем!» звучат стихотворения С.А.Фиксина «Фронтная газета», «Пока двенадцать бьет», «Память», «На перекрестке», «Сидят старики-солдаты», «Июль 41-го года», в которых поэт сдержанно, немногословно затрагивает тему «жесточкой памяти» войны. Лирический герой Фиксина, обращаясь к К.Кулиеву говорит: «Мы повстречались в год Победы, хлеб-соль делили восемь лет...» («Старому другу»). В другом месте поэт просит своих друзей: «Давайте вспомним сорок первый год», когда перед каждым бойцом «встал отцовский дом с замерзшим переkreщенным окном».

«Вторая родина моя» – так С.А.Фиксин отозвался о Киргизии в лучших своих стихотворениях «Рахмат тебе, Смоленская земля» (1959), «Торгой» (1958), «Над Киргизией синее небо» (1958), «Гимн юности» (1961), «Два милых сердцу края» (1963), «Золотой старик» (Саякбаю Каралаеву), «Земле киргизской» (1965) и др. Литературовед М.А.Рудов отмечал, что раздумья Фиксина о «новой» родине одухотворены «искренним чувством любви и уважения к киргизскому народу и выражает ту меру личной правды, без которой немыслима лирическая поэзия».³⁶

Действительно, исповедальная нота окрашивает многие строки русского поэта о Киргизии правдой чувств, переживаний. Герой Фиксина помнит родную Смоленщину, ее достойных сынов Н.М.Пржевальского, – он был не только русский, но и смоленский человек», Н.Рыленкова («Памяти Николая Рыленкова»), А.Твардовского («Был у меня великий друг...»), красоту природы смоленской земли. Вот почему писал автор, что «живут во мне первоосновой моей любви к родной земле» («Есть над Смоленском Персветов»). Искренние слова любви поэт нашел для земли:

Ты, словно мать, склоняясь у изголовья,

Отогреваешь снег моих седин.

Мне все казалось, что твоей любовью

Располагаю только я один.

Так, по-ребячьи, видно, думал каждый,

В чьем сердце ты свой огонек зажгла.

А ты любому утоляла жажду,

Для всех хватало своего тепла. («Земле киргизской»/

Лирического героя Фиксина радуют, но и беспокоят большие перемены на родине Токтогула. В году бесконечных пятилеток, грандиозных строек на реке Нарын, он задается тревожными вопросами: «Неужто песней погребальной моторы славят новый век?» «Неужто внукам Сатылганова земля родная

---

³⁶ Рудов М. Звенья открытий. - Фрунзе. Мектеп. С. 146.

немила?» В зону затопления попадают сотни айлов («ведь здесь и дед его родился и сам он тут с рожденья жил»). Здесь «шаги саженьи» НТР увидены не глазами стороннего наблюдателя, а сына этой земли. «Во мне живут два милых сердцу края, моя двойная радостная боль», – говорит поэт.

50-е «оттепельные» годы стали для русской поэзии временем подлинного расцвета. На смену поэтам старшего поколения шли молодые авторы. В больших залах Лужников, в Политехническом музее, в вузовских и школьных аудиториях проходили бурные поэтические вечера. Начался выпуск альманаха «День поэзии». Журналы и газеты заметно увеличили свои «площади» для стихов. Сходные процессы переживала и литература Кыргызстана. За короткий срок в республиканских издательствах были выпущены коллективные сборники поэзии «Доброе утро» (1958), «Поем о счастье» (1958), «Родной земле» (1958), «Навстречу солнцу» (1959), в подготовке которых участвовали Я. Земляк, Н. Имшенецкий и др. Наряду с известными именами появляются новые – М.Ронкин, Е.Колесников, Л.Аксельруд, Ю.Смышляев, Л.Дядюченко, А.Залуцкий, В.Леденев, Н.Калашников, В.Качаев, Ф.Зарецкий.

О Киргизии пишут поэты России Л.Ошанин («Тяньшанские ели», «Есть Терской и Кунгей»), И.Волобуева («Путь к Тянь-Шаню», «К другу»), Р.Рождественский («Памятник Пржевальскому»), В.Цыбин («Семиречье», «Тянь-Шань», «Встреча с домом»), С.Сомова («Подкова»).

Заметно активизировал свою работу Союз писателей Кыргызстана, коллектив республиканского журнала «Киргизстан» (с 1957 года «Литературный Киргизстан»). Критик Е.К.Озмитель на страницах «Советской Киргизии» (9 декабря 1956 г.) размышляет о творчестве молодых авторов. Он же в эти годы выступает со статьей «Ближе к современности» (Лит. Киргизстан, 1958, №6). О новой поэтической поросли – также статья А. Сальникова (1959), С.Фиксина («Поговорим по душам»). Критик М.А.Рудов писал об узких местах журнала «Киргизстан» в статье «Оправдать надежды читателя» (1956). Сходные проблемы затрагивал в заметке «Журнал, отстающий

от жизни» (1957) Н.Бутенко. Уже через 2-3 года критики стали о журнале «Литературный Киргизстан» писать более доброжелательно³⁷.

Критик Ст.Лесневский в разговоре о русской поэзии 50-60-х годов, о взаимоотношении нескольких поэтических поколений отмечал, что наступил «какой-то важный рубеж в развитии поэзии». И он свою статью заканчивал вопросом: «Что скажет племя младое, незнакомое»?³⁸ Критик и литературовед Дм.Брудный большие надежды возлагал на животворную силу традиций.³⁹ Действительно, русско-киргизские литературные связи именно в эти годы взяли новый старт. И критик верно полагал, что новое поколение дальше передаст все то, что было накоплено в 20-30-е, военные и послевоенные годы. Эти ожидания оправдались сполна. Поколение М.Ронкина, Л.Аксельруда, Е.Колесникова, Ю.Смышляева сумело в сложных условиях 50-60-х годов сохранить все лучшее из межлитературных связей и передать это новому поэтическому поколению, то есть В.Шаповалову, С.Сусловой, А.Никитенко, М.Синельникову, М.Шабаевой, С.Луговой и другим. В.Зайцев считает, что творческое развитие опыта предшественников помогло поэзии 60-70-х годов развернуть обилие стилевых поисков.⁴⁰ По В.Я.Вакуленко, молодые поэты вошли в литературу «стремительно, уверенно и шумно»: «Поэтическое слово многих из них звучало как искренний и страстный отклик на самые животрепещущие проблемы времени...⁴¹».

50-60-г. были наполнены большими ожиданиями. Это была эпоха освоения космоса, атома, интегралов, строительства

---

³⁷ *Озмитель Е.* Журнал может и должен стать лучше // Сов.Киргизия. 1959. 11 июня; *Поляков А.* Обещающее начало: (Читатели обсуждают журнал «Литературный Киргизстан») // Сов. Киргизия, 1959, 21 августа.

³⁸ *Лесневский Ст.* Перед новой далью. – Юность, 1965, №12. с.94.

³⁹ *Брудный Дм.* Традиции литературы. К вопросу о русско-киргизских литературных связях // Сов. Киргизия. 1959. 22 мая.

⁴⁰ *Зайцев В.* Русская советская поэзия: 1960-1970 гг. - М., Мол.гвардия. 1984.

⁴¹ *Вакуленко В.* Поэзия середины века // Лирика 50-х годов. - Фрунзе: Кыргызстан, 1978. С. 10.

новых городов, освоения новых земель. Заметно изменилось международное положение страны. Одновременно шло нагнетание идеологического противостояния. Все это активизировало публицистическую поэзию, которая наряду с философской, «тихой», «эстрадной» занимала довлеющее значение в творческих поисках поколения «тридцатилетних». В числе ведущих образов поэзии 60-г., «находится образ Человека», «осмысления мира человека в его соотношениях с историей, современностью и будущим»⁴².

1.2. «Высокий терем Ала-Тоо...»: творческие искания русских поэтов Кыргызстана второй половины XX века

Е.Озмитель указывал, что для С.Фиксина, как и для многих русских писателей, гостеприимная киргизская земля стала второй родиной. Анализируя цикл «Стихи из Киргизии» из сборника «Передовой пост» (1932) с другими книгами поэта он справедливо считал, что за годы творческого развития на новой родине Фиксин был нерасторжимо привязан к людям, природе и делам Кыргызстана⁴³. «Если в сборнике «Передовой пост», - отмечал ученый, - киргизская тема лишь соседствует с собственно российской тематикой (стихи «Грохот в горах», «Нефть воркует в горячих бидонах» и др.), то в сборнике «Ракита и арча» ощутимо органическое слияние этих двух тем. Новый быт, новая история Киргизии, пленительная красота ее природы становятся ведущими в произведениях С. Фиксина».

Н.Чекменев (оригинальный прозаик – бытописатель русского Семиречья, чье творчество не оценено должным образом)⁴⁴, К.Кулиев (впоследствии известнейший советский

---

⁴² *Кульчицкий В.Е.* Русская советская философская лирика 1960-х годов. Проблемы поэтики. Автореф. дис. канд. филол. наук. - Томск: 1982. С. 5-6.

⁴³ *Озмитель Е.* Русские писатели Киргизии. История киргизской литературы. – М., 1970, с. 362.

⁴⁴ *Чекменев Н.* Края родные // Сов. Киргизия. 1951. 21 февр.

поэт)⁴⁵, М. Рудов (впоследствии университетский профессор)⁴⁶ еще на заре 50-х годов отмечали движение нового литературного потока, причем неизменно подчеркивали патриотический пафос произведений Фиксина, в котором органически уживались мотивы «двух родин» («два милых сердцу края»). Затем эту проблематику рассматривали в своих трудах, статьях М.А.Рудов⁴⁷, А.С.Фиксин⁴⁸, Г.Н.Хлыпенко⁴⁹, А.В.Жирков⁵⁰ и другие. Заслуга этих исследователей состоит в том, что они выявили многие факты биографии писателя, его творческого роста, место поэта в литературном процессе, роль мастера слова в развитии литературы края. Налицо было также стремление глубже проникнуть в мир идей и образов С.А.Фиксина. Все это позволяет на новом уровне поставить проблему феномена С.А.Фиксина, как русского поэта Кыргызстана, явления «культурного пограничья».

Проф. М.А.Рудов пишет, что киргизская тема и для С.Фиксина «не сразу стала «своей». Любопытно и такое наблюдение ученого: «среднеазиатская тема была популярна в русской поэзии тех лет, но Киргизия по ряду случайностей оставалась в стороне от поэтических интересов»⁵¹. М.А.Рудов отмечает сборники С.Дунаева «Песня о горных орлах» (1931) и книгу А.Гитовича «Мы входим в Пишпек» (1931), которые, по мнению автора, «существенно не меняли общей картины».

Достоинством работы М.А.Рудова следует считать то, что он первые опыты С.Фиксина в поэтическом цикле «Слово о

---

⁴⁵ Кулиев К. Стихи о мирных людях // Сов. Киргизия. 1954. 27 февр.

⁴⁶ Рудов М. Творческий рост // Комс. Киргизии. 1957. 1 ноября.

⁴⁷ Рудов М. Звенья открытий. - Фрунзе. Мектеп. С. 117-157.

⁴⁸ Фиксин А.С. Первые русские писатели республики // Лит. Киргизстан. 1972. № 4. С. 98-101.

⁴⁹ Хлыпенко Г. Первая борозда заветной темы (Летопись дружбы: страницы истории русской лит-ры в Киргизии) // Хлыпенко Г.Н. Поиск. Мастерство. Поиск: Статьи. Исследования. Фрунзе: Кыргызстан. 1976. С. 100-106.

⁵⁰ Жирков А.В. Сплав синего и золотого // Жирков А. Поэзия жизни. Фрунзе: Кыргызстан, 1967. С. 72-90; Пишущий солдат // Жирков А. Время. Герой. Литература. Фрунзе: Кыргызстан, 1979, с. 159-162.

⁵¹ Рудов М. «Вторая родина моя...» // Звенья открытий. Фрунзе, Мектеп. 1970. С. 144.

Киргизии» рассматривает на фоне эволюции киргизской темы в русской поэзии. Тонкий анализ стихов Фиксина в солидном ряду Д.Бедного, А.Суркова, С.Щипачева, Л.Ошанина, С.Липкина, Т.Стрешневой, С.Орлова, Р.Рождественского, И.Волобуевой, В.Цыбина и др. существенно расширял представление о творческой индивидуальности поэта, его роли в разработке темы «большой» и «малой» родины.

На самом деле, «оставаясь русским поэтом по складу национальности поэтического восприятия, С.Фиксин глубоко проникся духом киргизской национальности, и в этом сплаве двух стихий заключено своеобразие его творчества, привлекательная черта его поэзии»⁵². В отличие от некоторых русских авторов, замечает М.Рудов, он отверг стилизацию, устоял перед соблазном легкого решения темы за счет среднеазиатского интерьера и набора экзотических банальностей, вроде рифмы «ак-калпак» - «бешбармак». В подходе к ориентальной, киргизской теме, полагает автор этой работы, Фиксиным прежде всего двигали «искренность и долг», от которых берут патриотический настрой и «гражданственность» его «киргизской лирики».

М.А.Рудову удалось весьма верно понять особенность первого цикла С.А.Фиксина о горном крае, специфику формы выражения авторского сознания. «В форме лирического монолога, - пишет литературовед, - поэт рассказывает здесь о прошлом и настоящем Киргизстана, о людях республики, о расцвете народной жизни». Отмечается и мера «личной правды, без которой немыслима лирическая поэзия».

Как ни одному другому поэту С.Фиксину удалось в своих строках, посвященных «второй родине» найти искренние (критика называла их «исповедальными») строки:

Глядишь, везде живется людям,
Земля повсюду хороша.

---

⁵² Рудов М. Указ. соч. С. 146.

Нет, мы с тобой кривить не будем,
Моя смоленская душа!

Ведь там, за горными грядями,
Бьет родничок тоски самой,
Сюда б еловый бор с грибами
Да сани с русской зимой!
Но колкий ветер с Ала-Тоо
Замел к грибам последний след...

Чувство неразрывной связи героя Фиксина с отчей «смоленской» землей слито с ощущением второй «обретенной» родины Ала-Тоо:

Высокий терем Ала-Тоо,
Ручьев крученая струя,
Край синего и золотого –
Вторая родина моя.
Ты на меня, мой друг, не сетуй,
Не упрекай под старость в том,
Что, солнцем Азии согретый,
Я не вернулся в отчий дом.

М.А.Рудов говорит об усилении патриотической темы за счет введения в систему произведения размышлений о «смоленском человеке», «достойном сыне России» Н.М.Пржевальском, выдающемся исследователе Киргизии, похороненном по завещанию на Иссык-Куле. Исследователь прав, тема до этого, казалось бы, личная, приобретает историческое осмысление. На самом деле «личная судьба поэта – это лишь одно из многих проявлений исторически сложившейся дружбы народов» России и Кыргызстана.

А.С.Фиксин («Первые русские поэты республики»), Г.Н.Хлыпенко («Первая борозда заветной темы») фиксинский цикл «Стихи о Киргизии» рассматривают как уверенную и интересную заявку на художественное освоение русской поэзией XX века ориентальной темы. А.С.Фиксин резонно замечал, что в некоторых поэтических опытах (напр. «Алмадай» И.Зиборова) не было достаточно глубокого проникновения в мир души человека иной национальности, а преобладали

умозрительные представления. Автор указывал, что даже в произведениях С. Дунаева («Песня о горных орлах»), стихах Г. Денисова, Н. Чинова, В. Винникова больше преобладали романтические тенденции. Обобщенный план, приподнято-эмоциональное авторское восприятие к коренным изменениям, происходящим в Киргизстане, считает А.С. Фиксин, присутствует и в цикле «Слово о Киргизии» и особенно в поэме «Грохот в горах» С. Фиксина. Чрезвычайно важно утверждение литературоведа А.С. Фиксина о том, что «в творчестве первых поэтов видна попытка создать полнокровный характер нового героя»⁵³.

Вклад литературоведа Г. Хлыпенко в осмысление данной проблемы заключается в том, что он осуществил убедительное осмысление поэзии «первооткрывателей» киргизской темы в русской литературе и обратился к наиболее заметным фигурам – С. Дунаеву и С. Фиксину. Исследуя истоки появления сборника С. Дунаева «Песня о горных орлах» (1931) и «Слово о Киргизии» (1932) С. Фиксина, ученый тщательно выявляет генетические корни зарождения в их творчестве интернациональной и патриотической проблематики. Хлыпенко пишет как сложно шло творческое развитие Дунаева, выросшего и сформировавшегося в России. «Колыбелью поэзии Дунаева была Россия»⁵⁴, – пишет литературовед и приводит такие характерные строки:

Оттого я с светлыми кудрями
И глазами цвета васильков,
Что воспитан русскими полями
Да журчаньем нежных ручейков.

Ученый подмечает мотив «раздвоенности» души русского поэта, который в Киргизии тосковал по родине, «изливая в стихах тайную грусть по родному краю». Характерна и такая

---

⁵³ Фиксин А.С. Первые русские писатели республики // Лит. Киргизстан. 1972. № 4. С. 98-101.

⁵⁴ Хлыпенко Г.Н. Слово о Дунаеве // Поиск, Мастерство, Поиск. Фрунзе. Кыргызстан. С. 84.

мысль исследователя: «Поначалу Дунаева не трогали пышные красоты южного края, и в трудные минуты он с горечью восклицает:

Все равно мне не понять их тайны,

Я для них и дальний и чужой...

Действительно, «эти чувства были вполне естественны для поэта, проходившего в Киргизии своеобразную акклиматизацию». Верен вывод, что Киргизия какое-то время оставалась для поэта «неведомой землей». Но как журналист газеты «Советская Киргизия», он много ездил по республике, видел ростки нового, размышлял о прошлом горного края. Г.Н.Хлыпенко в качестве заметных достижений русского поэта называет его стихи и поэмы «Песня о горных орлах», «Киргизия», «Сильнее мести», «Песня Али» и другие. В этих произведениях уже иная авторская позиция, другие герои. Ученый прав: муза Дунаева заговорила по-новому. В поэме «Песня о горных орлах» он воссоздал героику и трагизм событий революции и гражданской войны. Анализируя другие произведения поэта, литературовед пишет, что «старое и новое, прежде и теперь – таков основной пафос стихов Семена Дунаева». Исследователь говорит и об изменении облика и души лирического героя русского автора. «Эх, люблю я ночи Киргизстана!» или «Даже и песня другая поется теперь у Али» - вот эти черточки в немалой степени иначе характеризуют и духовный мир лирического героя Дунаева. «Новый герой стучится в литературу»⁵⁵, - пишет Г.Хлыпенко. Есть нечто общее в облике героев Дунаева и Фиксина.

Кстати, С.А.Фиксин, по мнению ученого, также обогатил русскую литературу Киргизии новыми типами. Участие его вместе с Т.Сыдыкбековым в кампании по коллективизации и весеннем севе 1932 года помогло создать «индустриальную поэму» «Грохот в горах». Следует согласиться с автором работы «Первая борозда заветной темы», что это глубоко

---

⁵⁵ См.: Хлыпенко Г.Н.. Указ. соч. С. 97.

лиричная поэма; «она пронизана личными ощущениями и впечатлениями автора, чей облик неотделим от образа лирического героя».

Поэт говорит:

Помню я,

Как по затхлым страницам истории

Мы зубрили Киргизию,

Как страну кочевых дикарей.

А сегодня я сам

Подошел к ее территории,

Пораженный, стою

У истории новых дверей.

Можно понять изумление гостя из России, ведь «горы начинают петь», а «сталь Сталинграда догремела до гор и степей».

Весьма ценно в исследовании Г.Хлыпенко то, что он заговорил о трудностях, которые поджидали молодого Фиксина в освоении восточной темы. Наряду с достижениями автора поэмы, литературовед отмечает известную описательность, прозаически сниженную речь, ослабленную ритмику. «Чувствуется, что поэт еще не освоил новую действительность, он выступает как наблюдатель, но не участник описываемых событий», - пишет Г.Хлыпенко. Им также замечен «грех» экзотичности, избитых литературных штампов. Но, к счастью, С.Фиксин в литературу пришел не «с парадного входа».

В статье «Пишущий солдат» А.Жирков отмечает многогранную работу Фиксина - поэта, переводчика, журналиста, наставника молодых⁵⁶. В своих стихотворениях «Рахмат тебе, Смоленская земля!», «Земле киргизской», «Время юности далекой», «Два милых сердцу края» С.А.Фиксин из первых рук рассказал языком поэзии о своем творческом становлении. Все было на этом торном пути: «горы и увалы,

---

⁵⁶ Жирков А. Пишущий солдат // Время. Герой. Литература. Фрунзе. Кыргызстан. 1979. С. 159-162.

блокнот в кармане боковом, верблюды. Арбы, самосвалы и таратаек дробный гром» и «анонимные угрозы за то, что завтра напишу». Вот почему лирический герой Фиксина имел моральное основание сказать:

Смоленский друг мой,
Что ни думай,
А за такой немалый срок
Я здесь не только к добрым людям,
Но и к горам привыкнуть смог.

(«Слово о Киргизии»)

Ведь было время, когда он говорил: «но гор не трогал, потому что они не трогали меня». Русский поэт С.А.Фиксин, сын смоленской земли, за долгую жизнь в Киргизии сердцем осознал одну святую истину: «на памятную землю Токтогула грешно бросать игривые слова» («Земле киргизской»). Его герой понял, что нельзя быть в стороне, когда вся страна «строится в шеренги боевые». «Породнили нас бои надолго...», – скажет С.А.Фиксин о годах войны.

Михаил Михайлович Ронкин (род. в 1928 году) русский писатель республики /с марта 1993 года живет в Израиле/. Он уроженец Смоленщины и в десятках его поэтических книг (он издавался очень широко), среди которых есть и сатирические, также сказались особенности смоленской поэтической традиции. Поколение М.Ронкина не участвовало в войне, но она имела большое значение для их гражданского и творческого становления. Поэзия Ронкина и ряда его современников стала связующим звеном двух важных периодов русской поэзии Кыргызстана – 40-х и 60-70-х годов.

М.Ронкин жил в Киргизии с 1941 года. Его юность и годы возмужания совпали с трудными военными и послевоенными годами. Печататься он начал с 50-х годов. И его первые сборники «Трудные дороги» /1963/, «Ветер» /1967/, «Я живу на земле» /1968/, «Горсть земли» /1971/ отразили своеобразие переломной эпохи. М.М.Ронкин, как и многие его современники, смог выпустить только к 35-и годам. Ведь многие до 40 лет считались молодыми поэтами. Однако и выпуск книг стихов не всегда был гарантом, что критика

заговорит об этом авторе. Первые рецензии о творчестве поэта появились лишь в 70-е годы /М.А.Рудов, Ю.М.Смышляев и др./.

Справедливо Г.Хлыпенко уже в 1975 году задавался вопросом: «А что, собственно, написано о лирике русских поэтов Киргизии?»⁵⁷ Оказывается, «ни одного критического обзора, ни одной проблемной статьи, за исключением нескольких рецензий, реплик или замечаний вскользь». И это при том, что уже выходили сборники стихов М.Ронкина, Л.Аксельруда, Л.Пивнева, Ан.Борцова, Г.Дубровина, печатались в периодике Ф.Зарецкий, Л.Дядюченко, Ю.Смышляев, Е.Колесников, читатели к концу 60-х годов успели заметить новые имена – Светланы Токомбаевой /Сусловой/, Вячеслава Шаповалова, Александра Никитенко, А.Зайцева.

Размышляя об особенностях духовного мира лирического героя русских поэтов Кыргызстана, Г.Хлыпенко верно подметил, что «дорога журналистских странствий неизменно привлекает лирического героя М.Ронкина, сообщая лучшим его строкам романтическую окрыленность».⁵⁸ Ведь около сорока лет творческой жизни Ронкиным было отдано журналистской профессии. Это тысячи интересных поездок, встреч с интересными людьми, это нелегкие журналистские разбирательства, если помнить, что М.М.Ронкин вплоть до своего отъезда в Комитете Гостелерадио выпускал острейшую программу. Вот почему гражданская активность, известная доля публицистичности безусловные составные поэзии Михаила Ронкина и его лирического героя. Можно сказать, что лирический герой стихов Ронкина «Память сердца» /1978/, «Годы и версты» /1982/, «Костры на снегу» /1984/, «Вторая память» /1987/ это сам поэт, в облике и внутреннем мире которого типизированы черты, присущие многим людям. Ведь лирический герой Михаила Ронкина – это прежде всего человек, стремящийся жить болями своего времени / «может, вправду

---

⁵⁷ Хлыпенко Г. Мир, пропущенный сквозь душу художника. Критические заметки о лирике русских поэтов Киргизии. Лит. Киргизстан. 1975. № 2. С. 91.

⁵⁸ Хлыпенко Г. Указ. соч. С. 94.

всей земли тревоги мне дано всю жизнь нести в себе»/, поэтическим словом согревавший людей / «Я наполнил строки жаром сердца, накалил святым огнем пера, чтоб усталый путник смог согреться у стихов моих, как у костра»/. Однако обобщенный образ современника, каким он встает из произведений Ронкина, вовсе не условен, не схематичен, а чаще лично-неповторим, индивидуален.

В лирических стихотворениях М.Ронкина, как это было верно замечено Юрием Смышляевым, преобладают «негромкие» интонации». В его стихах нет выкриков и столь модной у иных современных поэтов словесной эквилибристики, то и дело переходящей в откровенную заумь; нет и намек на внешнюю эффектность», - писал рецензент.⁵⁹ Справедливо отмечалось, что М.Ронкин – последовательный сторонник классических размеров, системы рифмовки, а искренность и доверительность – характерные черты его поэзии. Объективный мир поэт стремится отразить через призму восприятия собственного мироощущения, личных переживаний. Во многих стихах и поэмах есть ярко выраженное поэтическое «я». Конечно, было бы неверно считать его только адекватным выражением личности поэта. Поэтические «я» Ронкина выступает собирательным образом, который несет в себе характерные черты современника.

И в судьбе лирического героя Михаила Ронкина отразились воспоминания о тяжелых военных годах, послевоенной юности, мысли о прожитой жизни. Через все стихотворные сборники поэта проходит образ личности, духовно обогащающейся, живущей эмоционально напряженно, взыскательно. Прошлое и настоящее, день сегодняшний и день грядущий – все это в душе героя Ронкина рождает мысли, чувства значимые, общечеловеческие. Литературовед Т.Гвоздиковская отмечала, что новый исторический человек,

---

⁵⁹ Смышляев Ю. Муза Михаила Ронкина // Ронкин М. Память сердца. Стихи и поэмы. - Фрунзе, Мектеп. 1978. С. 4-5.

духовный облик которого сформировался к 50-60-м годам XX века вызвал в поэзии «тенденции усиления объективизации лирического сознания, лирических образов-переживаний и соответствующих стилевых форм их воплощения».⁶⁰

Поэзия М.Ронкина и ряда современников подтверждает это верное наблюдение. Именно объективизация лирического сознания придает и произведениям Ронкина публицистический характер. В ряду безусловных поэтических находок следует признать стихотворения «Салам», «Рукопожатие», «Яблони», «Слова любви», «Прожив жизнь не праздности в угоду», в которых мысли и чувства лирического героя и вполне жизненно конкретны, но и значимы общечеловеческими идеями.

Тема памяти у Ронкина, равно как и у его земляка С.Фиксина, одна из сквозных у поэта. Именно память в душе героя высвечивает «свое самое заметное из будничной привычной неизбежности...» / «Вторая память – это память зрелости»/. В стихотворении «Яблони» он просит совесть не судить его сурово, когда лютой зимой сорок второго ради спасения умирающей от холода и голода матери, когда «съедена последняя картошка, сожжены последние дрова», он достает топор и бредет к озябшим яблонькам.

Читатель вместе с совестью готов простить герою то, что он делает в состоянии отчаяния, безысходности / «лютая зима сорок второго», «в хате умирающая мать», «изморозь на стенах и окошках», «кружится голова от голода», «сожжены последние дрова» и т.п./, он рубит на дрова озябшие деревца:

И рублю, рублю остервенело,
И такую боль в душе терплю,
будто бы я собственное тело,
а не эти яблоньки рублю,
будто память начисто отвергнул,
будто веру потерял в добро,

---

⁶⁰ Гвоздикова Т. Стилиевые тенденции лирики 50-60-х годов и традиции классической поэзии // История и теория содержательных форм многонациональной советской литературы. Межвуз. тематич. сб. Фрунзе, Мектеп. 1979. С. 29.

по безлистным веткам, как по нервам,
бью тупым, тяжелым топором.
А потом у печки разогретой
кипятком пою из кружки мать.
Совість, не суди меня за это.
Совість, ты должна меня понять.

Заканчивается произведение на публицистическо-философской ноте. Да, совесть знает «меру тем невзгодам», совесть помнит как он «выжил и как жил» и сколько он по «весне за эти годы «яблонек» в землю посадил». Поистине, пора бы уж и забыть, но совесть в человеке жива, он все помнит, как будто это было только вчера:

Но лишь вспомню на мгновенье детство,
как заноеет давней болью сердце,
словно от удара топора.

Многие традиционно-избитые понятия, слова, жесты нашего быта у поэта Ронкина часто наполняются новым смыслом. Вот стихотворение «Салам», написанное именно русским поэтом, по-новому взглянувшим на традиционное восточное приветствие. Лирический герой признается, что «киргизский осилил с грехом пополам»,

но простое, сердечное слово «салам!»
с детства прочно запало мне в душу...

Как и многие другие русские поэты Кыргызстана, М.Ронкин внес свою лепту в разработку образа-ядра, то есть инационального характера. Исследователи Е.Озмитель, М.Рудов, Г.Хлыпенко, А.С.Фиксин, Р.Шамурзина и другие справедливо говорили о сложности художественно убедительного решения этого вопроса. Литературовед П.И. Тартаковский отмечал: «Чем ближе стоит русский художник к интернациональным позициям и к миру сегодняшнего человека Азии, тем вернее схватывает этот сложный комплекс национального и интернационального в его характере, не стремясь отделить особенное, национальное от общего, не

«экзотируя» его, а лишь отражая это особенное как исторически сложившуюся и продолжающую складываться составную часть современного национального характера». ⁶¹

М.Ронкин рисует жизненно конкретные обстоятельства при которых его герой впервые услышал слово «салам» и в течение всей жизни убеждался в его жизнеспособности, крайней необходимости людям / «это слово, как солнце, у всех на виду, как улыбка, любому понятно и близко»/:

Я впервые его
в сорок первом году
услыхал в Кара-Су от старухи-киргизки...
Нас, бездомных, войной занесло в этот край
из горячей России, в товарном вагоне.
Мы голодную стайкой топтались с утра
на холодном: продутом ветрами перроне.

Русский поэт рисует убедительный портрет старой женщины из народа, ее душевную отзывчивость, желание помочь человеку в беде: «...Поглядела на нас, постояла, вздохнула, и сказала негромко и просто: салам!».

Эта героиня в обрисовке Ронкина несет все элементы типичного и индивидуального своей национальной ипостаси. Она по-восточному милосердна, отзывчива на чужую беду, немногословна, когда нужны действия: «сказала негромко и просто: салам! - и меня за рукав за собой потянула». Она делает то, что в эти трудные годы делали по отношению к тысячам эвакуированных людей из России, Украины многие кыргызстанцы:

А потом колдовала с иглою полдня
над моей одежонкою грязной и рваной,
добела отмывала в корыте меня
и поила досыта холодным айраном.

---

⁶¹ *Тартаковский П.И.* Русская поэзия Узбекистана (1945-1967) // Очерки истории русской литературы Узбекистана. Т. 2. - Ташкент, 1971. С. 237.

Эти жизненные реалии нашли яркое художественное воплощение и в киргизской литературе, достаточно вспомнить известные произведения Т.Сыдыкбекова «Люди наших дней» и др. Русский поэт Кыргызстана Лев Аксельруд в стихотворении «Спасибо, город!» также вкладывает в уста своего лирического героя теплые слова благодарности киргизской земле за щедрое гостеприимство:

Спасибо, город у Тянь-Шанских гор,
за то, что в сорок первом, встав горою,
за детство безотцовское мое,
усыновил меня...

М.Ронкин и Л.Аксельруд, отталкиваясь от обычного житейского факта, стремятся к высоким истинам. Например, Ронкин размышляет о великом значении слова «салам»: «есть слова, что для шумных парадов нужны. Это слово – для братской беседы за чаем». Лирический герой поэта, журналист, побывавший, как он говорит, везде: «на Алае, В Таласе, в Оше, на буранных сыртах, на прохладных джайлоо», всегда уносил в благородной душе теплоту и сердечность неброского слова».

И еще один сюжет о раздумьях человека, оказавшегося в иной национальной среде, где другие нравы, другой язык. Речь идет о стихотворении «Рукопожатие». Кажется бы, несколько отстраненно, лирический герой М.Ронкина размышляет о том, что влекло «лапотных предков из далекой России в незнакомые эти края»? Действительно, что «их гнало рязанских, смоленских» жителей в эту «степь с кустарником жухлым и редким...» Есть и предположительный ответ: «Или сказка о солнечной доле? Иль мечта о наделе земли?»

Вот почему «с вечной думой о счастье, о воле мужики этой степью брели», оставляя после себя на курганах сиротливо торчащие кресты. И вновь как и в стихотворении «Салам», протянута доброжелательно, пусть поначалу жалостливо, рука местных жителей. Поэт умеет детально обрисовать эту встречу переселенцев с киргизами. Сочувствие к пришельцам «из дальней страны» и в глазах киргизки и в том, сто степняки «делились лепешкой ячменной и айран выставляли на круг». По разному решали мотив встречи русского человека с местными

жителями А.Гитович («Мы входим в Пишпек»), С.Дунаев («Слово о горных орлах», «Киргизия»), С.Фиксин («Слово о Киргизии», «Грохот в горах», «Торгой», «Земле Киргизской» и др.), а М.Ронкин нашел свою интонацию. Его герои поняли одну простую истину, «что стоять друг за друга в ответе двум народам теперь на века»:

Что под небом холодным и сизым,
Без верительных грамот и виз,
Русский руку протянет киргизу,
И пожмет эту руку киргиз

Е.Озмитель писал: по этому поводу: «Отрадно отметить факт появления в республике нового, молодого поколения писателей. Все чаще и чаще начинают звучать, радуя слух, голоса поэтов М.Ронкина, Ю.Смышляева, Е.Колесникова...»⁶². Поэзия Ронкина и его современников особенно своеобразно отразила духовный мир личности «пограничной культуры», человека «двух или нескольких родин». Эта тема звучит у поэтов разной эстетической тональности – то пафосной, то элегической, то философской. К сожалению, во многих произведениях бывало немало простой официальной риторики. Особенно это касается так называемой патриотической лирики, в которой, по словам В.Шаповалова, в целом бесспорно «немало художественных находок»⁶³.

Не избежал этого недуга и М.Ронкин. Как уже было отмечено, этот поэт умеет простые эпизоды будничной повседневности наполнить лирическим и философским, публицистическим пафосом. Например, мотив земли с м о л е н с к о й /русской/ и киргизской родины у поэта звучит во многих вещах. Эти две ипостаси слились в душе лирического героя Ронкина воедино. В стихотворении «Прожив жизнь не праздности в угоду» его герой говорит, что он «наполнил

---

⁶² Е.Озмитель. Собратья по перу. – В кн: Литература горного края. – Ф: Кыргызстан, 1971, с.127.

⁶³ Шаповалов В. Костры на снегу. О новой книге Михаила Ронкина // Лит. Кыргызстан. 1982. № 6.

строки жаром сердца, накалил святым огнем пера» и «на чистый лист тетради душу» «выплескивал до дна», «воспевал любовь и дружбу славил, и клеймил предательство и ложь»:

Но всего сильнее звучало слово
там, где я, смоленский человек,
пел о горном крае Ала-Тоо,
о земле, с которой в час суровый
породнила жизнь меня навек.

В другом стихотворении «Твоим я вскормлен хлебом» поэт однозначно говорит Киргизии и родному городу: «Нас жизнь одной судьбой с тобой связала, калила нас в одном она огне». И вновь здесь звучат мотивы скитальчества, воспоминаний о том, как «в том году военном, сорок третьем» оказался юноша в городе / «был пылен ты, приземист, невелик», «жил бедно ты и тесно», «но в мазанках твоих хватило места нам, в этот край заброшенным войной». И снова благодарные слова за киргизское восточное радушие:

И в очагах твоих тепла хватило,
хоть было и тебе порой невмочь,
чтоб поддержать в нас тающие силы,
чтоб выстоять и выжить нам помочь.

В свое время Ронкин писал, что вторая память – это память зрелости, это память мудрости. И герой с особой бережностью хранит в сердце все то, что надо «припомнить и осмыслить годы юности»:

Я помню дом и свет в его окошке,
и женщину, что мне открыла дверь...
И сладкий вкус спасительной лепешки
во рту я ощущаю и теперь.

Отсюда идут признательные слова любви родному городу / «твоим я вскормлен хлебом, твоей водой живительной вспоен – и потому, должно быть, в это небо и в землю эту всей душой влюблен»/. С искренней сыновнею любовью он говорит вновь приобретенной родине:

И потому мне этот край киргизский,
рожденному в смоленской стороне,

стал навсегда таким родным и близким,
таким желанным стал навеки мне.

Дань публицистике порой приводил лирику и эпос М.М. Ронкина к дежурным фразам, ложной пафосности. Наряду с позитивными оценками, некоторые стихи из сборника «Горсть земли» /1971/, «Вторая память» /1987/ признавались как недостаточно художественные. В статье «Соизмерять характеры с эпохой» /о творчестве современных русских писателей Киргизии/ Р.Шамурзина указывала, что в стихах поэта встречаются «вторичные по своему поэтическому решению образы/ раскрытие темы журналистской работы в поэме «От Джумгала до Сары-Челека», стихотворение «Мадонны», неудачные выражения вроде: «лихие овации», «чумовая бурга», «мертвая тоска» и т.п.⁶⁴

Размышляя о достижениях и промахах поэзии М.Ронкина 80-х годов на материале сборника стихов «Вторая память» /1987/ критик Э.Прояева справедливо отмечала, что многие новые вещи поэта, «рассказывающие о родном его сердцу киргизском крае, о людях, прекрасных в своей открытости, простоте и доброте, можно действительно отнести к лучшим произведениям поэта».⁶⁵ Критик положительно оценивал цикл стихотворений «Раздумья», поэму «Ускорение». Однако, отмечалось, что многим стихам Ронкина, особенно публицистическим, присущи «декларативность и дидактизм», что «поспешность реализации актуальной темы приводит к тому, что поверхностный-то слой снят, а вот глубже – тема осталась нетронутой». Объективная оценка дана критиком и поэмам «Танк на пьедестале», «Эпицентр», «Слово о хлебе», в которых также наличествует «некая инерция поспешности, незавершенности, низводящая подчас свое, личное, выстраданное, до «привычной фразы». Отмеченные пробелы в

---

⁶⁴ Шамурзина Р. Соизмерять характеры с эпохой (о творчестве современных русских писателей Киргизии) // Лит. Киргизстан. 1974. № 5. С. 125.

⁶⁵ Прояева Э. Поэтическая публицистика: плюсы и минусы // Лит. Киргизстан. 1987. № 12. С. 119.

поэзии М.М.Ронкина критик Элеонора Прояева, думается, объективно видела в недостатках вообще поэтической публицистики республики.

Единством лирики и публицистики также отмечены стихи и поэмы Юрия Смышляева (1937-1983). Его стихи и поэмы «У стен Пишпека» (1964), «Карамолдо» (1968), «Звездный этюд» (1969), «Ночь на Иссык-Куле» (1981) вызывали неоднозначные оценки. Поэту, которому было дано прожить чуть более сорока лет, автору поэтических сборников «Мое окно» (1974), «Далекие, далекие костры» (1979), «Несу цветы» (1983), «Лесные шорохи» (1985), «Снег воссиял» (1986) не удалось полностью развернуть свои творческие возможности. Ю.Смышляев ушел из жизни в пору своего творческого расцвета. Смышляев был порождением «оттепельных» 50-60-х годов. Лирический герой многих его стихов – это романтик, мечтающий о покорении новых земель, о великих стройках («нам мчаться по свету дано, нам верить в победу дано!»). Его лирический герой мечтает:

Я б хотел упасть под копыта атак...

Я б хотел умереть – как Островский...

А не от старости...

Конечно, в наши дни подобные строки вызывают ироническую улыбку, но таким оно было поэтическое поколение 50-60-х годов. Ведь даже в стихах 70-80-х годов у них эти мотивы сохранялись в первоизданном виде. Вот почему в отзыве на сборник «Снег воссиял» (1986) одна из талантливейших литературных критиков в Кыргызстане Э.Прояева писала: «О трагедии личности, чье творчество было подмято под себя политической конъюнктурой времени, о страшной ломке, примеры которой, увы, можно встретить в поэтическом багаже едва ли не всех стихотворцев доперестроечных времен, размышляла я с грустью,

перелистывая страницы полсмертного сборника талантливого поэта Ю.Смышляева...»⁶⁶.

Есть в этих словах горькая правда. Тем не менее, творчество Ю.Смышляева стало крупным художественным явлением в русской литературе Кыргызстана. Это остро чувствуется в стихотворениях и поэмах, посвященных Киргизии, ее истории (поэтическая драма «У стен Пишпека», поэмы и циклы «Цветы Сусамыра», «На Иссык-Куле», «Киргизская рапсодия», «Госка по Руси» и др.), когда лирическое и публицистическое начала помогают автору в органичном и естественном художественном выражении нравственной идеи. Здесь, однако, очень часто «должное» брало верх в поэте, и тогда под его пером появлялись «дежурные» кивки в сторону идеологии, штампов («Главное», «Наше утро» и др.). Тогда рождаются легковесные строки типа: «Как радостно идти в строю едином дорогой наших солнечных идей», «Как славно быть Отчизны нашей сыном!» и т.п. Но вот в стихотворении «Пережить Пушкина» уже видим другого Смышляева – трезвого, бескомпромиссного хранителя и продолжателя нравственных традиций литературы.

Таким образом, можно констатировать: тема Кыргызстана проявлена как важнейшая в идейно-тематическом осмыслении мира применительно к творчеству русских поэтов Кыргызстана, условно относимых к первому поколению. Иными словами, кыргызская тема реализуется на нескольких этапах литературной эпохи – истории кыргызской литературы XX века.

Первый – ориентальное постижение мира в 30-е годы – «до-литературный» этап, характеризующийся вхождением в социокультурный процесс (литературного процесса в части русской художественной культуры Кыргызстана в строгом смысле понятия тогда еще не существовало) первых

---

⁶⁶ *Прояева Э.* О воде мертвой и живой. Литературный дневник // Лит. Кыргызстан. 1989. № 9. С. 122.

представителей словесности и первых же переводчиков кыргызской литературы – Феликса Ощакевича, Марка Жолондза, Бориса Беккера⁶⁷. «Бесспорно, 30-50-е годы, - отмечает В.И.Шаповалов, - эпоха для русской поэтической культуры неоднозначная, драматически сложная, и формирование переводной литературы здесь связано с двумя моментами. Во-первых, перевод в творчестве поэтов становится своеобразной социальной терапией не востребовавшейся и неприемлемой эстетики.

С другой стороны, концепция советской многонациональной культуры как, мыслящейся ее создателями, единой, целостной системы потребовала от перевода выполнения глобальных задач взаимного ознакомления национальных литератур. Таким образом, формирование переводной русской литературы как часть истории перевода становится и частью многонациональной литературы в ее историческом движении».

Устанавливая отношение двух литератур в этой систем координат, ученый отмечает – и это важно для характеристики поисков русской поэзии Киргизии, следующее: «Выполняя по отношению к киргизской литературе роль принимающей, русская литература одновременно становится литературой-посредником, что в 30-50-е годы соответствует значению тех художественных ценностей устной поэзии - в первую очередь эпической и акынской, которые киргизская художественная культура начинает транслировать. Становление же и быстрое, своеобразное (при всей типичности этого процесса) развитие киргизской литературно-профессиональной поэзии как бы растягивает процесс ее рецепции и освоения русской принимающей культурой.

Во всяком случае, тезис Ю.И.Суровцева [469, с.22] о том, что “осваиваются явления, родственные тем, что уже имеются у себя, близкие художественно-эстетические явления, и тогда

---

⁶⁷ См. Шаповалов В.И. Соло на два голоса... Бишкек. Кыргызстан. С. 21 и др.

свое, сопоставленное со сходным, освоенным как бы по аналогии, с дополнительной силой доказывает собственную жизненность”, представляется применительно к истории киргизско-русского поэтического перевода несколько неточным, хотя исходная его направленность – вероятно, для глобальных, более масштабных процессов – не вызывает сомнения. Русская поэзия силами своих значительных по дарованию лириков этого периода переводила национальный эпос киргизов; изощренная эстетическая система наследников “серебряного века” русской поэзии оказалась вполне толерантной по отношению к эстетике памятников конно-кочевой цивилизации; переводилось не “близкое” – но постижение иной культуры, пусть не сразу и не вдруг, пусть со своими победами или упущениями, – состоялось»⁶⁸.

Такова типологическая характеристика первого этапа, второй же – творчество поэтов первой волны, составивших уже новую реальность социокультурного русскую литературу Кыргызстана, - Сергея Фиксина, Михаила Ронкина, Юрия Смышляева, Льва Аксельруда, Федора Зарецкого, а также несколько более молодых но типологически близких этому направлению Леонида Дядюченко, Евгения Колесникова, Анатолия Бережного. Это этап, расположившийся на пространстве 50-70-х годов, хотя многие представители этой литературной генерации живы и творят сегодня (в Израиле – М.Ронкин и Л.Аксельруд, в России – Е.Колесников)

Третий этап, которым, собственно, и завершается история русской поэзии в Кыргызстане, в контексте киргизской художественной культуры, в составе национального литературного процесса, – это творчество поэтов, которое очень неточно, но все же, как-то привязывая к сетке столетия, принято называть поколением «семидесятников».

Третий этап показывает: в разноречивой картине литературного процесса, среди разномасштабных дарований и

---

⁶⁸ Шаповалов В.И. Соло на два голоса... - Бишкек. Кыргызстан. С. 87.

большого количестве имен, достаточно серьезно утверждающихся в литературной практике особняком стоят имена трех поэтов - тех, которые остаются в истории кыргызской литературы - классиков русской литературы Кыргызстана.

Глава 2. Тема смутного времени в исторической прозе Кыргызстана

Тема смутного времени в исторической прозе Кыргызстана, которая в известной мере проясняет некоторые аспекты современности. Последние десятилетия в жизни Кыргызстана были сопряжены серьезными катаклизмами, давшими основание причислять республику в разряд «недееспособных» государств⁶⁹. Рождается вопрос: почему республика, имевшая в советские годы весьма солидный авторитет, экономический баланс, в годы суверенитета попал в разряд страны без приоритетов.

Напомним, что XX век был для республики «золотым веком» в развитии ее экономики, науки, культуры. Историк К. Ажибекова, полемизируя с оппонентами, говорит, что в Советском Кыргызстане за 70 лет наряду с развитой промышленностью, успешными колхозами, совхозами, развитой наукой, было создано профессиональное театральное, музыкальное, изобразительное искусство, подлинным чудом стал кыргызский кинематограф»⁷⁰.

Имена великих кыргызстанцев - Ч.Айтматова и К.Юдахина, Г.Айтиева и А.Чуйкова, Б.Бейшеналиевой и С.Чокморова, М.Рыскулова и Т.Океева, Б.Кыдыкеевой и

---

⁶⁹ Национальная стратегия устойчивого развития КР на период 2013-2017 годы. – ИЦ «Билим» ОшГУ, 2013. -108 с.

⁷⁰ *Ажибекова К.А.* Курманджан датка и цивилизационные последствия вхождения Кыргызстана в Россию // Курманджан датка – выдающийся политический и общественный деятель кыргызского народа. Мат-лы МНК 25.- X- 2011г. - Бишкек, 2011, с. 167-176.

Б.Шамшиева, А.Джумахматова и Т.Сыдыкова и многих других стали частью общечеловеческой культуры. Они творили во имя настоящего и будущего своего народа, но их великие идеи на каком-то этапе жизни общества были преданы забвению.

«История, - отмечает академик А.Борубаев, - это всегда учитель современности»⁷¹. Однако, мы забыли основные уроки истории, хотя в суверенном Кыргызстане немало говорилось о возрождении памяти народа. История Кыргызстана вобрала в себя бунты, смуты, революции, войны, но ее страницы сохранили также имена философов, созидателей, творцов позитивного плана, радевших за лучшее будущее народа. Были времена, когда народы переживали кризис, противостояние, но и в эти дни обращались к своим духовным истокам. И это помогало народу в нелегких совместных поисках общего пути к процветанию⁷².

«Два десятилетия после распада бывшего СССР прошли в режиме «выживания» народа Кыргызстана и оцениваются во многом как время «потерянных возможностей»⁷³. Почему же Кыргызстан, встав на путь суверенитета, переживает трудные дни, получив статус самого бедного государства в СНГ? Причин много, но политологи полагают, что Республика не сумела определиться с вопросом: какое государство мы хотим иметь в будущем? Помимо нерешенных социальных проблем, оказались без внимания и вопросы выработки общенациональной идеи, гармонического развития языков, культур народов Кыргызстана.

Два раза страну сотрясали межнациональные конфликты. Конечно, это беда не только нашей республики. В книгах «Ош коогаланы» (1993) Таланта Разакова, «Психология межэтнической напряженности» (1998) Г.Солдатовой, «Конфликтность межнациональных и межконфессиональных

---

⁷¹ Борубаев А. История, знаменующая будущее // СК, 12-хП- 2003.

⁷² Боконбаев К.Ж. Не надо искажать историю // РЯЛШК, 2002. № 1. С.8.

⁷³ Национальная стратегия устойчивого развития КР на период 2013-2017 годы. – ИЦ «Билим» ОшГУ, 2013. - 108 с.

отношений» (2005) отмечается противоречивость, сложность проблемы взаимоотношений наций, их языков, культур в постсоветском пространстве.

В Кыргызстане заметен поворот к истории народа, литературы, многое делается по сохранению культурного наследия, возрождению исторической памяти⁷⁴. Ученый-историк В. Плоских указывает, что выход многочисленных книг, трудов по истории, культуре говорит о стремлении научной общественности всесторонне проанализировать явления далекого прошлого⁷⁵. Помимо известных замечок о современной кыргызской прозе К.Асаналиева, К.Артыкбаева, К.Бобулова, М.Борбугулова, А.Садыкова, появились труды Г.А.Айтпаевой (1995), А.Эркебаева (1999), Б.Т.Темировой (1999, 2000), Г.Мурзахмедовой (2010), У.Б.Култаевой (2011), посвященных проблемам исторической прозы.

Не случайно, в центре этих работ оказались произведения Т.Касымбекова («Сломанный меч», «Кел Кел»), К.Акматова («Время земное», «Годы вокруг солнца», «Архат»), К.Осмоналиева («Вражда кочевников») и др. авторов. На волне былых требований соцреализма указанные книги получали противоречивую оценку. Г.Айтпаева права в мысли, что за годы суверенитета, после того как «были фундаментально поколеблены многие наши представления» эти тексты устояли во времени, обретая новое дыхание, по прежнему вызывая интерес читателей⁷⁶.

Д.Сарыгулов в книге «XXI век в судьбе кочевников» (2001) говорит о необходимости консолидации нации перед вызовами будущего. Ученые стремятся опровергнуть попытки жонглирования историческими фактами, в угоду современности исказить события ушедших эпох. Неоднозначную оценку получают многие события прошлого: время налаживания

---

⁷⁴ Борубаев А. История, знаменующая будущее // СК, 12-хП- 2003.

⁷⁵ Плоских В.В. На рубеже веков (взгляд на историю) // СК, 26.12.2003.

⁷⁶ Айтпаева Г.А. Религиозные мотивы в кыргызском романе (60-90-е гг.). - Бишкек, 1995. – 130 с.

русско-кыргызских отношений в XIX веке, трагические события 1916 года и последующие годы совместного обустройства жизни. Эти проблемы сегодня нуждается в объективном изучении. Ценным материалом изучения становятся тексты кыргызских писателей о смутных временах истории, которые можно эффективно использовать в целях формирования толерантности у молодого поколения.

В художественное осмысление прошлого, в том числе и кыргызско-русских отношений, внесли лепту русские публицисты и писатели П.Семенов-Тяньшанский, Н.Каразин, Б.Тагеев, Н.Чекменев, С.Дунаев, Н.Удалов и др. Тему уркуна 1916 года оригинально воплотил в ряде книг русский писатель Евгений Колесников («Я пришел с миром», «Лунный всадник»), новаторски ее решили киргизские прозаики и драматурги Дж.Боконбаев («Ажал ордуна»), А.Токомбаев («Кровавые годы»), М.Элебаев («Долгий путь») и др. Каждый из них сумел найти свою точку зрения на это сложное историческое явление. Высокую оценку получила пьеса Боконбаева «Ажал ордуна» в статьях Б.Керимжановой, С.Джигитова. Немало споров вызвала книга «Кровавые годы» («Перед зарей») А.Токомбаева, позже удостоенная Государственной премии имени Токтогула, ныне вошедшая в золотой фонд национальной литературы. Эти произведения по сей день сохраняют свое значение в воспитании молодых.

Традиции этих авторов нашли развитие в современной исторической прозе. Выдающимся мастером исторической прозы проявил себя Тологон Касымбеков (1931-2011), запечатлевший в романах «Сломанный меч», «Келкел» героические и драматические страницы жизни киргизского народа⁷⁷. Прозаик нарисовал колоритные картины киргизского общества, неоднозначные фигуры того времени, периода, когда киргизы играли значительную роль в Кокандском ханстве.

---

⁷⁷ *Темирова Б.Т.* «Сынганкылыч» романындагы олуттуу проблемалар // Проблемы преподавания языка и литературы в вузах и школах Кыргызстана: ЭАИПК.- Ош, 2002, 144-145 б.

Перед нами как живые предстают образы Алымбека-датки, Курманджан-датки, Пулат-хана, Шерали, Исхака. Используя многочисленные исторические материалы, Касымбеков убедительно показывает героизм и трагизм, обреченность народного восстания во главе с Пулат-ханом, Исхаком.

Как не вспомнить колоритные картины исторических полотен А.Н.Толстого, В.Шишкова, С.Бородина, В.Яна, С.Злобина, В.Шукшина из истории русского народа. И русских и киргизских писателей всегда привлекала проблема - власти и народа. Эту традиционную тему Ч.Айтматов в повести «Белое облако Чингисхана» решил весьма оригинально, философски масштабно. Образом Чингисхана писатель говорит: сильные мира сего обречены, если они порывают связь с народом.

Художественно убедительным получился образ Курманджан-датки в книге Т.Касымбекова [7]. В тяжелейшие часы для судеб киргизского народа, в смутные его дни она твердо проводит гибкую политику по отношению к России. Образ этой женщины и героический, и трагический. Прозаик показывает мудрого предводителя народа: в 1893 году арестованы ее сыновья Камчибек, Мамытбек и внук Арстанбек. Их обвиняют в убийстве русских чиновников. Русская администрация многим рисковала.

Огромен был авторитет Курманджан датки среди киргизов. Ей ничего не стоило спасти сына Камчибека. Очевидцы казни джигита говорили: «Стоило бы только Курманджан Датке бросить клич: поднимайся, народ, по коням! – и все киргизы Алая, оседлали бы коней». Мудрая правительница сумела убедить сына, в эти минуты быть джигитом, принять смерть, во имя спасения народа. Камчибек был казнен. Т.Касымбеков, опираясь на труды, книги русских авторов А.Алексеева «Курбанджан Датха», Б.Тагеева (Рустам Бека) «Царица Алая», И.Ювачева «Курманджан датка» психологически правдиво исследует характер «некоронованной алайской царицы».

Ч.Т.Айтматов с восхищением говорил о величии и трагизме подвига матери и предводителя народа. В этой драматической ситуации она, действительно, повела себя

мудро, выдержанно. Женщина сумела сделать так, что предотвратила неминуемое столкновение между войсками «ак падши» и своего народа. Царский двор, учитывая вклад Курманджан-датки в дело налаживания отношений двух народов, наградил ее золотыми часами с изображением государственного герба империи.

Журналы «Закаспийское обозрение», «Русский инвалид» в 1901 году писали: «Государь император высочайше соизволил пожаловать престарелой Курбанджандатхе, знаменитой в Туркестанской долине «Алайской царице», в подарок перстень из кабинета его Величества».

Не случайно, на Международной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Курманджан датки, авторитетные ученые А.Какеев, В.Плоских, Т.Кененсариев, К.Боконбаев, Б.Абытов, В.Воропаева, Т.Омурзакова делали акцент в своих выступлениях на мысли, что иные современные политики предали забвению заветы мудрой правительницы.

Писатели К.Баялинов в книгах «Трудная переправа», С.Омурбаев - «Бурные дни», К.Осмоналиев в повестях и романах «Схватка», «Печаль народная», «Вражда кочевников» касаясь мало освещенных страниц истории киргизского народа, особое внимание уделяют теме раздоров, распрей в борьбе за власть, за богатство⁷⁸.

В романе «Стальное перо» Ш. Бейшеналиева (1986) есть страницы, повествующие о встрече двух великих киргизских акынов Токтогула и Тоголока Молдо. Эти встречи проходили в трудные дни для народа. И об этом печалятся два великих акын. Есть в книге строки о Токтогуле: «Междоусобицы, родовые распри – черная тень прошлого – приносили его соплеменникам новые страдания...». Ложно обвинив Токтогула, зная

---

⁷⁸ *Ажыбекова К.А.* Курманджан датка и цивилизационные последствия вхождения Кыргызстана в Россию // Курманджан датка – выдающийся политический и общественный деятель киргизского народа. Мат-лы МНК 25.- X- 2011г.- Бишкек, 2011, с. 167-176.

расправилась с акыном⁷⁹. Сильные боялись веских слов народных певцов, мудрых людей, которые становились важным средством избегания кровавых столкновений, воцарения атмосферы толерантности между народами.

Тема родовых распрей и междоусобиц затронута и в исторической прозе одаренного кыргызского писателя Качкынбая Осмоналиева. Г.Айтпаева пишет, что в его прозе, «далекой от суетной конъюнктуры», правдиво воссозданы нравы и быт кочевых киргизов, реалистически описаны тяжелая доля труженика⁸⁰. Писатель объективно раскрывает коренные причины национального бедствия.

Эта тема зазвучала уже в повестях «Мечь»(1969), «Вражда кочевников» (1982), «Священная земля» (1985). Затем писатель основательно доработал свое произведение. Как романное повествование оно было издано под названием «Көчмөндөрдүн кагылышы» («Вражда кочевников») в 1993 году. Автор создал панорамное произведение об историческом прошлом народа.

Композиционно диалогия получилась стройной, имея главный стержень повествования: рассказ о причинах кровавых стычек. Литературовед Г.Айтпаева отмечает принципиальные изменения: если раньше в книгах легко угадывались реальные исторические лица, но они носили вымышленные имена, то в новом варианте вымышленные имена заменены действительными, ясно обозначены годы и события. Айтпаева Г. пишет, что писатель усилил проблему исторической достоверности, удачно использовал смысловые возможности романного жанра для показа прошлого.

В романе «Вражда кочевников» изображены события начала двадцатого века. Автор большой акцент делает на показе образа жизни, поведения преимущественно «*жакшылар*»,

---

⁷⁹ Авазов Э. Некоторые проблемы исследования Андижанского восстания 1899 года: причины, предпосылки и итоги // Вопросы гуманитарных наук. – М.: 2004. № 5.

⁸⁰ Айтпаева Г.А. Религиозные мотивы в кыргызском романе (60-90-е гг.). - Бишкек, 1995. – 130 с.

«мыктылар», то есть власть и богатство имущих. Писатель реалистически, психологически убедительно отображает через образы *жакшылар* Качике, Ниязбека, Ормона, Эралыту повседневность прошлого века, что стала его особенностью. Основной пружиной всех столкновений, толчком для сюжетного развития событий становится обида, чувство глубокого оскорбления.

Один из главных героев романа глава богатого рода Качике, который затаил обиду на сына Ниязбека Ормона. Этот в свою очередь нанес обиду, так как сам был обижен когда-то Качике. Прозаик весьма рельефно рисует клубок столкновений родов, групп жакшылар, когда стимулом становятся личные амбиции. Так завертелся круг обид и мести. Ситуация Ормона и Качике – модель того, как и с чего начинается вражда «жакшылар». Все новые поколения, роды и племена втягивались во вражду. Психологическая модель: нечаянно или сознательно нанесенная обида – месть – новая обида вполне может считаться двигателем и костяком сюжета в романе К. Осмоналиева.

Проследивая тот или иной повествовательный код, просматривая взаимоотношения героев на самых разных уровнях (от дружеских, родственных до едва знакомых), везде обнаруживаешь эту связь. Из-за нее Ормон и Альбек, бывшие сердечными друзьями, стали смертельными врагами. Через много лет Ормон мстит Качике, а его убивает Балбай. Родичи убитого преследуют убийц и их род, а последние просят помощи у казахов и русских...

Г. Айтпаева отмечает важную черту романа «Вражда кочевников», все сильные мира сего в расцвете сил и лет теряют чувство реальности. Сила власти формирует в жакшылар низменные помыслы, рождает чувство вседозволенности, всемогущества. Предаются забвению понятия чести, совести, чаще жакшылар ими просто пренебрегают.

К. Осмоналиев рисует жестокие картины кровавых распрей кыргызских родов из-за ощущения вседозволенности. Вот глава рода Ормон едет в Жумгал и впервые видит Сон-Куль. Он потрясен красотой здешних мест и потрясение это

рождает непредсказуемую реакцию. Ормон с сыном Уметалы проверяют точность ружей на живых людях. Ведь они право имеют. Ормон или кто-либо другой здесь не плохой, жестокий или бессердечный, но право имеющий. Показ философии «жакшылар» - одна из сквозных задач книги Осмоналиева. Сегодня эта книга актуальна как никогда. Каждый день мы видим, что вершат те, которые полагают, что они «имеют право».

Тема «власть и народ» писателем решается на материале колоритных эпизодов. Автор сочувствует представителям простого народа (*карапай эл*), которым приходится переносить все беды из-за ссор, обид хозяев жизни. Народ появляется тогда, когда надо улаживать обиды, ссоры, когда надо защищать «жакшылар». Писатель отмечает горький факт: для власть имущих народ это *подножный корм*. Простыми людьми из народа богатые расплачиваются за свои обиды. «Так было, так и есть» - считает автор романа «Вражда кочевников».

Примеры двух революций в Кыргызстане красноречиво подтверждают эту истину (страдали, гибли в них простые люди!).

Сегодня трудно отрицать очевидные успехи прозы и поэзии, посвященной истории Кыргызстана: отметим книги «Набег» А.Стамова, «Жестокий век» М.Абакирова, «Баскын» О.Даникеева, «Кыргын» Т.Касымбекова.

Весьма значительным событием стал роман С.Джусуева «Курманджан-датка». Эти произведения стали признаком заметной активизации литературного процесса в республике. Они вызвали споры, живые отклики. Их читает молодое поколение. Думается, что оно и вынесет окончательный суд об этих книгах.

Итак, литература Кыргызстана по-своему отразила тему смутного времени, проблему сложных взаимоотношений истории и современности. Она отобразила в разных жанрах, стилевых формах сложные социально-политические процессы, пережитые народом.

Наряду с видными кыргызскими писателями (Т.Сыдыкбеков, Т.Касымбеков, А.Токомбаев, К.Осмоналиев и

др.) свою лепту в ее разработку внесли и русские писатели (С.Чуйков, Е.Колесников, Л.Дядюченко, А.Сорокин и др.).

Произведения писателей Кыргызстана, воссоздавшие героику и драматические события прошлого, оказывают ошутимое воздействие на формирование толерантности у подрастающего поколения.

Глава 3. Проблемы экологии в творчестве Чингиза Айтматова

В богатой художественной палитре художника заслуживает внимание щедрый талант писателя в изображении человека в связи с окружающим миром, с природой. Взаимосвязь, взаимовлияние человека и природы одно из главных направлений творчества Айтматова. Эту концепцию писатель разрабатывает поступательно, углубляя ее с каждым своим произведением.

«Верблюжий глаз» - повесть об испытаниях юного романтика, психологической борьбе двух человек, двух начал. Это повесть о возмужании и становлении человеческого характера, где присутствует еще и третья сторона природа – земля Кенес-Анархай. И от того как сложатся отношение героев с бескрайними степями зависит их дальнейшая судьба.

«-Э-эй! Академик, морду набью у-у! – Я замер, прислушался. Вообще –то меня зовут Кемелем, но здесь прозвали «академиком»... Тот, который обещает набить мне морду, - это Абакир».

Перед нами два антипода – Кемель и Абакир. Между ними и происходит психологическое столкновение, которое перерастает в непримиримую борьбу. Милый, культурный, деликатный юноша, одним из первых откликнувшись на призыв ехать в целинные земли, попадает под начало к трактористу Абакиру, который с каким-то сладострастием язвит и унижает юношу, демонстрируя прозаичность и жестокость будничной жизни. Один из них человек умудренный житейским опытом, другой же лишь только

начинает свой жизненный путь. Возникает вполне закономерный вопрос: кто выйдет победителем? Малоопытный Кемель или бывалый Абакир?

Забегая вперед, скажем, что верх одержит юноша Кемель. Но победа дается ему нелегко. Он проходит дистанцию от юного романтика до настоящего мужчины. Сначала Кемель даже бежит с целины от Абакира, не выдерживая психологический напор с его стороны. Хотя только утром он любовался бесконечной расстилающейся степью, а теперь опостылело. Вдруг он сам себе показался маленьким и одиноким на этой огромной земле, которую называл страной Анархай. Решил никогда сюда не возвращаться. Но так и не уезжает, так как целина глубоко запала в его душу.

Анархай начинает испытывать человека. Человек здесь ценится столько, сколько стоит. Важна его естественное душевное состояние-ум, совесть, сила воли, характер. Поставленные лицом к лицу друг другу люди, здесь поставленные лицом к лицу с природой. Абакир и Кемель как бы меряются силой с Анархаем: полем, землей, ветрами, дождем. И если один из них просто работает не думая о земле, на которой трудится, другой находит в ней что-то очень близкое, любит ее и твердо верит в будущее Анархая.

Черствому характеру Абакира противопоставляется поэтичная натура Кемеля. В окружающей природе Кемель всегда стремится уловить нечто необычное и дорогое. Тогда Абакир не видит ничего и только посмеивается. Даже единственный в округе родник Кемель ассоциирует с верблюжьим глазом. Он более открыт, чувствителен к окружающему миру, может оценить красоту природы.

Однажды в степи Абакира и Кемеля застигает ливень. Абакир находится в кабине трактора, а Кемель на открытом месте. «Абакир вообще не остановился бы, если бы на гусеницы не налипли бы вязкие невпроворот комья». Нет, такими испытаниями Кемеля уже не победить, ибо он окончательно влюблен в Анархай.

«Дождь кончился сразу, будто его рукой сняло. И тот час же распахнулось небо, сияющее бездонной бирюзой. Оно было

словно продолжением той красоты, чистоты, которую являла собой раздольная степь, смытая весенним щедрым ливнем. Беспредельные анархайские просторы раздвинулись еще шире, стали еще привольнее. Через весь небосклон пролегла над Анархаем радуга. Она перекинулась из края в край света и застыла в вышине, вбирая в себе все нежные краски мира. Восхищенно глядел я вокруг».⁸¹

Вот какой видит и чувствует Кемель бескрайнюю степь Анархия! Беспредельной любовью он любит этот край. Поэтому степь вдохновляет его, влечет его образ парящего степного орла, и с этой высоты он видит прекрасное будущее Анархия. Свое восхищение, свое чувство он выражает даже стихами. «Весь рассказ как бы соткан озарением, светом любви. Свет любви Кемеля одержал верх на тьмой души Абакира. Вот почему мы верим мы верим в неизбежность победы юного Кемеля над грозным Абакиром»⁸².

Первая в жизни победа Кемеля обусловлена его способностью ценить и любить анархайские степи, окружающую природу. Человек есть часть этой природы. Они могут жить только в согласии. Такого суть концепции человека и природы, заложенная писателем в повесть «Верблюжий глаз».

Подлинный мастером психологического анализа проявил себя Ч.Айтматов в повести «Лицом к лицу». «Он обращается самому напряженному периоду нашей действительности, но изображает его по-своему, через ситуацию исключительную»⁸³.

Мы становимся свидетелями драматической судьбы киргизской женщины Сейде. Ее прозрение проходит долго и мучительно. Она, как любящая женщина, искренно радуется неожиданному возвращению мужа, прячет и защищает его, пока не понимает истинную суть близкого ей человека. Происходит резкий психологический надлом в душе Сейде, она выходит из

---

⁸¹ Айтматов Ч. Материнское поле. - Ф., «Кыргызстан», 1974 с.305

⁸² Асаналиев К. Движение во времени. - Фрунзе, 1976, с.65

⁸³ Бобулов К. Пути развития реализма в киргизской прозе. - Фрунзе, 1979,с.132

рамки своего узкого мирка и осуждает своего мужа за преступление перед народом.

Писатель, изображая внутренние переживания женщины, ее характер, очень точно передает и состояние природы. Природа созвучна настроением героев, подчеркивает динамизм происходящего.

С первых строк повести создается атмосфера неуклонно нарастающей напряженности и драматизма. «Мимо единственного на полустанке фонаря косяками проносились охапки серых тополиных листьев. В эту ночь тополя роняли листву. Прямые и стройные, как шомпола, упруго раскачивались они на ветру, и шум их высоких вершин напоминал отдаленный рокот моря. Темна ночь в ущелье Черной горы. Но еще непроглядней она на маленьком полустанке под горой. Время от времени темнота словно колышется от света и грохота поездов, поезда проносятся дальше, и снова на полустанке темно и безлюдно»⁸⁴.

Параллелизм в описании состояние природы и человека создает ощущение их взаимного влияния. Под покровом темной ночи Исмаил вершит свое черное дело – дезертирует из армии.

Пейзажный рисунок как бы переопределяет драматичность действия. «Погода к ночи испортилась. Сырой, промозглый ветер гнал тучи с запада. Мрачно наплывали они на небо. Гор уже не видать. Луна котилась против ветра, увязая в тучах. Иногда она совсем исчезает и где-то мельтешила там, во тьме, ее зыбкий свет едва пробивался сквозь слой туч»⁸⁵.

Такая ненастная погода подводит к мысли о том, что должно произойти что-то ужасное. Тревожное в душе Сейде. На утро она узнает, что у соседки Тотой увели единственную корову, последнюю надежду детей отняли.

Сейде искренне переживает это несчастье соседки и хочет помочь разыскать, но ее останавливает страх, что люди могут

---

⁸⁴ Айтматов Ч. Материнское поле. - Фрунзе, «Кыргызстан», 1974, с.43

⁸⁵ Там же. с.44

обнаружить Исмаила. В этот момент она сильно напряжена внутренне и подавлена. «Туман, словно, больной, белесым жидким дымом волочился по лощинам, бессильный оторваться от них и подняться ввысь. Земля расплзалась под ногами, мокрый снег пропитал одежду, и она тяжело давила на плечи.

Параллелизм внутреннего состояния человека и природы дает возможность проникновеннее и полнее раскрыть двойственную психологию Сейде. Она, с одной стороны, искренне хочет, чтобы поскорее нашли корову Тотой, с другой же, ее беспокоит судьба Исмаила.

Гармоничное единство пейзажной зарисовки напряженной, смутно предчувствующей беду душой Сейде поистине приобретает характер трагического звучания. Как было подчеркнуто нами, унылая картина природы в начале произведения дает основной тон всему повествованию. В кульминации этот тон доведен до апогея. «Туман все так же стелется по земле. В развалинах дувала весенний снег густо облепил шишковатые макушки прошлогоднего репейника, мелкими белыми наростами покрыл стебельки молоденькой зелени, только что пробившейся на свет».⁸⁶

Пластическое, осязаемое изображение стелящегося по земле тумана как бы вводит нас в утомленное, в безысходное состояние Сейде. После такого напряжения, происходит внезапная и стремительная развязка. Вечером появляется в доме Исмаил с торбой мяса. Происходит мгновенное прозрение Сейде. Она сразу поняла, что Исмаил не только дезертир, но и вор. Темная ночь- последний приход Исмаила к покорной и послушной жене. Наступает рассвет не только в природе, наступает долгожданный рассвет в сознании Сейде. «Чем светлее становилось за окном, тем пристальней вглядывалось во двор молодая седоволосая женщина. Казалось, она выслеживает, куда прячется ночной мрак от света занявшегося

---

⁸⁶ Айтматов Ч. Материнское поле. Фрунзе, «Кыргызстан», 1974, с.52

дня». Таким образом уходит мрак из души Сейде, столько мучивший ее, и начинается трагическое просветление.

«Материнское поле» - одно из самых объемистых произведений Ч. Айтматова. Здесь описана целая жизнь, дан глубокий анализ жизненного пути большого, мужественного человека, имя которому Толгонай. Отличительной чертой повести прежде всего является то, что автор с совершенно новых позиций подошел к выбору главного героя. «Перед нами суровое, поистине трагедийного звучания произведение, несколько необычное для Айтматова. Пожалуй, неожиданно для нас и главная героиня. Здесь обычно в центре повестей писателя- молодежь... А здесь долгая человеческая жизнь героини»⁸⁷.

Перед нами целая жизнь женщины, трагедия матери Толгонай в годы Великой Отечественной войны. Но это главное в повести. Главное в повести то, что в ней воспета, возвеличена неиссякаемая сила человека, его всепобеждающая воля.

Кто сильнее: Человек или смерть? В этом заключается философская доминанта повести «Материнское поле». Философичность содержания, пожалуй, и определяет условную форму взаимоотношений человека и природы, Матери-земли и Матери-человека.

Старая седая женщина Толгонай начинает разговор с землёй, делится с ней тем, что таится в душе, а земля внимает ей. Разговор матери с землей, продолжающейся до конца повести, помогает глубже раскрыть живую действительность. Разговор матери с землей у писателя не случаен. Ведь мать давно уподобляют земле, а землю - матери. Обе рожают, оба веками претерпевают ужасы войны. Мать расстается с сыновьями, которых она вынянчила и вырастила; земля, объята пламенем войны, расстается с драгоценным урожаем, с полными плодов садами, с прекрасными огородами. «Киргизский писатель не зря сводит лицом к лицу двух

---

⁸⁷ Кузнецов М. Главная тема. - М., 1964, с.388-389

терпящих муки матерей. У них есть, что поведать миру, у них есть право на это»⁸⁸.

Героиня повести – старая женщина, потерпевшая много мук, в прошедшую войну сложили голову на поле битвы три ее сына и муж. Но Толгонай - не только мать, изнемогающая под бременем личного горя. Она говорит не для того лишь, чтобы поделится этим горем, - она думает о последствиях, оставленных войной в душах и сердцах всех людей. Она думает о будущем мальчика, сына ее невестки.

«Ведь то, что, зная, то, что знаешь, ты, поле мое родное, то, что знают все, не знает только он один. А когда узнает то, что подумает он, как посмотрит на бывшее, дойдет ли разумом и сердцем до правды? Мальчишка ведь еще. Вот и думаю как быть, как сделать, чтобы не повернулся он к жизни спиной, а всегда прямо смотрел ей в глаза. Эх, если бы можно было просто, в двух словах, взять да рассказать будто сказку»⁸⁹.

Толгонай начинает свою «сказку» издалека. Она вспоминает время своей цветущей молодости, те счастливые, незабываемые дни, когда в небе звенели жаворонки, а она вышла замуж за Субанкула. Вспоминает как вступили в колхоз, строили дом, как родились три сына, как муж впервые сел за трактор. Это все ей кажется золотым сном. Словами матери писатель изображает мирные дни, как бесконечную «сказку».

«И земля в ту синюю светлую ночь была счастлива вместе с нами. Земля тоже наслаждалась прохладой и тишиной. Над всей степью стоял чуткий покой. В арыке лепетала вода. Голову кружил медовый запах донника. Он был в самом цвету. Иногда набегал откуда-то горячий полынный дух суховея, и тогда колосья на меже качались и тихо шелестели»

Всю смысловую суть повести объединяет образ Толгонай, ее судьба, ее думы, ее разговор с землей. Образ матери не

---

⁸⁸ Бобулов К. Пути развития реализма в киргизской прозе. Фрунзе, 1969, с.148

⁸⁹ Айтматов Ч. Прощай, Гульсары! Повести и рассказы. Ф., 1967 с.8

ограничивается характером киргизской женщины, он выходит из рамки «национального характера».

Все этапы развития страны проходит через сердце Толгонай. Потеряв близких людей, она вместе с невесткой Алиман продолжают жить и работать. Они все вытерпели, всё перенесли.

Война кончилась. Единицы вернулись домой с фронта. В каждом доме на почетном месте висят портреты погибших. Они смотрят на нас молодыми, «мертвые всегда остаются молодыми». Далее событие в повести развивается со все большей напряженностью, на первый план выдвигается Алиман. Молодая женщина беспредельно уважает память о погибшем муже и поэтому сдерживает вновь пробудившее чувство. Она гуляет по цветочному полю и мысли глубокие греют её, но стоит только вспомнить о погибшем муже, об одинокой Толгонай – сразу замыкается в себе.

А Толгонай, человек глубоко гуманный, понимает её и искренне желает, чтобы она вышла замуж, обзавелась семьей, обрела свое счастье. Мать готова проводить и благословить её, но сказать ей не смеет. Алиман так и не узнала настоящего счастья. Война повинна в том, что в конце повести в большем доме остается одна только мать. Она заботливо воспитывает незаконного сына Алиман. Финал печален и горек. Но мы все же испытываем прилив надежды на лучшее и что ужасы войны больше не повторится.

Вот о чем говорит Толгонай Земле – такой матери, как и она, сама, мужественно пережившей тяжелые времена и сохранившей надежду.

Если в повести «Материнское поле» образы Матери – Человека и Матери – Земли живут в роде каждый в отдельности, и само произведение воспринимается как страстный диалог двух матерей, то в повести «Прощай, Гульсары!» условно – ассоциативные связи человека и природы, правдолюбца Танабая и иноходца Гульсары более глубоки и органичны. Во взаимодействиях этих двух образов отражена как бы двуединая жизнь, двуединая судьба, и сама

повесть, поэтому воспринимается как своего рода исповедь-монолог Танабая.

Автор рассказывает о трудной судьбе иноходца Гульсары. Блистательные айтматовские зарисовки повадок животного невольно оживляют в нашей памяти «Холстомера» Л. Н. Толстого, «Изумруда» А. И. Куприна. Нельзя читать без трепета, например, Такие места повести, где описывается состояние иноходца, доживающие свои последние минуты: «Ощущение неустойчивости земной тверди под копытами смутно всколыхнула вдруг в угасшей памяти коня те давние летние дни, тот мокрый зыбкий луч в горах, тот удивительный и невероятный мир, в котором солнце ржало, скакало по горам, а он глупыш, пускался вдогонку за солнцем через луг, через речку, через кусты, пока косячный жеребец, со злобно прижатыми ушами, не догонял его и не заворачивал назад... Он любил то мгновение, когда мать вдруг превращалась в ласковое фыркающее облако. Соски её становились тугими и сладкими, молоко пенилось на губах, и он захлебывался от обилия его и сладости. Он любил стоять так, тукнувшись в живот своей большой гривистой матери. Какое это было упоительное, пьяное молоко! Весь мир- солнце, земля, мать – умещались в глотке молока».

Писатель довольно тщательно прослеживает путь Гульсары, рассказывает о том, как иноходец одерживал на скачках одну победу за другой и носился «яркой кометой среди всего табуна».

Таким образом, Ч.Айтматов тонко описывает трагическую гибель иноходца. В повести немало поистине потрясающих страниц о трудной судьбе Гульсары. Слово «судьба», наполненное человечностью, употреблено в отношении иноходца не случайно. Их жизнь и судьба уж очень тесно переплелись. Один дополняет другого. Они долгие годы шли по жизни вместе, поддерживал друг друга, познали радость и горе, победы и поражения.

Повесть «Прощай, Гульсары!» отнюдь не является повествованием только об иноходце, как это может показаться на первый взгляд. Это повесть о трудностях колхозной деревни

послевоенного периода, о сложных человеческих взаимоотношениях, о трудной судьбе простого чабана Танабая.

Здесь нет каких –то героических трудовых побед, одерживаемых героем, нет его последовательного возвышения над собой и окружающему. Картины жизни киргизского аила передаются через призму размышлений простого человека.

Танабай человек сложной натуры, прошедший суровую школу жизни. В молодости батрачил, затем активно включился в колхозное строительство, воевал и после войны много и самоотверженно работал, спешил увидеть своими глазами новое общество. Как коммунист, всегда и везде оставался верным своим идеалам, самому себе. Но Танабай не «железобетонный» герой, которому чужды людские слабости⁹⁰.

Но угасает былое огненное пламя в душе Танабая подобно тому, как всё больше и больше теряет свой неудержимый бег иноходец Гульсары. «Прощай, Гульсары!» - это не простое произведение о чабанском труде, а глубокое размышление о жизни, о назначении человека, о его сокровенных идеалах, сталкивающихся на пути их осуществления о замаскированной подлостью.⁹¹

Глубокий смысл заложен и в описании истории взаимоотношений Танабая и Гульсары. Гульсары не дежурная, не вспомогательная фигура. По выточенности, по скульптурной выразительности этот образ не уступает колоритной фигуре Танабая. «Сплетаясь о судьбой Танабая, то обретая самостоятельную мелодию, рассказав об этой жизни звучит с удивительной одухотворенностью, поразительным умением видеть степь, солнце глазом стремительно идущей лошади, теми же глазами увидеть людей, горы, губами лошади ощутить вкус травы, холодной речной воды - пережить всем незнакомым чувством, какому нет названия и которое доступно только большому искусству»⁹².

---

⁹⁰ «Новый мир», 1966, №3 с.53

⁹¹ Бобулов К. Пути развития реализма в киргизской прозе. Фрунзе, 1969, с.153.

⁹² Якименко Л. Пути романа. Литературная газета. 06.10.76.

Особенно ярко проявилось мастерство Айтматова в изображении внутреннего мира Гульсары. Да, с каким восторгом, безмерным упоением и эстетическим наслаждением можно читать страницы, повествующие о безмятежном детстве, о баловстве Гульсары, о его соприкосновении с окружающим миром, его открытии запаха свежей травы, о его глубоком сне под звездами, о его страшном испуге, когда он в первый раз почувствовал на спине чужого человека. Гульсары думает, переживает, возмущается, как человек. А его тоска по родному табуну, по ржанью маленькой гнедой кобылицы, на лбу которой была звездочка.

Эти эпизоды так живописны, ощутимы и достоверны и имеют огромную силу эмоционального воздействия на читателя.

Очень много глубоких мыслей вложено в «подводные» течения повести, выражено условно-ассоциативными образами человека и лошади. И, пожалуй, одним из главных течений является непримиримость Танабая в последовательной борьбе за светлые идеалы. Вот как автор пишет о Гульсары: «Одна лишь страсть владела им пока, доставляя хозяину немало хлопот, - страсть к бегу. Увлекая за собой своих сверстников, он носился среди них желтой кометой. В горы и вниз со склонов, вдаль каменистом истому берегу, по крутым тропам, по урочищам и по лощинам - гоняла его без устали какая-то неистощимая сила».

Но когда иноходца против его воли насильно и бездушно держали в конюшне, то тогда он поднимал «мятеж против узды, против удил, против волосяного чембура, против всего, что так держало его здесь».

Жизнь иноходца Гульсары все время проецируется на духовный мир Танабая. И это, безусловно, было новым для киргизской прозы - глубоко реалистическая новая форма художественного изображения героя. Нельзя понять суть образа Танабая вне его связи с Гульсары. Мне представляется, что они составляют две стороны одного и того же явления, т. е. одного и того же цельного образа.

Как человек имеющий свои устойчивые убеждения, Танабай никогда не шел на компромиссы. Он беспощадно боролся и верил в новую жизнь, что составляет самую суть его жизни. Все это ассоциируется у нас с блистательной сценой аламан-байги-козлодрания, когда Гульсары, как птица, обгоняет всех скакунов, преодолевая всяческие преграды и помехи, готовый допрыгнуть до самого солнца. Яркий символический смысл имеет сцена скачек. Эмоциональная сила «образа» Гульсары заключается именно в том, что в нем автор выражает душу Танабая: Гульсары – это душа Танабая. Вчитываясь в эпизоды, связанные с судьбой иноходца, мы не остаемся равнодушными, мы относимся к этому чудесному животному как к какому-то «человечному созданию».

Вот сцена скачек. Скачут три скакуна к финишу. Если понимать шире, то это три идеи, три образа жизни. Три разных скакуна как трое разных людей - талантливый, злой и завистливый. Борьба идет справедливая, принципиальная. Поэтому скачки эти имеют значение не экзотики, а нечто более глубокое. Сцена скачек - творческий взлет Гульсары, и вместе с тем Танабая, яркое ассоциативное сравнение и выражение неуёмной энергии человека. Танабай также стремителен в своих думах и стремлениях, как стремителен в своем беге иноходец Гульсары. Этим и объясняется трагизм сцены увода Гульсары из табуна Танабая. Впервые здесь звучит мелодия «Плача верблюдицы», потерявшей единственного верблюжонка. Этот элемент из народного творчества очень тонко передает душевное состояние Танабая. Плач верблюдицы звучит как плач Танабая по Гульсары, находившемуся в это время в «конюшне» - в тюрьме для лошадей». Причем это была тоска не только по дорогой для сердца лошади, но больше по ушедшей молодости, утраченным силам.

Условно-ассоциативные связи Гульсары и Танабая все больше усиливается в эпизодах когда иноходец, не подчиняясь «законам» волосяного чумбура, рвется к свободе, к своему табуну. Его заковывают в железные цепи –кишен. Но Гульсары оказался настолько упорным, что даже железные путы не смогли удержать его в «тюрьме лошадей». Именно упорство и

целеустремленность Гульсары сродни неукротимой воли Танабая.

Противники Танабая – карьеристы и пустозвоны отбирают у него самое главное – его «двойника» Гульсары. Новый хозяин Гульсары выхолощивает коня и смотрит «точно бы лежал перед ним не конь, а человек, враг его лютей». Враги торжествуют и злорадствуют по этому поводу. Они довольны что наконец то с Гульсары покончено, что он покорен и обуздан. Ну а на Танабая просто не стоит обращать внимание.

Для Танабая выхолощивание Гульсары было подлинным душевным потрясением. Подхалимы и карьеристы отняли у него не только любимого коня, но и его суть жизни – его бег, его стремительность, его резвость. Танабай в жестокой схватке с бюрократизмом и пустозвонством, с карьеризмом и приспособленчеством терпит личное поражение. «Суровая сила реализма Ч. Айтматова состоит в том, что в нем без всякой ложной парадности раскрывается правда жизни, трудность и сложность наших побед, достигнутых кровью и потом таких правдолюб, как Танабай». ⁹³«Увидел он в степи пыль бегущего иноходца. Сразу узнал Гульсары. Теперь он редко когда его видел. Смотрел Танабай издали и мрачнел. Раньше пыль из под копыт никогда не догоняла иноходца. Темной, стремительной птицей нося он впереди, оставляя впереди за собой длинный, кипучий хвост пыли. А теперь то и дело накатывалась на иноходца облаком, окутывала его. Он вырывался вперед, но через минуту снова исчезал в густых клубах самим же им поднятой пыли. Нет, теперь он не мог уйти от нее. Значит, крепко пострадал, ослаб, сдался».

Так рассуждая Танабай, думал не только об иноходце, но как бы увидел в нем самого себя. И он стал стар, не было уже прежних сил.

Старый конь и старый человек изображаются в параллельном плане. Суть этого приема заключается в

---

⁹³ Асаналиев К. Движение во времени. Ф., с.135

изображении взаимопроникновения и взаимообогащения друг друга. Сложные жизненные перипетии Танабая автор повести иной раз передает смело и художественно убедительно через судьбу Гульсары. В такие моменты «образ» коня достигает яркого символического звучания.

Ч.Айтматов мастерски освоил способ художественного осмысления действительности через изображение вечной темы о взаимосвязях человека и природы.

В образах Гульсары и Танабая олицетворяется животный мир, природа, человек труда. Эти понятия, благодаря перу писателя, слиты воедино и тесно сосуществуют как неразделимое единое целое.

Художественная емкость подобного контрастного и параллельного изображения героев, мира животных и человека «есть воплощение автором своей концепции человека и природы и направлена на раскрытие основной мысли повести»

Легенда о Рогатой Матери-Оленихе из повести «Белый пароход» раскрывает идею единства, не делимой взаимосвязи человека и природы. Через отношение к Рогатой Матери-Оленихе раскрываются и противостоящие друг другу образы Момуна, мальчика и Орозкула.

Рогатую Мать-Олениху дед Момун считает священной. Она для него – смысл доброты и отзывчивости: « - Маралы! Маралы! – вне себя от испуга и радости вскричал дед Момун... - О, пресвятая мать, Рогатая Олениха! Это она спасла нас! Ты видел? Это дети Рогатой Матери Оленихи. Вернулась наша мать». ⁹⁴ Для Момуна день возвращения оленей – праздник.

С того дня как дед Момун рассказал мальчику сказку, он стал преклоняться перед нежностью и справедливостью Рогатой Матери – Оленихи, жить в мире сказки. «Рогатая Мать Олениха!» - гордиться он. Где бы ни был мальчик, он всегда, всеми мыслями рядом с ней. В трудную минуту просит помощи: «Рогатая Мать-Олениха, принеси им люльку! Пусть

---

⁹⁴ Айтматов Ч. Повести и рассказы. Ф., «Кыргызстан», 1974 с.76

будет у них ребенок...Принеси люльку на рогах! Сделай так, чтобы не плакал дед, сделай так, чтобы дядя Орозкул не бил тетку Бекей, сделай так, чтобы у них родился ребенок. Я всех буду любить...»⁹⁵

Воочию увидел маралов, спустившихся из леса к водопою, мальчик верит в сказку уже бесповоротно. Его обуревают безмерная радость, глаза светятся, сердце гулко колотится, словно исполнилось его заветная мечта. Отношения Орозкула к чувствам Момуна и мальчика видны из следующих его слов: «Не болтай, старик. Хватит! Плевал я на твоих маралов! Ишь ты, возрадовался маралам, словно его жена родила сына. Не морочь мне голову, ступай, тащи бревно!»⁹⁶

Взгляды героев на Рогатую Мать Олениху определяют сюжет произведения. Выстрел в нее означал для Момуна крах взлелеянной им же сказки. Что же теперь он ответит мальчику? Сумеет ли сам оправдаться перед духом предков? А перед своей совестью? После выстрела он не смеет взглянуть в глаза мальчика и хочет водкой залить горе, выпавшее на его долю. А Орозкул на глазах Момуна и мальчика уничтожает их святыню – рубит топором чудодейственные, с колокольчиком бешика, рога матери Оленихи, на которых она должна принести им люльку. Только мальчик не может примириться с бессилием деда, глумлением Орозкула. Превратившись в рыбу, он плывет к своей второй сказке. Комментируя повесть «Белый пароход», Ч.Айтматов в своей статье «Необходимые уточнения» подчеркивает, что ради сохранения связи с окружающей его испокон веков природой, человек свои взгляды и понятия вкладывает в народные произведения, оставляя их как завещание. Легенда в айтматовской повести предупреждает о незыблемости связи человека и природы, особенно хрупкой в условиях сегодняшней НТР.

---

⁹⁵ Айтматов Ч. Повести и рассказы. - Ф., «Кыргызстан», 1974 с.76.

⁹⁶ Там же.

В повести «Пегий пес, бегущий краем моря» Ч. Айтматов ставит тут же проблему человека и природы. На первый взгляд может показаться, что здесь большой белый пароход превратился в каяк, вырубленный из тополя, а величавое озеро Иссык-Куль – в бурлящее синее море, легенда с рогатой матери Оленихе – в предание о Рыбе-женщине, Органа, мальчик – в Кириска. Но это только на первый взгляд. В своей новой повести писатель раскрывает другие, ранее не затронутые им грани проблемы человека и природы. Невзирая на непогоду, герои повести отплывают на охоту. И терпят бедствие. Идея тесной взаимосвязи человека и природы воплощается в произведении в легенде о Рыбе-женщине, основательнице рода нивхов. Легенды о Рогатой Матери – Оленихе и Рыбе-женщине глубоко созвучны. Если Рогатая Мать-Олениха сохраняет девочку и мальчика после кровавого побоища, то от Рыбы-женщины берут свое начало люди, населяющее морское побережье. Красивая женщина в рыбьем обличье встречается с бедным, хромым человеком, пробуждая в нем страсть. Рыба-женщина заставляет его тосковать, печалиться, исходить плачем, искать ее всю жизнь. В надежде встречи долгожданной и желанной Рыбой-женщиной человек и днем и ночью не отходит от моря, пребывая безысходной печали.

От любви Рыбы-женщины и человек появляется на свет младенец, знаменующий зарождение жизни на земле. С тех пор гремит слава о Рыбе-женщине, из поколения в поколение передаются легенды о неделимой целостности человека и моря.

Старик Орган считается одним из внуков Рыбы-женщины. Рыба-женщина представляется ему вечной. С каждым выходом в море Орган лелеет надежду, что встретится с нею. Особенно после снов о Рыбе-женщине, ему кажется, что сказка предков вот-вот воплотится в реальность. Всю свою жизнь он посвящает Рыбе. Плавая в море, Орган предается думам, которым нет ни конца, ни края. Делясь своими сокровенными тайнами с морем, он жаждет, чтобы его сновидение происходило наяву. Орган повторяет судьбу древнего рыбака, в его душе рождается песнь, в которой вмешивается радость и горечь неисполненного желания. Органически включив легенду в сюжет повести,

показав, как берег пегого пса, бегущего краем моря, утка Лувр, летающая над морем, морской ветер и волны, звезда, сияющая на небосклоне, спасли мальчику жизнь, писатель еще раз подтверждает, что связь людей с окружающим миром, величие человека, его любовь к природе и стремление к познанию ее загадочных тайн извечны.

В романе «И дольше века длится день» Айтматов снова использовал прием параллелизма: верблюд Каранар и его верный друг Едигей. Здесь мы чувствуем бессловесную, но слышимую переключку двух родственных, живых, глубоко понимающих душ-животного и человека.

Человек становится самым близким и дорогим существом на свете для животного. Едигей с самого рождения заботился о Каранаре, воспитал его как своего ребенка, много хлопот доставлял верблюд своему хозяину. Едигей часто «умывался слезами» от проделок Каранара. Знаменитость сарозекских степей, могучий и быстроходный двугорбый верблюд и старожил здешних мест, труженик Едигей за многие годы проросли друг в друга. Каранара по праву можно поставит в один ряд с другими «героями» романа, так много связано с ним в трудах и в жизни Едигея и так резко во всей «индивидуальности» запечатлевается он в нашем читательском сознании. По жизненной достоверности, по силе изобразительности образ Каранара нисколько не уступает образу Едигея. Человек и природа узнают друг друга.

В каждом произведении писателя активно участвуют животные – Гультары, Каранар, Рогатая Мать-Олениха, Рыба-женщина, утка Лувр, журавли, беркут, лисица. И в финале повести «Ранние журавли» мы встречаем волка, выступающего виновником крушения надежды Султанмурата, возглавляющего «аксайский десант». А волки Акбара и Ташчайнар никогда не разлучались друг с другом (роман «Плаха»). Эти чуткие животные тонко реагируют на добро и зло. Чем же иначе объяснить, что Акбара не пустила в ход свои клыки против Авдия, резвившегося с ее волчатами в Моюнкумских степях? Это встреча навсегда остается в памяти синеглазой Акбары и Авдия. А при второй встрече Акбаре и Ташчайнару,

переживавшим безысходное горе, лишившего своего потомства, человек показался омерзительным и гнусным. Волки отомстили бы, если бы человеком, распятым на саксауле, был не Авдий.

Акбара вспоминает и видит сон о безмятежной жизни в Моюнкумской саванне, радуется появлению на свет, мечтает, как они все вместе выйдут на охоту за сайгаками, жалобно воет о гибели Большоголового, Быстроногого и Любимицы, из ее глаз льются слезы, только язык не подвластен выговорить все это человеку! Это живое создание природы – с материнским чувством сохранения своего рода. Она вынуждена увести Ташчайнара в другие места. Но и там, в окрестностях озера Алдаш, где никто прежде не нарушал первозданную тишину, над головами волков начала вновь витать безжалостная смерть. Был истреблен их весенний выводок. Но Акбара и Ташчайнар и на этот раз простили человеку причиненное им горе и направились в сторону Иссык-Куля.

В третий раз, когда волки из-за жестокосердия Базарбая лишились третьего своего выводка, они ожесточились. Потеряв последнюю надежду, волчица обращается к Беру-Ана: «Взгляни на меня, волчья богиня, это я, Акбара, здесь в холодных горах, несчастная и одинокая. О, как плохо мне! Ты слышишь как я плачу? Ты слышишь как я вою и рыдаю, и вся утроба моя горит от боли, а сосцы мои разбухли от молока, и некого запить мне, некого вскормить, лишилась моих волчат».⁹⁷

Горе Акбары напоминает еще ободном трагическом фрагменте из произведения Айтматова. Это «Плач белой верблюдицы», творение фольклора, ювелирно обработанное и использованное писателем в повести «Прощай, Гульсары!» для изображения потаенных чувств Танабая. Созвучие и общность белой верблюдицы ищущей своего верблюжонка, и синеглазой волчицы, тоскующей по волчатам, -. Отнюдь не случайность.

---

⁹⁷ Айтматов Ч. Плаха. Роман. Ф., «Кыргызстан», 1987, с.262

Базарбай не послушал Бостона, не вернул волчат в логово. Люди не откликнулись на беду волков, и волки учинили настоящий разбой.

Акбара Ташчайнар не отходят от загона Бостона – в надежде, что волчата где-то поблизости. Грохот выстрелов и вой собак уже не пугает их. Поняв, что успокоить волков можно лишь возвратив им волчат или убив, Бостон поневоле берет в руки ружьё. Пуля поражает самца Ташчайнара, Акбара остается одна. Лишившись всех, Акбара, однако, не разъярилась, ее умиротворил младенческий дух. Вспомнив своих волчат, она захотела обласкать Кенджеша, вспоить его своим молоком, излить материнскую нежность. Но когда пуля, посланная Бостоном, прошило тело Акбары, в ней пробудилась хищница, и она уже была не в силах пощадить человеческое дитя, мстя из-за гибель своих волчат, и за неутомимого Ташчайнара, и за свою жизнь. В итоге смерть одержала верх.

Каждый из героев романа своей дорогой пришел к плахе. Бостон душой понимает священное и великое свойство первозданности, поэтому он всем сердцем готов разделить горе, выпавшее на долю Акбары и Ташчайнара. Но он расплывается нечеловечески тяжело за зло, совершенное другими.

Можно ли оставаться равнодушными, читая строки о волках? На фоне лирической картины их жизни, драматических испытаний, выпавших на их долю, невольно отходят на задний план мысли о том что это – кровожадные хищники. Волки в романе символизируют мир естественный, мир природы, вечный и непоколебимый, который в произведении сравнивается с миром человеческих отношений, противопоставляется извращенному миру людских понятий. Особенно кричаще этот диссонанс при столкновении с представителями человеческого рода – Базарбаем, Обер-Кандаловым и им подобными.

В критических статьях, когда речь заходит об Акбаре и Ташчайнаре, их образы обычно трактуются в связи с экологической проблематикой, проблемой защиты природы. Для хищников, этих хозяев животного мира, всего страшнее оказывается человек – с его низменными побуждениями.

Потрясает картина ужасающего истребления человеком сайгаков, трагическая история волчьей пары. Именно поэтому Акбара и Ташчайнар как бы оказываются союзниками Бостона в борьбе против базарбаев и кочкорбаевых: любое насилие – это насилие над природой, которое оборачивается страшной карой, мстью. Мы горько жалеем волчью мать-Акбару, когда она несет на себе дитя человеческое...В общем-то, беспощадность Акбары противоположное отражение животного, пропущенное через личность»,⁹⁸ - отмечает А. Якубов.

На страницах печати по достоинству было оценено стремление писателя, боль его за судьбу подростков, оказавшихся в паутине наркомании. «Не зря же Ч.Айтматов говорит о молодых, что у них нет веры. Он это по своему обосновывает и связывает с большой общечеловеческой верой».⁹⁹ Авдию во что бы ни стало надо разбудить совесть и воскресить душу. Наркоманов и алкоголиков, Гришана, Петрухи, Обер-Кандалова, Гамлет-Галкина.

Казахские литературоведы подчеркивают, и об этом мы уже говорили выше, что писатель в своих произведениях обращается к духовному наследию разных народов, к их национальным традициям, нравственным устоям. Так, в романе «Плаха» тонко вписывается в его общую канву грузинская баллада, являющееся неотъемлемой частью его психологической концепции. Рецензенты высоко оценили эту балладу, ее исключительную выразительность и тонкий лиризм.

Вся эстетика трагического, начинания с Аристотеля, первым и необходимым условием трагической личности выставила высоту и благородство ее нравственного облика, чистоту стремлений и чувства. На это же качество трагического героя указывали Шиллер, Гегель, Белинский, наверное, и такая личность, как Бостон, до конца сохраняющая высокие

---

⁹⁸ Якубов А. Талант, пленивший мир. Узбекистон маданияти ва санъати, 1988, 11 декабря

⁹⁹ Мухтар А., Резниковский Г. Выстраданная правда: Злободневная? Своевременная? Вечная? – Звезда Востока, 1987, №4 с.147

нравственные качества, создает истинно трагического героя. Трагическую ошибку может совершить лишь личность высоких порывов, человек, опередивший свое время, возвысившийся над своими современниками, уяснивший, что именно надо сделать, чтобы вывести общество из застоя, освободить его от связывающих путей, наставить общество на путь истины и прогресса.

Смерть присутствует в каждом произведении писателя: ведь именно в таких экстремальных, «угловых» ситуациях персонаж раскрывает себя во всей полноте своей нравственной силы.

Финал романа трагичен. Известно, что преступление порождает преступление, ненависть – ненависть. Тем самым писатель-реалист доказывает: не мистического конца света нужно бояться, а того, что может совершить сам человек. Вместе с Акбарой Бостон застрелил своего сына Кенджеша. Но у героя не было другого выхода. И беспредельное горе отца выросло до горя вселенского масштаба: «Это было его великая катастрофа, это и был конец его света...»¹⁰⁰, - так завершает роман Ч.Айтматов.

Трагедия есть, в сущности, утверждение мысли, что прежние ошибки не должны повторяться, что для жизни всегда может открыться новый выход, но новом уровне разума и понимания.

Неразрывную связь во взаимоотношениях человека и природы можно проследить на материале последнего произведения писателя – романа «Тавро Кассандры».

Линия «Человек – Животное» ярко проявляется в следующих эпизодах романа: футуролог Роберт Борк, ученый с мировым именем, возвращается из научной командировки в немецкий город Франкфурт-на-Майне, обратно на родину, в Америку. Наблюдая за тем, что находится за бортом авиалайнера в иллюминаторов, он видит огромные стада

---

¹⁰⁰ Айтматов Ч. Романы. Повесть. – Фрунзе, Кыргызстан, 1988, с.577.

гигантских млекопитающих – китов, мчащихся на большой скорости в водах Атлантики. И тут, сначала чисто интуитивно, в подсознании, Борк чувствует общность своей судьбы с участью этих животных, олицетворяющих собой мир природы, бессловесных живых существ, чья жизнь целиком и полностью зависит от деяний человека – царя окружающей его сферы, ибо действительно, в наше время – время научно технического прогресса и глобальных проблем во всех сферах жизни человека - экономической, политической, и духовной – именно от людей, от каждого в отдельности жителя Земли зависит судьба нашей планеты, галактики, Вселенной.

Предчувствие не обмануло Роберта, недаром его профессия означает «изучение будущего» - футурология. Стада китов, не в силах иным способом выразить свой протест против энергии. За, накопленной людьми в мире, выбрасываются на берег, т.е. кончают жизнь самоубийством. Трагична судьба Борка – разъяренная толпа растерзает его перед собственным домом в пригороде Ньюбери. Конечно, каждый сам волен решать свою жизнь, поступки, действия, а Роберт Берк единственный на земле человек, открыто и прямо вставший на защиту главного героя романа космического монаха Филофея, бывшего в миру Андрея Крыльцова, русского ученого –биолога, открывшего феномен «тавра Кассандры» - крохотного пятнышко на лбу у беременных женщин, которое свидетельствовал том, что зародившийся в их утробе зародыш не желает явиться на свет, ибо этот мир далек от совершенства, слишком много здесь грязи и зла.

Ч.Айтматов - непревзойденный мастер глубокого психологического характера. Герои писателя воплощают в себе отражение всех этапов развития страны и киргизского народа.

Художественное отображение проблемы «человек и природа», несущее в себе добро, человечность, высокую нравственность – подлинное кредо писателя.

Проблема «Человек и природа» волнует теперь всех, кому дороги судьбы грядущих поколений, Она стала предметом внимания ученых, писателей, широкого круга общественности. При современном состоянии науки и техники, когда человек

располагает колоссальными возможностями воздействия на окружающий его мир, вопрос о взаимодействии человека и природы, о путях, формах и границах этого взаимодействия приобретает особо важное значение.

Необходимо, чтобы эту тревогу и озабоченность почувствовали и осознали наши дети сегодня. И в этом должен им помочь учитель-словесник. Лучшие произведения современной литературы будут способствовать формированию и воспитанию у молодежи экологического сознания, высоких нравственных принципов. Произведения Ч.Айтматова о природе, о взаимоотношения человека с окружающей средой, животным и растительным миром научат детей ценить красоту природы, соизмерять с ней свои поступки и действия. Концепция человека и природы оригинально и с новых идейно-эстетических позиций находит своё решение у Ч.Айтматова.

Главный девиз его творчества – это необходимость человека защитить природу от самого себя, сохранить богатство мира. Произведения этого мастера – это обнаженный нерв подлинного гражданина, патриота, обеспокоенного судьбами мира, земли, родного края.

«Болевые» экологические и нравственные проблемы лежат в повестях и романах Ч.Айтматова, Все перипетии сюжета у писателя происходят на лоне природы или в тесной взаимосвязи с ней.

Часто человек переходит грани дозволенного: старается хозяйничать, «руководит» природой. И как следствие страдает сам – рожденный и выкормленный природой человек начинает беспощадно уничтожать ее, тем самым ставя под угрозу свое существование.

Разрабатывая концепцию человека и природы, Ч.Айтматов большое внимание уделяет вопросу взаимоотношений человека и природы в плане – человек и земля (Толгонай и Мать Земля, Кемель и Анархай), человек и животный мир (мальчик и Олениха, Танабай и Гульсары, Едигей и Каранар).

У Айтматова человек – часть природы, ее высшее проявление, а природа – его мать и покровительница. Писатель

подчеркивает единство и общность человека и природы. Так, близость и радость и родство человека и животных раскрывается в их страданиях и материнстве. Безмерная скорбь из-за загубленных и поруганных человеческих жизней и истоптанной и выжженной земли роднит и объединяет образы Матери-Человека и Матер-Земли.

В моральных и физических страданиях наиболее ярко раскрывается общие черты Танабая и Гульсары. Рогатая Мать-Олениха совмещает в своем лице как природное, так и человеческое начало. Едигей растит и воспитывает Каранара с самого рождения и относится к нему как к собственному сыну. С верблюдом связана целая жизнь.

Из-за необдуманного поступка человека добрый Бостон превращается в яростного врага волков, волки ищут мести человеку. Не умолкают горестные голоса Акбары, лишившейся детенышей и Гулюмкан, потерявшей единственного сына. Человек и волчицу роднит неугасимая материнская печаль и безысходное горе.

Во внешнем облике таких представителей животного мира, как Гульсары, Рогатая Мать-Олениха, Рыба-женщина, Каранар, золотой мерке, волки, Ч.Айтматов подчеркивает привлекательные черты. Да и пара волков из его «Плахи» в некотором отношении гуманнее таких героев, как пьяница и лентяй Базарбай Нойгутов.

Природа Айтматова не разрушительная и духовно слепая сила, а наоборот, сила созидательная и одухотворенная. Именно это сближает и роднит Толгонай и Землю, Танабай и Гульсары, Едигея и Каранара. Человек и природа едины в своей борьбе за добро, за жизнь, за справедливость, едины в своем неприятии зла – пусть это будет опустошительная война, или бездумное отношение ко всяким проявлениям жизни.

Рассмотрев концепцию человека и природы Ч.Айтматова можно сделать следующие выводы:

- писатель продолжил и развил лучшие традиции русской реалистической литературы в изображении человека и природы;

- природа в его произведениях выполняет более важную роль, чем является пейзажем. Она выступает как главное действующее лицо, определяющее развитие сюжета;

- понятие «человек – общество – природа» трактуется писателем как единство, прямо зависящее друг от друга и развивающиеся на основе всеобщего закона связи всех его составляющих;

- творчество Ч.Айтматова учит ценить и дорожить красотой окружающей природы, бережно относиться к ней, воспитывают в нас экологическую культуру;

- писатель показывает единство человека и природы, их взаимоотношения, взаимовлияние, близость и родство подчеркивают общность судьбы;

- несомненная роль произведений писателя состоит в плане воспитания учащейся молодежи. Они способствуют уже с детских лет формировать в них чувство любви и ответственности перед природой, осознать свою причастность к окружающему миру.

Надо всячески удерживать людей от необдуманных поступков и действия в отношении природы. Ибо это может привести к гибели природы, а значит, и к гибели самого человечества.

Ч.Айтматов поднял проблему «человек и природа» на новую качественную высоту в современной литературе, показали ее злободневность и общечеловеческую значимость сегодня. Этим и объясняется ценность и значимость его наследия.

Глава 4. Этнические диаспоры как явление современной картины мира и контекста этноориентированного культурного процесса

4.1. Историко-культурная концепция диаспоры и этноса как общностей

Одним из самых спорных определений в современном междисциплинарном аспекте является термин «диаспора». Смысл данного понятия претерпел значительные изменения в процессе исследования природы диаспоры. Данным термином первоначально обозначалась 1) «устойчивая совокупность людей (часть народа - единого этнического происхождения - этническая общность), живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности». 2) В настоящее время ученые-этнологи под диаспорой понимают «тех людей, кто сам или их предки были рассеяны из особого «изначального» центра (родины) в другой или другие периферийные или зарубежные регионы». Обычно под «родиной» имеется в виду регион (страна), где сформировался историко-культурный облик диаспор стал применяться к другим социальным группам, проживающих в новом окружении на положении этнических меньшинств. В современной науке слово “диаспора” относится к одной из категорий этнической политики, характеризую “группу этнического меньшинства, переселившуюся, проживающую и действующую в принявшей ее стране, имеющую сильные сентиментальные / материальные связи со страной происхождения”¹⁰¹.

Особыми признаками диаспоры, по мнению исследователей, являются: а) почти всегда присутствующее коллективное представление о родине, которое передается через

---

¹⁰¹ Мендикулова Г.М. Казахская диаспора и ирредента: история и современность. Источник: Пресс-служба Посольства РК в РФ. Опубликовано: 04.03.2005.

уственную память или тексты (литературные или бюрократические) и политическую пропаганду; б) полное или частичное чувство отчужденности от общества проживания, которое зачастую связано социальными факторами, особенно с дискриминацией и принижением статусом представителей той или иной группы; в) романтическая (ностальгическая) вера в родину предков как в подлинный, настоящий (идеальный) дом и место, куда представители диаспоры или их потомки должны рано или поздно возвратиться; г) убеждение, что члены диаспоры должны коллективно служить сохранению или восстановлению своей первоначальной родины, ее процветанию и безопасности - в ряде случаев вера в эту миссию обеспечивает общинное сознание и солидарность диаспоры. Фактически отношения строятся для «служения родине».

Диаспора - это культурно отличительная общность людей, сформированная на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе: коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет такой характеристики, нет и диаспоры. Это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и этническая реальность, чем данное явление отличается от остальной миграции. Она часто бывает малозтничной и собирательной категорией в сравнении с категорией иммигрантской группы¹⁰².

Прочно интегрированная в социально-экономическую жизнь регионов своего проживания, но сохраняющая свою национально-культурную самобытность, связи с исторической Родиной, диаспора бывает действенным фактором стабильности, активно содействуя укреплению и развитию межгосударственных отношений¹⁰³. Осмыслением термина

---

¹⁰² Цит. по: Программа курса «Основы этножурналистики»... - С. 14.

¹⁰³ Скринник В.М. Россия и зарубежные соотечественники: проблемы консолидации и интеграции в новых геополитических условиях. - Автореф.дисс...док.полит.наук. - Б., 2009. - С.3.

занимался целый ряд ученых¹⁰⁴. Российскую диаспору (20 млн. людей в ближнем и 11 млн. - в дальнем зарубежье) считая не просто частью народа, проживающей за пределами России, имеющей общие духовные, культурно-исторические корни, стремящейся к поддержанию контактов с родиной предков, В.Скринник назвал транснациональной сетью, содержащей социокультурный и экономико-политический потенциал¹⁰⁵.

Главная общественная интрига жизни диаспоры - в сохранении баланса между выгодной ассимиляцией и интеграцией, с одной стороны, и необходимой этноограниченностью и этнодистанцией, с другой стороны. Ассимиляция зачастую отрицается в принципе, интеграция наблюдается у значительной части диаспоры. Вызывает опасения и ассоциируется со скрытой ассимиляцией, а этнодистанция становится самоцелью и трансформируется в сегрегацию. В результате диаспора лишает себя стратегической цели - стать корпорацией с коммуникативной функцией, что может обеспечить интерес других игроков.

Триада в новой Европе соединяет национальные меньшинства, новые национализирующиеся государства, в которых они живут, и внешние национальные «отечества», с которыми они связаны или мыслятся как связанные благодаря

---

¹⁰⁴ Арутюнов С. Диаспора - это процесс // Этнографическое обозрение. - 2000. - №2; Никитин В.Я. К понятию диаспоры. - С., 1977; Полоскова Т. Современные диспоры. Внутриполитические и международные аспекты. - М.: Научная книга, 2002; Попков В. Феномен этнических диаспор. - М., 2003; Тощенко Ж., Чаптыкова Т. Диаспора как объект социологии // Социс. - 1996. - №12; Ban, Csilla/ F Vfygar diazspora Kozep-Kolett-Europaban. Szakdolgozat, ELTE. - Budapest, 1997; Brah A. Cartographies of Diasporas: Contexting identities. - London and New York, 1996\$ Hall, Stuart. Cultural Identity and Diaspora. - 1990. - P. 222-237; Hantington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. - 1993; Hoffman S. Le Dilemme americain. Supremaité ou ordremondial. - P., 1989; Sheffer, Gabriel. From Diasporas to Migrants, from migrants, from Migrants to Diasporas, Paper presented at the conference on "Diasporas and Ethnic Migrants in 20-th Century Europe. Berlin. - 1999. - May 20-23\$ Vogel, Sandor. Amagya kisebbseg Pomaniaban, MKI Tanulmányok, 8sz. - Budapest, 1997,

¹⁰⁵ Скринник В.М. Россия и зарубежные соотечественники: проблемы консолидации и интеграции в новых геополитических условиях. - Автореф.дисс...док.полит.наук. - Б. 2009. - С.10, 13.

этносам¹⁰⁶. В современной зарубежной политической науке под термином "ирредента или невоссоединенные нации" подразумевают этнические меньшинства, населяющие территорию, смежную с государством, где доминируют их соотечественники. За пределами своей страны невоссоединенные нации (в отличие от диаспор, которые создаются путем миграций этнических групп в другие страны, не являющиеся их исторической родиной) оказались вследствие войн, аннексий, спорных границ или комплекса колониальных моделей. Такая категория населения была известна историкам XIX в., рассматриваясь как продукт доктрины, провозглашающей право народа, относящего себя к "нации", учреждать национальное самоопределение в форме государственной независимости¹⁰⁷.

Понятие "ирредента" широко распространено в зарубежных общественных науках, а исследования по данной проблематике, именуясь "ирредентизмом", занимают одно из приоритетных направлений в конфликтологии, истории международных отношений, этнической политике. Однако в бывшем Советском Союзе, республики которого были созданы на основе комплекса колониальных моделей территориальных захватов Российской империи, а также ряда ошибок в национальной политике большевистских национально-территориальных разграничений в Центральной Азии в 1920-х и 1950-60-х гг., данная отрасль отсутствовала в общественных науках. Анализируя и систематизируя труды по проблемам истории возникновения и современного развития казахской (а значит, и кыргызской) диаспоры Г.Мендикуловой предлагается

---

¹⁰⁶ Brubaker, Rogers. Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge University Press, 1996, 1996. - P. 4-7, 67-69. Адаптированный перевод.

¹⁰⁷ См.: Мендикулова Г.М. Казахская диаспора и ирредента: история и современность. Источник: Пресс-служба Посольства РК в РФ. Опубликовано: 04.03.2005. Она же. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. - Алматы, Галым, 1997.

следующая периодизация мировой историографии, разделенная на шесть этапов:

1. Материалы русских и зарубежных географов, ученых, путешественников, в чьих трудах есть сведения о кыргызах в странах Востока до 1950 г.
2. Работы советских ученых, в которых рассматривались отдельные вопросы истории кыргызов, проживавших за рубежом. Причиной отсутствия в советской историографии комплексных трудов о диаспоре был идеологический запрет на научную разработку данной проблематики. Другой причиной отсутствия научных исследований являлась малочисленность источников в советских архивах, проблематичность научных командировок советских ученых в зарубежные страны, где есть документы по истории диаспор из-за "железного занавеса".
3. Научные изыскания западных ученых в 1950-1960-е гг., сразу после трагических событий в Синьцзяне, Тибете, Индии и Пакистане; материалы социологических исследований немецких и турецких ученых, проводившихся в лагерях и первых поселениях политических беженцев из Восточного Туркестана (Синьцзяна) в Турцию (Анатолию) в 1960 г.
4. Ряд исследований и мемуаров, написанных кыргызами: самими участниками трагических событий в Восточном Туркестане и их родственниками. Значимость монографий, мемуаров для исследований и самих кыргызских политических беженцев из этого региона огромна. Им специфична пронзительная боль от незаживающей раны при потере "золотой колыбели родной земли".
5. Монографические исследования западных историков, этнологов, изучавших историю и современное развитие кыргызских обществ в Китае, Турции и других странах в 1970-90-х гг.
6. Труды ученых Кыргызстана: историков, философов, этнологов, социологов, получивших возможность исследовать данную проблему в период независимости.

Кыргызская диаспора была создана миграциями на длинные расстояния, имевшими временную, затем перешедшую в постоянную продолжительность; с пересечением внешних

границ, сначала из Кыргызстана в Китай, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Россию, Афганистан, Монголию и далее по всему миру. Кыргызская диаспора на протяжении всей своей истории имела насильственный или вынужденный характер миграций, вследствие политических и религиозных причин, вплоть до 1960-х гг., когда начала развиваться трудовая иммиграция в страны Западной Европы, Америки и региона Персидского залива, не изменившая коренным образом насильственный характер миграций на добровольный, а явившаяся следствием экономических причин, в отличие от вышеуказанных. До начала 1960 гг. миграции кыргызов отличались массовостью, современный период характеризуется индивидуальным перемещением с практикой вызова семей к себе.

Рассматривая кыргызскую диаспору, можно констатировать следующее: ее представители имеют единую родину - Кыргызстан, исповедуют исламскую религию, относятся к тюркоязычным народам, вследствие внутренних и внешних событий политики в прошлом, проживают за рубежом - Азии, Европе, Америке.

Характер причин формирования и развития кыргызской диаспоры дифференцируется, как: политический (кыргызско-ойратские войны XVIII в., национально-освободительные восстания и войны кыргызов против царского самодержавия в XVIII-XIX вв., национально-освободительное движение 1916 г., гражданская война 1918-1920 гг., проведение коллективизации в Кыргызстане, антиправительственная борьба кыргызов в Восточном Туркестане (Синьцзяне) в 1930-1950-е гг., Вторая мировая война); религиозный (затруднения, связанные с совершением хаджа в Мекку и Медину в царский и советский периоды); и экономический (разрушение традиционной кочевой системы хозяйствования в Кыргызстане после присоединения его к Российской империи и в советский период во время коллективизации, трудовая иммиграция в страны Западной Европы и Америки в 1960-1990-х гг., нестабильность в первые годы суверенитета в экономике современного Кыргызстана,

находящегося в состоянии перехода к рыночным отношениям, после развала СССР).

Диаспора является объектом внутренней политики и субъектом международных отношений, связующей нитью между внутренней и внешней политикой государства, поэтому в современный период в политической науке особый интерес представляют исследования проблемы воздействия диаспор на международные отношения. Одним из важнейших вопросов для исследования является проблема триединства, т.е. взаимоотношений, взаимозависимости и взаимосвязей на международном и межгосударственном уровне трех основных компонентов: кыргызской диаспоры, Кыргызской Республики и стран, где сейчас проживают наши соотечественники. Кыргызская ирредента или диаспора являются одними из важнейших компонентов внешней политики нашего государства со странами их проживания, на их межгосударственные взаимоотношения влияет положение кыргызов, как этнического меньшинства в инациональной среде, имеющих историческую Родину - Кыргызстан.

Еще одной важной причиной не приветствия смешанных браков является религиозный фактор, сильно развитый среди зарубежных кыргызов. Совершенно другой точки зрения придерживаются представители кыргызской диаспоры молодого - второго и третьего поколений, в 1990-х гг. проживающие в странах Западной Европы, для которых этнорелигиозные мотивы не столь важны как для старших. Межэтническими браками славится кыргызская диаспора в Германии.

Во многих отношениях кыргызская община в Турции стала примером для представителей кыргызской диаспоры, что стало возможным не только благодаря усилиям кыргызов, но и ответным действиям турецкого правительства, вследствие которых кыргызские беженцы из Афганистана нашли вторую Родину. Изучая кыргызскую общину в Турции 1990-х гг. можно констатировать следующие моменты в процессе сохранения этнической идентичности, заложенные старшим поколением кыргызов еще в 1970-х гг., плоды чего пожинаются сегодня. В

1960-х гг. кыргызы были расселены в разных районах городов, дети стали посещать турецкие школы, что не способствовало процессу сохранения кыргызской идентичности, а наоборот, привело к тому, что часть кыргызской молодежи подверглась процессу “отуречивания”, против которого выступили кыргызские аксакалы. Чтобы как-то остановить этот процесс у старшего поколения возникла идея поселиться вместе в одном районе, где впоследствии открыли казахско-кыргызскую начальную и среднюю школы. Начиная с 1991 г., между турецкими кыргызами и Кыргызской Республикой развиваются и укрепляются тесные многогранные связи. Так, в Кыргызстане открылись Кыргызско-Турецкие университеты «Манас», «Ала-Тоо» и ряд факультетов в других вузах по специальностям: экономика, филология, религиоведение, юриспруденция и др. Здесь учатся и представители кыргызских диаспор, граждане Турции. Кроме того, кыргызская община Турции не отличается сепаратизмом и имеет хорошие отношения с населением страны, правительством и местной администрацией. Высшее образование в Турции стоит очень дорого, поэтому оно не доступно для большинства кыргызской молодежи. Представители кыргызской молодежи, поступающие в высшие учебные заведения, в основном становятся одними из лучших студентов. В 2009 году 74 этническим кыргызам была дана квота стать студентами на бюджетной основе¹⁰⁸. Однако большинство кыргызской молодежи в Турции занимаются своим этническим бизнесом: обработка, шитье и продажа кожаных изделий. Семья у кыргызов в Турции в большинстве своем по форме сложная (неразделенная) и моноэтническая, хотя не так редки браки с представителями других тюркских народов: крымскими татарами, казахами, уйгурами. Возрастной ценз у кыргызских мужчин для вступления в брак несколько

---

¹⁰⁸ Мы должны растормозить этнических кыргызов, наших кровных родственников! Интервью с председателем Государственного комитета по миграции и занятости А.Рыскуловой корреспондента Ш.Кумаева. // МОЛХЖ, №1, 2008. - С. 156. (Пер. на кырг. язык Сабировой В.К.)

завышен. Чаще всего кыргызы женятся к 30-ти годам, когда заложены материальные основы для создания и полной ответственности за семью. Традиционно, в Турции вся ответственность за семью ложится на плечи мужчины. Девушки, не получившие высшего образования, зачастую выходят замуж сразу после наступления совершеннолетия и помогают своим мужьям на семейном производстве. Все чаще представители кыргызской молодежи покидают свои дома в поисках работы и лучшей жизни в странах Западной Европы, Северной Америки, но последние несколько лет начали стремиться в Кыргызстан¹⁰⁹.

В Соединенные Штаты Америки кыргызы начали эмигрировать после Второй мировой войны. В основном, кыргызское население в США можно разделить на несколько групп: 1) бывшие граждане СССР, во время Второй мировой войны попавшие в плен и содержавшиеся в концентрационных лагерях на территории Германии, освобожденные союзническими войсками и после проверок, отправленные на местожительство в Турцию по их собственной просьбе, а затем из Турции иммигрировавшие в Штаты, где на сегодняшний день проживают их второе и третье поколения (статья автора об Азамате Алтае, работавшем на кыргызской студии Радио «Свобода/Азаттык» вышла в сборнике по итогам научной конференции КРСУ¹¹⁰); 2) кыргызы из Турции, являющиеся составной частью турецкой трудовой иммиграции, получивших работу, а после пяти лет постоянного безвыездного пребывания

---

¹⁰⁹ В информационной программе «Ала-тоо» от 4 февраля 2009 года прошло сообщение южного корреспондента А.Кожоева о том, что в университете имени А.Батырова в городе Жалалабат учится студент из Афганистана, этнический кыргыз, чьи предки в начале XX века эмигрировали из родной страны. Студент с акцентом говорит на кыргызском языке, признав факт, что его родителям хотелось, чтобы именно на своей исторической родине учился их сын. А в программе «Кундеми» от 23 января 2010 года было сказано о том, что этнические кыргызы из Таджикистана собрали полмиллиона сомов и перечислили в фонд строящейся энергосети «Камбарата - 2».

¹¹⁰ Сабирова В.К., Эрнazarова Г.Б. Судьбы представителей национальных диаспор (Памяти Азамата Алтая). Материалы научно-практической конференции «ООН в зеркале СМИ» - Б., 2006. - С. 142-146.

в стране и статус граждан США; 3) кыргызы из КНР, приезжающие в США через Японию, Тайвань, пересекающие Тихий океан, остающиеся на учебу или работу на Тихоокеанском побережье, а затем получающие возможность жизнедеятельности в стране; 4) кыргызы из Кыргызской Республики, приезжающие на учебу или работу, и 5) получившие гражданство после межэтнических браков с гражданами США.

США как мультикультурная и полиэтническая страна стала привлекать внимание кыргызских мигрантов только с середины 1960-х гг., после либерализации иммиграционных законов 1965 г. В “Гарвардской Энциклопедии Американских этнических групп”, в 1960-х гг. в США насчитывается ряд семей кыргызов. У них есть моноэтнические и межэтнические (старшего поколения) браки. В отличие от них кыргызская молодежь второго-третьего поколения диаспоры старается найти себе спутника жизни из кыргызской среды, в чем проявляется стратегия на сохранение этнической идентичности. Кыргызская диаспора в США пополняет свои ряды, благодаря межэтническим бракам, совершаемым кыргызами из Кыргызской Республики с гражданами США, а также предоставлению американскими властями наиболее выдающимся ученым и специалистам Кыргызстана возможности для проживания и деятельности.

Отличительной чертой кыргызской общины в других развитых странах является ее сильная разобщенность, до сих пор не налажены тесные связи между кыргызами, прибывшими из КНР, Турции, Афганистана, Казахстана и других стран мира, увеличивающих количество кыргызской диаспоры до 10-100 семей. В ФРГ кыргызы стали переезжать в середине 1960-х гг., как составная часть турецкой трудовой иммиграции. Кроме работы на производствах промышленной зоны Рура и Рейна, они занимались общественно-политической деятельностью, в частности, в Мюнхене на радиостанции “Свобода” в кыргызской редакции Анвар Байтур. В германском городе Франкфурт-на-Майне есть общество «Манас» для проведения культурно-образовательных мероприятий среди подрастающей

кыргызской молодежи. Неактивная деятельность данных обществ в ФРГ объясняется отсутствием опыта в ведении дел и скоординированных действий. Одним из самых злободневных вопросов кыргызской диаспоры в ФРГ является языковая проблема. В основном, кыргызы в семьях говорят на турецком языке, дети чаще всего на немецком. Посылка из Кыргызстана книг, газет и журналов на кыргызском языке стала бы мощной поддержкой в решении этой проблемы. Отличительной чертой кыргызов, проживающих в ФРГ, является наличие более высокого образовательного уровня и социального статуса, так как, первое поколение кыргызских иммигрантов сумело дать своим детям прекрасное образование, которые сейчас работают юристами, стоматологами, инженерами. В семейных отношениях кыргызы ФРГ отличаются большим консерватизмом, чем в других странах. Стараются привозить невест из кыргызских семей, проживающих в Турции. Часты браки на турчанках, нет браков с нетюрскими народами.

Вторым процессом, характерным для современной кыргызской диаспоры, является репатриация в Кыргызстан. Под понятием “репатриация” или “возвратная этническая миграция” следует понимать движение эмигрантов назад на свою этническую родину для постоянного проживания там. Процесс репатриации кыргызов в Кыргызстан многогранен и непросто, имеет свои исторические корни и современные последствия, нуждающиеся в их усиленном изучении и разрешении. Репатриация, проводимая на государственном или частном (персональном) уровне, может иметь массовый или индивидуальный характер. Проблема репатриации для Кыргызстана встала во весь рост, начиная с 1991 г. после образования независимого и самостоятельного государства. Репатриация на основе изучения опыта Международного сообщества, состоит из нескольких процессов: 1) организация перевоза кыргызских репатриантов на их историческую родину; 2) обустройство и адаптация их на местах с предоставлением им жилья, места работы и учебы; 3) предоставление или восстановление прав гражданства.

Возвращение кыргызов из разных стран мира имеет свои особенности, проблемы и перспективы. Если раньше процесс возвращения кыргызов на историческую родину насчитывал 7 тыс.чел. в год, то теперь число сократилось до 1-2 тыс. в год, т.е. из 1 тысячи людей только 1 возвращается в Кыргызстан¹¹¹.

По данным Госкомитета по миграции для этнических кыргызов, возвращающихся в Кыргызстан на постоянное место жительства, уже сейчас имеется целый ряд льгот: «Существует возможность получения в аренду земли до получения гражданства. Возвращающиеся кыргызы освобождаются также от всех выплат, в том числе и таможенных, при пересечении границы. Кроме как только «вернувшийся» получает статус «кайрылмана», он получает доступ ко всем социальным гарантиям: пенсии, пособия и прочее. Исключение пока составляет только участие в выборах и служение в армии. За последние пять лет в Кыргызстан по линии «Кайрылман» возвратилось около 20 тысяч этнических кыргызов, около 15 тысяч из них получили кыргызское гражданство»¹¹².

В большей степени уменьшение числа репатриантов зависело от нестабильного экономического положения Кыргызской Республики, из-за отсутствия надежной и хорошо проработанной законодательной базы, защищающей права репатриантов особенно в первые годы суверенитета. Если в самом начале приток репатриантов в Кыргызстан был более интенсивен (7 тыс. в год), то после 2005 года данный процесс проходит медленно. Репатрианты имеют единое общее - они составная часть кыргызского народа и являются носителями кыргызского языка. За счет репатриантов растет процентное соотношение кыргызов в Кыргызстане до 1,3%. Одной из существенных причин, мешающих репатрированным

---

¹¹¹ Мы должны растормозить этнических кыргызов, наших кровных родственников! Интервью с председателем Государственного комитета по миграции и занятости А.Рыскуловой корреспондента Ш.Кумаева. // МОЛХЖ, №1, 2008. - С. 156. // В кн. Литература кыргызских диаспор. Хрестоматия. Сост. Сабирова В.К. - Ош, 2009. - С. 154.

¹¹² См. Интервью у председателя Госкомитета КР по миграции Айгуль Рыскуловой радиостанции «Немецкая волна» от 5 января 2009 года.

кыргызам быстро адаптироваться на земле Кыргызстана, является незнание русского языка. Отсутствие знаний русского языка явно для китайских, иранских и афганских репатриантов.

В 1992 году был открыт I Всемирный курултай кыргызов, который фактически стал составной частью огромной праздничной программы в честь годовщины независимости республики. Потому восторг всеобщего торжества охватывал моменты деловую часть курултая, а это затем дало основание журналистам сделать заключение: иные выступления участников национальной встречи не были заряжены конструктивизмом и прагматическими подходами, какие-то фрагменты организационно выстраивались по партийным сюжетам. На II курултае в 2003 году при праздновании 2200-летия кыргызской государственности и 12-летия независимости Кыргызстана, в его программу были включены военный парад и праздничное шествие бишкекчан на площади Ала-Тоо, Национальные конноспортивные игры и финал кубка Президента Кыргызстана по Кок-Бору на ипподроме Ак-Кула. Здесь были представители кыргызских диаспор из 22 стран мира¹¹³. С 2005 г. наступил новый этап во взаимоотношениях властей Кыргызстана и представителей кыргызской диаспоры. Был инициирован и проведен III Всемирный Курултай кыргызов, подписаны 15 января 2009 г. Закон «О внешней трудовой миграции» об обеспечении социально-правовой обеспеченности этнических кыргызов и другие правительственные акты, постановления и инструкции. Проблемы диаспор стали решаться при содействии Агентства по миграции и занятости в Правительстве КР.

История возникновения и развития кыргызской ирреденты или диаспоры вкратце такова. Происходившие в XVI-XIX вв. исторические события в Центральной Азии сыграли

---

¹¹³ Акаев А.: "Отныне кыргызское государство будет существовать всегда, пока живут люди на земле" (речь «Кыргызстан - 12 лет независимости»). г.Бишкек, 30 августа 2003
Источник - Кабар 10:06 04.09.2003. Постоянный адрес статьи по URL:
<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1062655560>

основополагающую роль в процесс возникновения кыргызской ирреденты, в особенности, из-за тесной взаимозависимости многосторонних отношений между Кыргызстаном и Китаем, Кыргызстаном и Джунгарией, Джунгарией и Цинским Китаем в тот или иной период. Процесс формирования ирреденты кыргызов в XVI-XIX вв. характеризуется рядом этапов.

Первый этап формирования кыргызской ирреденты относится к событиям, имевшим место в XVI-XVIII в., когда в ходе кыргызско-ойратских войн возникла, наряду с казахской, кыргызская ирредента в Китае. С другой стороны эти войны XVIII в. привели к тому, что кыргызы были вынуждены формировать диаспоры в странах Центральной Азии (Афганистан, Иран, Пакистан), где долго проживали в качестве беженцев после трагических событий 1723 г., джунгарского нашествия.

Следующим этапом в истории возникновения кыргызской ирреденты в Китае является разгром Цинской империей Джунгарского ханства в 1757 г. и последовавшее за этим отторжение земель кыргызов в пользу Цинского Китая. Разгромив обессиленную междоусобицами и войнами Джунгарию, Китайская империя начала относить к "джунгарским" большие районы кыргызских кочевий.

Третий этап в истории возникновения кыргызской ирреденты в Китае характеризуется событиями, связанными с русско-китайскими территориально-государственными разграничениями в Центральной Азии путем подписания ряда важных правительственных документов, таких как: Пекинский договор (1860), Чугучакский протокол (1864), Хобдинский протокол (1869), Ливадийский договор (1879), Петербургский договор (1881). Вследствие подписания и ратификации вышеназванных договоров и протоколов кыргызские территории и население, проживающее на них, были насильственно разделены между этими двумя государствами и без учета их желаний были распределены в подданство к ним. Исторические события XX в.: последствия аграрной реформы Столыпина, национально-освободительное движение в Центральной Азии 1916 г., гражданская война 1918-1921 гг.,

фактический геноцид против кыргызского народа, проводившийся в период коллективизации, участие кыргызов во Второй мировой войне, приведших к крупным людским жертвам и полной потери Родины для многих, повлияли на развитие и расширение ареала кыргызской диаспоры в мире.

Еще одним этапом в процессе формирования кыргызской диаспоры является проведение насильственной и незаконной коллективизации 1928-1932 гг. в Кыргызстане, являвшейся этноцидом (Г.Мендикулова) против местных народов. Данный процесс сопровождался в Кыргызстане большими человеческими жертвами, а также уходом уцелевшего населения на соседние территории (Китай, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Россию, Туркменистан, Каракалпакию, Афганистан, Иран и Монголию). К 1960-м гг. кыргызы проживали в Афганистане небольшими группами в районах Акчи, Андохя, Ханабада, Кундуза, Баглана, также в Гератской провинции и Фарахской области. К 1978 г. кыргызов и казахов здесь насчитывалось около 10 тысяч, но с введением советских войск в эту страну и началом военных действий большая группа их покинула вместе с казахами обжитые в течение ряда десятилетий районы Афганистана и оказалась в лагерях беженцев в Пакистане или иммигрировала количеством около 2 тысяч в Турцию. «Затем их число увеличилось до 4 тысяч в настоящий момент»¹¹⁴. Другим этапом в формировании кыргызской диаспоры является проблема невозвратившихся в СССР бывших военнопленных вермахта во время Второй мировой войны, участвовавших в движении Сопротивления на территории Европы и вынужденных вступить в ряды “Туркестанского легиона”, образуя диаспоры в странах Европы.

Трагические события, произошедшие в Восточном Туркестане (Синьцзяне) в 1930-1950-х гг., являются важнейшими для истории и развития кыргызской диаспоры в

---

¹¹⁴ Материал Заслуженного деятеля культуры КР, публициста Кален Садыковой. МОЛХЖ, №1, 2008. - С. 22-23.

мире. В течение 1930-1940-х гг. кыргызы в Восточном Туркестане (Синьцзяне) принимали участие в нескольких восстаниях против китайских властей. Кыргызы с казахами всегда занимали значительное положение в политической жизни Синьцзяна, так как среди всех кочевых народов Восточного Туркестана они отличались многочисленностью и игнорировать их было опасно. Политические мотивы борьбы кыргызов Восточного Туркестана (Синьцзяна) были различными, но главная причина была экономической - вопрос о пастбищах. Кыргызы занимались кочевым скотоводством, продукция которого играла важную роль в экономике региона. Однако, постоянно возникали споры о пастбищах, водоемах, ирригационных каналах между кочевниками и земледельцами, доходившими до вооруженной борьбы. Так было и раньше, когда во время маньчжурского правления основные права на пастбища были отданы монголам, а казахи и кыргызы стали рассматриваться как арендаторы этой земли.

На протяжении всех 1930-1940-х гг. центральное провинциальное правительство в Урумчи было заинтересовано в передаче пастбищ кочевников китайским крестьянам-хань, так как вооруженные кыргызские и казахские отряды представляли весомую угрозу властям. Китайцы-хань стали рассредоточивать свои войска по территории всего Синьцзяна. Так возник конфликт, переросший в затяжную и кровопролитную войну между китайским меньшинством и мусульманским большинством Синьцзяна. Вследствие поражений антикитайских восстаний неханьских народов в 1936 г. началась миграция в Газколь, Цинхай, Алтай, Гансю, Монголию, Индию, Пакистан (новое исламское государство с 1948 г.). Кыргызы зарабатывали себе на жизнь ремеслами; шили шапки и одежду из шкур, обрабатывали войлок, сумели открыть свои магазины для торговли текстилем и кожаными изделиями. Кыргызы просили предоставить гражданство Пакистана, но после отказа властей они стали задумываться о переезде в другие страны,

чтобы обеспечить будущее своим детям¹¹⁵. Ведь именно в подростковом возрасте происходит переструктурирование совокупности детских идентификаций в новую конфигурацию посредством отказа от некоторых из них и принятия других. Эриксон отмечает, что процесс формирования идентичности не заканчивается в юношеском возрасте. Развитие идентичности линейно, оно проходит через так называемые кризисы идентичности, когда возникает конфликт между сложившейся к данному моменту конфигурацией элементов идентичности с соответствующим ей способом «вписывания» себя в окружающий мир и изменившейся биологической или социальной нишей существования индивида.

Процесс развития идентичности Э.Эриксон понимает как одновременно интеграцию и дифференциацию взаимосвязанных различных элементов (идентификаций). Всякий раз, когда возникают какие-либо изменения - биологические или социальные, - необходимы интегрирующая работа эго и переструктурирование элементов идентичности. Л.Б.Шнейдер в своей книге «Семейная психология» говорит, что разрушение структуры ведет к потере идентичности и связанным с этим негативным событием состоянием. Развитие и обогащение образа «Я» в процессе личностного развития тесно связано с рефлексией на собственные эмоциональные переживания и желания, с различением своих игровых фантазий и реальности, оценки и самооценки и т.д.

Оно сопровождается «субъективным чувством непрерывности самотождественности»¹¹⁶. Эриксон понимал развитие идентичности как взаимодействие трех процессов: биологических, социальных и эгопроцессов, причем эго ответственно за интеграцию первых и вторых. Результатом

---

¹¹⁵ См.: Мендикулова Г.М. Казахская диаспора и ирредента: история и современность. Источник: Пресс-служба Посольства РК в РФ. Опубликовано: 04.03.2005. Она же. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. - Алматы, Галым, 1997.

¹¹⁶ См.: Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. - М., 1990.

эгосинтеза является некоторая конфигурация элементов идентичности, которая строится с детства в языке. Эта гипотетическая конфигурация обеспечивает переживание чувства идентичности, которое в жизненном цикле проходит каждый человек.

Если вспомнить вкратце историю кыргызов, то она представляет собой сложный и неоднозначный процесс. Сегодня, пожалуй, невозможно назвать народ, в родословной которого было бы все ясно, и ученые не ломали бы копыя в спорах по поводу всевозможных гипотез. «В основе истории кыргызов и Кыргызстана два истока: автохтонные тьяншаньские корни и енисейские напластования»¹¹⁷.

Этноним «кыргыз» является самым древним из всех ныне известных названий народов тюркского происхождения. Такие самоназвания народов, как «узбек», «уйгур», «казах», «туркмен», «татарин», «башкир» и др. появились значительно позже. Рядом с этнонимом «кыргыз» в источниках употребляется и термин «владение», «страна», что дает основание говорить уже о раннем этапе кыргызской государственности, ее истоках с III в. до н.э. Впервые его упомянули письменные источники в описании событий 201 г. до н.э. Первое упоминание этнонима «тюрок» в китайских летописях относится к 546 г. Согдийцы, персы и византийцы называли новых повелителей степей «турк». Первоначально термин «тюрок» («сильный», «крепкий») имел социальное, а не этническое значение. Тюрками называли только представителей военной аристократии. Впоследствии название перешло не только на племя, во главе которого стояла аристократия, но и на многочисленные подчинявшиеся ей родственные племена. Ядро племени тюрк сложилось в среде центральноазиатских гуннов в III - сер. V вв., считавших своим предком Ашина - мифического сына волчицы.

---

¹¹⁷ Воропаева В., Джуншалиев Д., Плоских В. История Отечества: Краткий курс лекций по истории Кыргызстана / Отв. ред. акад. А.Ч. Какеев. - изд. 3-е, доп. - Б.: Раритет Инфо, 2006. - С. 12-118.

В середине VIII века в битве с арабами и карлуками «под Атлахом китайцы потерпели сокрушительное поражение. Они потеряли 50 тыс. убитыми и 20 тыс. пленными. Победа имела большое значение в истории народов Средней Азии: китайские войска примерно тысячу лет не появлялись у ее границ, что обеспечило развитие не китайской, а мусульманской культуры в регионе». Государство Кыргыз на Енисее существовало в VI-VII веках. Раннесредневековое население среднего течения Енисея (Минусинской котловины) в греческих источниках именовалось «херкис», «хирхиз» в VI в., а в арабских и персидских - «хыргыз», «хырхыр» в IX-XIII в., в средневековых китайских - в основном «сяцзасы», «цзилицзисы», в древнетюркских и уйгурских, а также в согдийских текстах - «кыргыз» в VIII в. Термин - точная передача самоназвания народа.

Народная этимология термина «кыргыз» уводит нас к легенде о происхождении кыргызского народа от «сорока девушек» («кырк»+«кыз»). Научная трактовка, естественно, отличается от простонародной: числительное «кырк» (сорок)+«джуз»/«ууз» (сто, сотня), что значит «сорокосотенный народ»; прилагательное «кырг», «кыргу» - красный (др.-тюрк.)+окончание множ.числа «-ыз», т.е. «рыжий» народ, племя. Однако единодушного признания не получила ни одна из предложенных расшифровок. Необходимы дальнейшие научные поиски историков, филологов, лингвистов и других специалистов. Так, кыргызский народ и его культура сложились в результате взаимодействия не менее двух этнических элементов: центральноазиатского и местного - среднеазиатского.

Первое имя кыргыза «Барс-бег», правившего в государстве Кыргыз в конце VIII века, донесла до нас история. На развалинах каганата уйгуров образовалась держава кыргызов. На западе ее границы проходили по реке Иртыш, на севере и востоке - по рекам Ангара и Селенга, по хребту Большой Хинган, на юге - по пустыне Гоби. Кыргызы не стали восстанавливать сожженную столицу уйгуров Орду-Балык. Их каган перенес свою ставку в Туву. Она располагалась близ впадения реки Тэс в озеро Убсу-Нур.

Китайская дипломатия решила использовать новых хозяев Центральной Азии в своих целях. Начались частый обмен послами и переписка между императором и каганом. Каган кыргызов и его военачальники получили высокие китайские титулы. Кыргызы, получив доступ к старым культурным центрам, стремились правильно воспользоваться этим. В XX веке в Северном Китае обучалось много кыргызской молодежи. Некоторые из них достигали высокой учености и приглашались на службу к иноземным дворам. Так, в Тибете работал переписчик китайских книг о буддизме выходец из «княжеского рода страны Кыргыз». Это был «период наибольшего роста могущества кыргызской военно-феодальной знати, периодом территориальных захватов и установления широких политических, экономических и культурных связей со многими народами.

Только в X в. тюркские феодалы осознали все преимущества, которые нес ислам для объединения тюркских народов. Караханидские каганы сами приняли ислам и провозгласили его государственной религией. В городах Кыргызстана стали воздвигать величественные мусульманские культовые сооружения. Некоторые из них сохранились до наших дней: минарет в Баласагуне (башня Бурана), усыпальницы караханидской знати в Узгенде и Сафид-Булане (Алабукинский район Жалалабатской области).

Гибель государства Кыргыз связана с тем, что во избежание напрасного кровопролития все три кыргызских владения - Еди-Орун (Средний Енисей), Тува и Алтай - были включены в состав империи Чингисхана. После этого кыргызы не раз восставали против завоевателя, но силы были не равны. Монголы потопили все восстания в крови. А потом стали вытеснять из пределов Енисея племена кыргызов, которые принимали наиболее активное участие в восстаниях. Их расселяли в районе впадения рек Сунгари и Амур. Началось выселение кыргызов и из княжества на Алтае. Их размещали в китайской провинции Шандун. Так была подавлена последняя попытка восстановления государства Кыргыз. В 1293 г.

кыргызская государственность на Енисее была уничтожена окончательно.

К середине XIV в. на востоке Средней Азии образовалось новое государство - Моголистан, т.е. «Страна моголов» (так тюркские народы называли монголов). Самые крупные племена моголов носили и тюркские, и монгольские названия. Среди них выделялись дуглаты, канглы, кирейты, аргинуты, баарины, арлаты, баласы, булгачи и др. Многие из этих племен впоследствии вошли в состав кыргызской народности. Они давно уже говорили на тюркском языке, восприняли обычаи и считали родиной не степи Моголистана, а горы Тянь-Шаня.

Согласно утвердившемуся в исторической науке определению, народностью принято считать сложившуюся на конкретной территории устойчивую общность людей с общим языком, материальной и духовной культурой и этническим самосознанием, внешним выражением которого является самоназвание (этноним). В условиях кочевого хозяйства образование той или иной народности происходит в рамках феодальной формации. (Этот процесс завершился в XV веке).

Важным этапом формирования новой народности стало объединение всех племен в два «крыла» - традиционное объединение всех тюркских кочевников, начиная с гуннов. В «онг канат» (правое крыло) вошли такие крупные племена, как сарыбагыш, бугу, саяк, солто, жедигер, тынынсеит, монголдор, багыш, баарын, басыз, черик, жору, бёрю, барчы, карабагыш и др. Они занимали территорию северного Кыргызстана. В «сол канат» («левое крыло») вошли племена кушчу, сару, мундуз, жетиген, кытай, чонбагыш, басыз, теебей. В третью группу кыргызских племен, названную ичкилик, вошли: кыпчак, найман, тейит, кесек, жоо-кесек, канглы, бостон, нойгут, деейлес, ават. Заключительным этапом формирования кыргызской народности (ныне нации) явилось образование в начале XVI в. на Тянь-Шане дуальной этнополитической организации кыргызов - «правого» и «левого крыла» с примкнувшей к ним группой ичкилик.

Еще совсем недавно ученые не могли ответить на вопрос о времени установления первых кыргызско-русских

дипломатических связей. Сами кыргызы книг в то время не имели и летописей не вели. Российские архивы тоже об этом молчали. Но интенсивные поиски новых документов позволили сделать открытие. Оказывается, еще в 1757 г. первая группа тьянь-шаньских кыргызов - 200 человек - переселились, вероятно, с остатками калмаков, разбитых китайцами, в Сибирь, поближе к русским крепостям, приняла здесь российское подданство. Затем они перешли еще далее на запад и расселились в Поволжье. Среди переселенцев был и будущий первый официальный посол кыргызов в Россию Абдурахман Кучаков, или, как его еще именовали, Карыганбай Алкучаков.

В культурном аспекте с присоединением к России началось изучение территории Кыргызстана, природы, растительности и животного мира, истории и культуры, усиливалась просветительская работа. Но нельзя забывать, что все это делалось не ради блага кыргызского народа, а в интересах управления им и использования природных богатств края, подготовки мелких чиновников колониальной администрации из числа представителей местных народов.

Политика метрополии в Кыргызстане была направлена на удовлетворение своих главных потребностей во вновь обретенном регионе. Власти ввели новое административное управление, которое почти не учитывало характера родоплеменной организации жизни кыргызского общества. После присоединения к России Кыргызстан был в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Населенная кыргызами территория делилась между 4 областями: Семиреченской, Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской. Области делились на уезды, а последние - на волости. Таким образом, полумиллионное население кыргызов стало этническим меньшинством в этих областях.

Наиболее крупные и однозначно позитивные достижения преобразовательных процессов 20-30-х годов XX века были в сфере культурного строительства. Самым тяжелым последствием прошлого была почти поголовная неграмотность кыргызского народа - до революции только 0,6% кыргызов умели читать и писать. Как показали итоги Всесоюзной

переписи населения 1926 г. общая грамотность среди кыргызов составляла всего 4,7%, к концу 1936 г. она составляла уже 70% населения Кыргызстана. К 1940 г. было 1645 школ, где обучалось 329 тыс. детей, 33 ссуза, 6 вузов, с 3 тыс. студентов, 574 клуба, 588 массовых библиотек, 213 киноустановок, 4 музея. Было издано 9 газет тиражом 192 тыс. экз., в т.ч. 43 - на кыргызском языке, 12 журналов, 350 наименований книг тиражом 1283 тыс.экз. В 20-30-е годы были заложены основы науки Кыргызстана, кыргызской профессиональной литературы и искусства, которые в 70-80-е годы вышли на общесоюзный, а по некоторым отраслям - на общемировой уровень и стали национальной гордостью всех кыргызстанцев.

Известный советский этнограф, тюрколог, кыргызовед С.М.Абрамзон на основе обобщения и анализа данных, относящихся к различным явлениям этнической истории, быта и культуры кыргызского народа, рассмотрел пути, по которым шло формирование этнического и культурного облика кыргызов. При исследовании им этногенетических связей с другими народами, он задавался вопросами: Однако не допускаем ли мы ошибки, признавая, что название «кыргыз» равнозначно этнониму? Ни рунические надписи, ни свидетельства Махмуда Кашгарского в его «Диване», ни «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина, ни другие источники не содержат убедительных доказательств в пользу того, что термин «кыргыз» не был этнонимом¹¹⁸. В.П.Юдин прав: «Повидимому, при объяснении происхождения кыргызского народа следует отказаться от стремления следовать за термином, что уже является в основном принятой точкой зрения в отношении казахов»¹¹⁹.

Вероятно, с формированием кыргызской народности как определенного исторического этапа этнической общности дело обстояло значительно сложнее. Никто не «перенимал» название

---

¹¹⁸ Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Ф., 1990. - С.407-480.

¹¹⁹ Юдин В.П. О родоплеменном составе могулов..., с. 61.

«кыргыз», оно лишь постепенно, в ходе исторического развития, в процессе формирования самого кыргызского этноса утверждалось как этническое самоназвание. Совсем не так уж далеко ушло время, когда к самоназванию «кыргыз» обязательно прилагалось название племени, к которому относил себя иное лицо. Сейчас это называют трайбализмом.

Таким образом, изучение истории и современных проблем кыргызской диаспоры и метрополии необходимо, так как они являются составной частью всего кыргызского народа, имеющие единые исторические и культурные корни, и их судьбы прочно связаны с судьбой всех граждан Кыргызской Республики.

4.2. Произведения культуры и процесс этнического самоопределения

Культура речи не является изображением вещей, которые она обозначает, и еще в меньшей степени она является простым обозначением. От изображения слово отличается способностью представлять вещь с различных точек зрения, от простого обозначения тем, что имеет свой собственный чувственный образ. Это качество слова делает язык не просто знаковой системой, но особой, всеобщей для данной нации, формой мировоззрения. Поскольку значения слов связаны с понятиями, в языке закрепляется определенное мыслительное содержание, которое превращается в скрытую (внутреннюю) часть значения слов, на которую говорящие не обращают внимания в силу автоматизма пользования языком. Язык не мог бы служить средством общения, если бы значение каждого слова в каждом случае его использования становилось предметом спора. В то же время язык является общенародным средством общения, отражает мировоззрение не одной социальной группы, общие черты восприятия мира этим коллективом, т.е. нацией.

Языки разных народов отражают их национальную культуру, этнический взгляд на мир. В.Гумбольдт писал, что "различные языки являются для наций органами их оригинального мышления и восприятия" и что "большое число

предметов создано обозначающими их словами и только в них находит своё бытие"¹²⁰. Эти слова часто понимаются неправильно, как отрицание им объективности реального мира. Речь идёт о том, что предметы реального мира становятся объектами мышления не сами, они не могут попасть внутрь мысли, они представляются мышлению языком, который хоть и развивается сам силой мысли, но неизбежно имеет форму и представляет мир в определённом виде. Восприятие и понимание не только абстрактных явлений, но и конкретных предметов зависит от того, каким способом из множества возможных обозначил их язык. Он всегда выступает посредником между миром и человеком, рисует человеку определённую языковую картину мира. Всё это вовсе не значит, что человек является пленником национального языка. Над языковым мировидением надстраивается общественное мировоззрение социальных групп, индивидуальное мировоззрение человека. Языковая картина мира дополняется культурной, религиозной, философской, научной картиной мира. Однако создание этих картин требует от человека интеллектуальных усилий.

"Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания"¹²¹. Получается, что язык отражает действительность не прямо, а через два этапа: от реального мира к мышлению и от мышления к языку. И хотя мышление было впереди языка, его результаты, оформляясь в языке, несколько видоизменяются (мысль не может целиком отразиться в слове). Поэтому язык становится отдельным участником общения и дальнейшего развития мышления, он не может быть простой литейной формой для мысли, он может

---

¹²⁰ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. - М., 1984, с. 324.

¹²¹ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М., 2000, с. 40.

одновременно скрывать ее часть и дополнять языковыми ассоциациями.

Сказанное выше имеет практическую значимость. Во-первых, необходимо заботиться о родном языке, который хранит национальную культурную традицию, передает новым поколениям нравственные ценности народа. Во-вторых, только хорошо зная богатства родного языка можно легко ориентироваться в новой информации, постоянно поступающей к человеку, различать слова и стоящее за ними содержание. Иногда внешне блестящие, привлекательные слова несут в себе пустоту или даже вредные для человека советы. С другой стороны, внешне простые, обычные слова могут быть наполнены глубоким и разумным смыслом.

Ныне ситуация в культурной сфере Кыргызстана по отношению к этническому составу общества носит противоречивый характер. На официальном уровне властные структуры призывают к отказу от этнической и родовой разобщенности, стремятся найти формы консолидации людей. Но в действительности всегда учитывается этническое и социальное деление людей. Равнодушное отношение к культурному феномену не может длиться долго, оно может стать источником дестабилизации и регресса общества. В этой связи наиболее оптимальным вариантом является максимальное использование ресурсов художественной культуры, его наиболее гибкого вида - литературы, в этнической сфере жизни общества. Для этого необходимо изучение путей активизации этого способа организации этнической идентичности в диаспорах и метрополии. Изучение материалов журналов «Замандаш», «Аалам кыргыздары», «Эне тили» «DA-платформа/Avrązia» и др. на кыргызском, русском и турецком языке, имеющего печатную и электронную версии, использование экспертных интервью с представителями власти и региональной интеллигенции, специалистами в области культуры поможет в определении реального влияния ценностей художественной культуры на общественные движения.

Дело в том, что в сегодняшней быстро изменяющейся реальности для метрополии и диаспор в равной степени

актуальна дээтнизация, т.е. «процесс потери народом или отдельными его представителями своих этнических черт, начинается с потери родного языка, затем - национального самосознания и этнической идентификации»¹²². Условием для этого являются миграционные процессы временного и постоянного характера. В принципе миграция характерна для всего мира: ежегодно меняют место жительства 175 миллионов человек, по данным Международной организации по миграции (МОМ). В США, к примеру, вечные проблемы с мексиканцами и с кубинцами. В Германии та же проблема: в летнее время на сельскохозяйственные работы то приезжают, то уезжают 5,5 миллионов человек - поляки и венгры¹²³. Так, Институт по освещению войны и мира (IWPR) в сообщении от 9 января 2009 года заявляет, что от 10 до 15 тысяч граждан Узбекистана и Таджикистана работают постоянно в Ошской области Кыргызстана, хотя зарегистрировано только около 2 тысяч из них. В летнее же время их количество значительно больше. Граждане Узбекистана работают на стройках или фермах в Кыргызстане, а в зимнее время - носильщиками на рынках, и, хотя получают за это мизерную плату, это значительно больше того, что могут заработать у себя на родине. Несмотря на мизерную зарплату, они еще дают взятки пограничникам, чтобы те закрывали глаза на то, что они ежедневно переходят границу в поисках работы¹²⁴. В одной из республиканских газет маленькая заметка информирует, что на родину вернулось за последние 19 лет 25 тысяч этнических кыргызов. В Кыргызской Республики насчитывается таких 25 390 этнических кыргызов, более 5 тысяч 500 семей. Больше всех 20 280 человек (ок. 80%) вернулось на историческую родину из Таджикистана, 5027

---

¹²² Цит. по: Программа курса «Основы этножурналистики»... - Б.: 2006. - С. 14.

¹²³ Трудовая миграция в Кыргызстане: Интервью с депутатом Кубанычбеком Исабековым: 80% дворников в Москве - кыргызстанцы. Источник Tazar.kg. 97.98.2009.

¹²⁴ Рек-ПАРК, № 2 (174). - С. 7.

этнических кыргызов (15%) - из Узбекистана, 3% - из Китая, Турции и др. стран¹²⁵.

Вот статистика обратного процесса: за 2009 год 41.269 кыргызстанцев (разных, больше славянских, национальностей) получили гражданство России, а в 2008 году подданными Российской Федерации стали 42.809 граждан Кыргызстана. Эти данные озвучила в эфире радиостанции «Эхо Москвы» заместитель начальника пресс-службы ФМС РФ Е.Панкратова. По ее словам за указанный период получили российское гражданство 333 тысячи 474 иностранцев. Это на 5 тысяч 381 человека больше, чем в прошлом 2008 году: тогда принято и восстановлено в гражданстве РФ 328 тысяч 123 иностранца¹²⁶. Так уж устроена человеческая жизнь: «рыба ищет, где глубже, а человек - где лучше». Но людям свойственна та самая составляющая культуры, которая мотивирует их объединения на новом месте проживания - диаспоры. «Только диаспора, прочно интегрированная в общественно-политическую и экономическую жизнь регионов своего проживания, но сохраняющая при этом свою национально-культурную самобытность, связи с исторической Родиной, способна стать действенным фактором стабильности, активно содействовать укреплению и развитию межгосударственных отношений», - считает В.М.Скринник¹²⁷.

Негативные изменения, происходящие в обществе сегодня, экономическая и социальная нестабильность, рост бедности, снижение культуры ведет к трагедии многовековой культуры кыргызов, влечет за собой конфликт традиционного типа мышления и нового уклада жизни. Мы разделяем тревогу

---

¹²⁵ Возвращение на родину. Газета «Дело №» от 28 января 2009 г. - С. 6.

¹²⁶ Рек-ПАРК, № 2 (226). - С. 8. Инфо-парк (по материалам Zpress.kg).

¹²⁷ Скринник В.М. Россия и зарубежные соотечественники: проблемы консолидации и интеграции в новых геополитических условиях. - Автореф.дисс...док.полит.наук. - Б., 2009. - С.3.

Ж.Урманбетовой, Ш.Акмолдоевой и Ж.Ниязовой¹²⁸, говорящих об угрозе опасности нравственного упадка молодежи, у которой уже появляется тенденция к смене нравственных ориентиров, сомнительных для традиционного кыргызского общества: брошенные дети и родители, рост преступности, проституции, насилия, воровства. Бездуховность, бескультурье, безграмотность становятся сейчас грустной нормой. Когда рушатся нравственные устои кыргызской культуры, с особой актуальностью встает вопрос о возрождении духовных ценностей.

Историк З.Курманов выделяет 4 этапа, когда идентичность кыргызов подвергалась серьезным испытаниям и даже ломке: 1) Древние кыргызы и особенности и мировидения; 2) Переселение кыргызов на Тянь-Шань; 3) Мироощущение и отношения в период, связанный с переходом под влияние и владычество России. Насаждавшаяся извне идентичность входила в противоречие и в то же время в чем-то совпадала с идентичностью кыргызов; 4) Обретение Кыргызстаном государственной независимости¹²⁹.

У кочевника никогда не могло возникнуть и мысли о варварском, хищническом отношении ко всему его окружающему. Сама Природа, являясь средой обитания и вечным домом для кочевника, становилась для него учителем, духовным отцом, призывая своим примером к простоте, рациональности, разумности. В течение тысячелетий эти уроки Природы впитывались в душу кочевника, историческую память, становясь абсолютной и бесспорной Истиной¹³⁰. Кочевник не стремится закрепить постигнутое пространство, для его не суть важно, когда это произошло, более важно - что это происходит все время, безотносительно прошлого, настоящего и будущего.

---

¹²⁸ Урманбетова Ж.К. Культура кыргызов в проекции философии истории. - Б.: Илим, 1997. - С. 65.; Акмолдоева Ш.Б., Ниязова Ж.К. Этикет кыргызов. - Б.: Илим, 2005. - С. 78-79.

¹²⁹ Курманов З.К. Об исторической самоидентификации кыргызстанцев. // История и идентичность: Кыргызская Республика. - Б., 2007. - С.20.

¹³⁰ Сарыгулов Д. XXI век в судьбе кочевников. - Б., 2001. - С. 114-115.

Это не фиксация времени, это жизнь в реальном времени, которое есть здесь и сейчас. И при этом он включает в себя и то, что было, и то, что будет. Это есть движение пространства, движение мысли, это есть сама жизнь. Именно поэтому время не линейно, оно циклично, это есть круг как отражение цикла жизни, круговерти веков. Кыргызы сумели сохранить свое этническое своеобразие и культурные традиции, которые легко прослеживаются у всех представителей этноса, независимо от места их проживания. Любая национальная культура приобретает самобытные и общие черты во взаимодействии с другими.

Бахтинская теория диалога за последние годы стала актуальна, а спектр представлений о том, что такое «диалог», настолько широк, что включает в себя порой полярные представления. Структура диалога «в принципе конфликтна, несимметрична, включает в себя возможность насилия, и диалог может выступать как способ бытия культуры. Отношение к диалогу в теории культуры сегодня самое различное: о нем говорят как об «исходном феномене философствования», «идеализированной позиции», поскольку в общении разных культур зачастую складывается «ситуация непонимания» как свидетельство развития теории диалогизма, ее многозначности и полифункциональности.

Историчность, древность кыргызской культуры демонстрируют исторические тексты, художественные творения прошедших эпох, изучение которых поднимает проблему исторического понимания, и в этом случае исследовательский интерес приводит к понятию диалога. Диалог национальных культур в преломлении одной отдельно взятой национальной культуры выступает как проблема внутреннего диалогического монолога кыргызской культуры: диалога между историко-культурным прошлым и современным состоянием культуры, т.е. диалог в форме понимания, соприкосновения и где-то слияния временных ипостасей в пределах определенной системы национально-духовной целостности. Нет будущего без прошлого, соответственно национальная культура мышления и своеобразие национально-

духовной культуры кыргызов самодетерминирует себя в исторических источниках, воплощающих в себе традиционную культуру мышления и своеобразие национально-духовных ценностей¹³¹. Религиозные представления кыргызов в целом являются своего рода сплавом верований, культов и обрядов, теосарских систем, воздействующих на мировоззрение кочевника на различных стадиях исторического развития¹³². К ним относятся культы матери Умай, природы, умерших и предков, шаманство, следы тотемизма, фетишизма, различные виды магии¹³³. На духовную жизнь народов Средней Азии кроме ислама оказывали некоторое влияние сменявшие друг друга буддизм, зороастризм, христианство, манихейство. При конкретно-историческом рассмотрении общественной мысли древних кыргызов реалистические моменты в ней обнаруживаются в виде стихийно-наивных взглядов, которые складывались в процессе трудовой деятельности. Об этом свидетельствуют наиболее древние жанры, сохранившиеся в кыргызском фольклоре. Как, например, народная песня «Оп-майда», пастушеские песни «Бекбекей», «Шырылдан», в которых нашли отражение древние хозяйственные уклады.

Анализируя особенности устной народной культуры, не следует забывать о ее постоянно меняющемся и обновляющемся характере как истинно открытой, представляющей основу для контактов, диалога с другими культурами. Как отмечают ученые, тенгрианство - религия, в которой для кочевника заложено высшее смысловое жизненное начало. Тенгри - это создатель духовной бесконечности для кочевника, ответственный за его судьбу, и это источник всех творений мира, чье присутствие ощущается во всех видимых и невидимых явлениях. Тенгрианство представляет собой

---

¹³¹ Дооронбекова Ж., Бакиева Г.А. Духовно-интеллектуальные истоки мировоззрения кыргызов. // Сборник статей слушателей ШБЭ. - Б., 2002. - С. 212-226.

¹³² Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Б.: Кыргызстан, 1990. - С. 273.

¹³³ См.: Абдылдаев Т.А. Синкретизм пережитков доисламских и исламских верований кыргызов. Автореф. дисс. ... ученой степени канд. филос. наук. - Ф., 1967.

достаточно систематизированные знания о первоначале, первоэлементах, пространстве и времени, упорядоченности и хаосе в мире. Человек является одним из равновеликих явлений этого сложного мира, он часть мира, он сотворен миром, и он растворяется в мире точно также, как животное и растение. Тюркские народы Центральной Азии почитали Синюю волчицу как свою прародительницу. Олень, снежный барс и другие животные являлись тотемами - «зачинателями» рода различных племен и народов региона¹³⁴.

У кыргызского народа также сохранилось много поговорок дидактического характера, которые с истечением времени претерпевали различные изменения. Но основная идея, которая была заложена в них, сохранила смысл и сегодня. Это говорит о том, что кыргызы высоко ценили свою нравственно-духовную культуру. Благо являлось как основа социальной гармонии. Они очень ценили мир и порядок в народе, особенно духовное спокойствие, которое ярко выражается в следующем: «Ырыс алды ынтымак», «Эл аман болсун, Эл ичинде биз аман бололук», «Элдин ырыскысы - элдин коронгусу», «Элдин суру, элдин деми», «Эл ичи - онор кенчи», «Жакшы ой - жарым ырыс», «Онор алды - кызыл тил», «Жаштын тилегин берет». Исследования этнографов, культурологов, психологов доказывают существование неких архетипов, присущих почти всем народам и символизирующих в глубине своего смысла почти одни и те же явления. Обратимся сначала к первичным формам социокультурной памяти - к сказкам и мифам¹³⁵.

По схеме А.Н.Бернштама «подпочвенным» слоем «Манаса» является цикл сказочно-мифологических сюжетов, известных и в других эпических памятниках. К следующему большому слою относят 4 группы составных частей

---

¹³⁴ Урманбетова Ж.К. Истоки духовного бытия кыргызов // Труды Института мировой культуры. Выпуск 2. - Б., 2000. - С. 40-43; Акмолдоева Ш.Б. Духовный мир древних кыргызов. - Б., 1998; Какеев А.Ч. Философская мысль в Кыргызстане: поиски и проблемы. - Б., 1995; Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. в 5 томах. Т. II. - С. 72-73.

¹³⁵ Подробнее об этом см.: Юнг К. Феноменология духа в сказке // Культурология. XX век. - С. 331-371.

«Манаса»¹³⁶: Алтайско-минусинские легенды; Кыргызский извод древней версии легенды об Огуз-кагане; Обработанные местные предания Средней Азии; Образы и мотивы, заимствованные из «Шах-Наме».

Огуз-хан - отцеубийца и воин за веру мусульманин, как и по версии С.Каралаева, Алманбет, рожденный мусульманином, за 75 лет из могулов и татар сделал мусульман¹³⁷. Ученые считают, что кыргызы переселились с Енисея на Восточный Тянь-Шань в 9 веке. Первое знакомство кыргызов с исламом произошло на рубеже X-XI века, о чем сообщает Аль-Марвази (XII век), увидевший их погребальный обряд - сжигание умерших: «Они утверждают при этом, что огонь очищает и делает их чистыми. Это было их обычаем с древних времен, но когда они оказались соседями мусульман, то стали хоронить мертвых»¹³⁸. По мнению Л.Н.Гумилева, причиной остановки арабского натиска было население, жившее в горах Тянь-Шаня, - тюргеши, ягма и чигили¹³⁹.

В материалах переводчицы, журналиста и исследователя Сайраш Кийизбаевой рассматривается идейное наследие акынов-мыслителей. Идеи демократизма, предпосылки философского мышления, идеи об идеальном устройстве общества прослеживаются в творческом наследии Жусупа Баласагына, акынов-мыслителей: Молдо Нияза, Молдо Кылыча, Калыгула, Арстанбека, Женижока, Токтогула, Тоголока Молдо, Барпы Айтыке, Балыка, Эсенамана Солтобая, Бекназара, Эшмамбета, Калмырзы, Жаманкула, Нурмолдо, Уметаалы, Ботобая и многих других. В различных исследованиях их называют: акыны-мыслители, акыны-сказители, акыны-тёкмё. Объединяет эти понятия одно общее свойство - акыны

---

¹³⁶ Эпоха возникновения великого кыргызского эпоса «Манас». Альманах «Кыргызстан» - Ф., 1946.

¹³⁷ См.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1, кн.1. - М.-Л., 1952. - С. 81-83.

¹³⁸ Восточные авторы о кыргызах. Сб.ст. / Сост., введ. и комм. О.Каралева. - Б., 1994. - С. 56.

¹³⁹ Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. / Сост. и общ. ред. А.И.Курчки. - М., 1997. - С. 114.

(народные поэты) сопровождали пение игрой на комузе или речитативом исполняли свои произведения и эпосы. Народные акыны прекрасно владели искусством слова, они выполняли ответственную миссию в общественной жизни народа, исполняли роль дипломатов во время распрей, владели ораторскими способностями, имели всенародную любовь и уважение. Ыраман уулу и Жайсан - певцы в эпосе «Манас», но их произведения не дошли до нас. В 13 веке жил акын Кет-Бука, сообщивший Чингизхану о смерти сына Джучи игрой на комузе. В 14-15 вв. жил акын-мыслитель Асан-кайгы, автор санатов-изречений о жизни народа¹⁴⁰.

Из целого ряда акынов можно выделить тех, кого коснулась судьба изгнанника, гонимого, Другого. Понятия «изгнание», «эмиграция», «диаспора» при близости по значению имеют все же принципиальное отличие в том, что первые два понятия - это слова с негативно-пессимистическим смыслом, тогда как члены диаспоры всегда позитивно-эмоционально настроены. Токтогул Сатылганов (1864-1933), автор песен «Кобчик» и «Пять кабанов», говорит о безжалостной эксплуатации бедняков, за что в Сибири пробыл 7 лет; Токтосун Молдо (1875-1956), автор 6 книг, был гоним НКВД, учитель многих уважаемых людей: С.Эралиева, Б.Сарногоева, К.Тыныстанова, С.Асанбекова, дружил с акынами А.Огонбаевым, А.Усенбаевым, Чонду, Умут-молдо; Алдаш-молдо (1876-1930), автор поэм «Выборы», «Хал заман» («Состояние эпохи»), «Уркун» («Восстание»), «Ормон-Балбай» о пережитом в Китае с 1916 по 1918 годы, где продал свои произведения, чтобы выжить; Ысак Шайбеков (1880-1957) бежал в Китай в 1916 г., автор стихов «Азган эл» («Разоренный народ»), «Кайран эл» («Измученный народ»), «Кайткан эл» («Вернувшийся народ»).

---

¹⁴⁰ Жоробекова Э.Ж., Токтосунова А.И., Токтосунова Г.И. Наследие кыргызов в контексте культурного разнообразия, или Горный оазис на Великом шелковом пути. - Б., 2008 - С. 72-103.

В архиве г.Казани обнаружены материалы о творчестве акынов Кожоназара, Гаипназара, Сатылгана Сабатаева, Шамсимдина Ёзгёна, живших в 18-19 веке в окрестностях Оша. Акын Бекназар (1876-1918), придворный поэт кокандского хана Орозаалы, Муса Халбек уулу, Жожо Каржыбай уулу (1886-1917), Карамурза, Нишан, Ташмат, Доорон, Кара-Курман, Бала-Курман, Сыдык, Кара-Ырчы, признанный в Узбекистане Ботобай, Жаманкул Борубай уулу (1886-1917) - ученые еще установили полные имена, даты жизни и тексты трудов этих акынов.

Акынское эпическое наследие помогло становлению кыргызской литературы. По эпосам кыргызов-кочевников можно воспроизвести специфику системы традиционного мышления, отраженность гармонии природы и человека, своеобразие межличностных отношений. Язык, история, фольклор, традиции и обычаи любого народа в чистом виде сохраняется именно в диаспоре. Не случайно в 2003 году ЮНЕСКО объявило шедевром нематериального (духовного) наследия человечества Эпическое наследие и искусство акынов-сказителей Кыргызстана. Таким образом, эпос как символ творчества духа получил мировое признание, по оценке ЮНЕСКО, находится од угрозой вымирания. Поэтому эпическое наследие и искусство акынов-сказителей, получив статус Шедевра мирового наследия, в настоящее время находится под защитой и охраной этой организации.

Замечательный востоковед Н.И.Конрад полагал, что эпохи Возрождения присущи всем культурам мира, он посвятил книгу обоснованию того, что явление Возрождения имело место и на Востоке. По его мнению, наиболее существенными чертами всех эпох Возрождения в мире являются: широкое чувство человечности; освобождение человеческого разума от незыблемых догм; опора на древние авторитеты вопреки ближайшим. Восточный перипатетизм - мощная культурно-философская школа, идущая от Аристотеля и продолженная аль-Фараби и Ибн Синоу, профессиональными философами, но и творчеством поэтов Рудаки, Фирдоуси, Юсуф Баласагунский,

Омар Хайям, Низами, А.Навои, Насими, Махмуд Кашгари, Ахмед Югнаки, Ходжа Ахмед Яссави¹⁴¹.

В течение последних лет интерес к проблемам этнических кыргызов, находящихся за пределами исторической родины - их культуре, истории, обычаям, - необычайно возрос. Пристальное внимание к жизни и деятельности членов кыргызских диаспор, проживающих в различных странах, получило широкое распространение в различных материалах средств массовой информации. Обзор дискуссий и публикаций, посвященных диаспорам в различных странах показывает, что одни публикации в СМИ знакомят с бытом, культурой и жизнью диаспор, их отличием и сходством с кыргызами, живущими в нашей стране. Ряд других дискуссий освещают вопросы сохранения этнической идентичности в кыргызских диаспорах за рубежом, проблемам их ассимиляции, потери характерных черт, разрыву духовных связей с исторической родиной.

Такое же широкое обсуждение собственного положения в новой культурно-политической ситуации наблюдается среди узбекской, русской и других диаспор в Кыргызстане. На сегодняшний день в Кыргызстане проживает две самые многочисленные национальные меньшинства узбеков (13%) и русских (11%), представляющие существенный размер от общего состава населения Кыргызской Республики. Отсутствие государственных границ с Россией, таможенные барьеры, переход на латинскую графику в Узбекистане и многие другие препятствия значительно сократили возможности для общения этнических узбеков и русских с исторической родиной. Многие представители более 80 различных диаспор Ассамблеи народа Кыргызстана стали высказывать мнение, что уменьшение культурных связей в будущем способно привести к их полной

---

¹⁴¹ См.: Баласагуни Юсуф. Благодатное знание. - М., Наука, 1983; Махмуд Кашгари - классик средневековой общественной мысли. - Б., 1999; Муминов И.М. Выдающиеся мыслители Средней Азии. - М.: Знание, 1966; Нарынбаев А.И. Мыслители Центральной Азии и их последователи. - Бишкек, 1997; Молдобаев И.Б. Эпос «Манас» как источник изучения духовной культуры кыргызского народа. - Ф., 1989; Якубовский А.Ю. Культура и искусство Средней Азии. - Л., 1940.

ассимиляции. Поэтому одним из главных требований культурно-национальных центров узбеков стало требование наладить и расширить культурные и образовательные связи с метрополией.

Одной из причин такого процесса многие респонденты называли отсутствие или резкое сокращение духовных, культурных связей. Переход письменности на латиницу, осуществленный в ряде стран СНГ, вызвал большое беспокойство среди лидеров этнических диаспор, стали появляться множество утверждений, что это может способствовать отрыву от корней, духовных истоков собственного этноса и послужит началом процесса ассимиляции. Неудобство при чтении произведений художественной литературы, издаваемой на ином алфавите, приведет к духовной изоляции, культурной стагнации этнической диаспоры. Такие высказывания стали достаточно частыми в узбекской, казахской, туркменской диаспорах Кыргызстана.

Внимательный анализ всей информации приводит к выводу, что для большинства заинтересованных сторон, принимающих обсуждение в данной проблеме - специалистов, публицистов, лидеров этнических групп, - главным условием сохранения этнической идентичности и самобытности является художественная культура, в частности - литература, кино, журналистика, музеи, живопись, архитектура, скульптура, музыка, хореография и т.д. Преобладание данного мнения среди людей, вызывает вопрос, насколько утверждение верно?

С давних времени одними из главных функций литературы было образовательно-воспитательная и консолидирующая роль для народа. Литература понимается как духовная основа любого народа, а язык - как душа, т.е. это те качества этноса, которые дают ему возможность сохраниться как целостности.

Среди индикаторов развития этноса значительное место принадлежит произведениям художественной культуры, через которую передаются лучшие традиции духа народа. Произведения искусства посредством художественного

мышления передают этническое своеобразие, уникальность самобытной культуры, являются качественными индикаторами состоятельности этноса как феномена в мировом контексте.

В условиях глобального разнообразия и становления различных социальных институтов в гражданском обществе, система ценностей художественной культуры является одним из факторов сохранения диаспоры как этнической целостности и самобытности, поддержки корпоративного духа у членов национальных диаспор.

Не найдя себя в общей судьбе своей титульной нации в разные периоды ее развития, а в течение последнего столетия - особенно интенсивно, покидали свою метрополию разные поколения кыргызов, узбеков, таджиков и других этнических групп Центральной Азии. За пределами прародины создавались и сейчас продолжают развиваться национальные диаспоры во многих странах мира. Казалось бы, выбор комфортного места жительства - сугубо дело каждого человека, он волен выбирать тот уголок земли, где ему более всего нравится. Но в контексте усиливающейся миграции среди молодых граждан Кыргызстана, которые зачастую сознательно выбирают гражданство другой страны, это вызывает тревогу и обеспокоенность политических и общественных кругов. В то же время, образование со стороны диаспор локальных этнических групп, организаций общинного типа, которые еще берегут и развивают свою художественную культуру, сохраняют корпоративный дух, оказывают всяческую поддержку своим членам - объективное явление, оно вызывает интерес среди соотечественников. Так, в Кыргызстане уже нет официальных 5 миллионов жителей, около трети ее населения легально или нелегально являются трудовыми мигрантами (гастарбайтерами), что равносильно положению членов диаспоры в других странах. В то же время кыргызские мигранты в разных странах

собираются на вечеринках, издают журналы и газеты¹⁴², отслеживают любые формы взаимодействия с родиной - все это позволяет сделать вывод о том, что существует ностальгическая составляющая в их взаимоотношениях, некая связующая нить позволяет им объединиться в «воображаемое общество» (Б.Андерсон) заграничных потомков исторической Родины. Возникает ассоциация с ядром и электронами структуры атома, общем поле взаимодействия.

Существует мнение, что издревле повелось у кыргызов так, чтобы родовое и региональное деление являлись естественной формой организации кыргызского общества. Все это описано в генеалогическом древе кыргызского народа, так называемом **санжыра**. Роды и племена, входили в правое, левое крыла и внутреннее ядро (ичкилики) кыргызского общества (потомки от двух ветвей братьев Тагай и Адигине, а ичкилики - это пришлые). Закономерны их связи с представителями тюркоязычных стран, миграция по территории, налаживание родственных взаимосвязей с ними и оседлость там, где суждено¹⁴³.

Противоречивость в понимании общественной функции племени и рода порождает различные отношения к данному социальному феномену. Одни люди рассматривают род как форму исторической памяти, эффективный способ организации общественной жизни. Противники их рассматривают родовое деление как фактор, тормозящий развитие страны. Но у каждого народа есть общее в названии этнической группы, языке, одежде, кухне, традициях, обычаях и других культурных доминантах, это помогает членам диаспор вдали от метрополии держаться одним организмом, бережно храня сведения о родине.

---

¹⁴² В Приложениях «Веб-страница из сайта. - По URL: <http://www.kg.zpress.kg/>», «Кыргызстан: Масс-Медиа Журналы», «Полезные ссылки», «Кыргызстан-Ру» и др.

¹⁴³ Рахманалиев Р. Империя тюрков в мировой истории с X в. до н.э. до XX в. н.э. - М.: Прогресс, 2002. - 912 с.

Интересно проследить в санжыра названия этнонимов, называющих народы других стран - кытай, калмак, сарт, казах, узбек, мадьяр, туркмен, могол и др. Познавательно увидеть, в каких литературных источниках, какой форме это могло быть отражено, и имеет влияние на самосознание этнических групп за рубежом.

В академических и политических кругах этническое разделение считают явлением, которое нужно учитывать для дальнейшего развития страны. Много людей ностальгирует по советским временам, когда насильно насаждался интернационализм. Русский язык служил средством межнационального общения, пропагандировались русская художественная культура, ценности «большого брата». Мало того, когда отдельные политики и определенная часть населения отстаивали принципы врожденной этнической идентичности, это было чревато наихудшими последствиями, их обвиняли в национализме, репрессировали в 30-е и 50-е годы XX века. В итоге многие представители этнических групп плохо знали культуру и, в частности, идеи произведений художественной культуры своего народа, несколько поколений советского периода выросло в таком одностороннем направлении. Так, многие кыргызы, узбеки и сейчас не знают своего родного языка, мало смысляют в истинных духовных ценностях. Они не испытывают при этом морального ущемления, оно в них просто не возвращено.

Но в отличие от этого типа граждан, поколения людей, оказавшиеся в национальных диаспорах, как бы увозят с собой то представление о своей национальной культуре, которое они наблюдали в момент, когда покидали родину. Этот образ у них остается неизменным, как фотографический слепок, как застывшая категория, или константа в идеализированном виде. Отсюда в диаспорах наблюдается тяга к тому, чтобы сохранить этот драгоценный образ Родины, узнать новую информацию о прародине-метрополии, оживить связи с «идеальным домом», в том числе духовного и культурного порядка.

Сейчас политиками в Кыргызстане мало уделяется внимания идеологическим установкам, они заняты политико-

экономическими реформами. Однако пора понять, что без культурного компонента никогда не будет достигнут желаемый уровень развития общества. Дефицит культурных установок (их дает человеку художественная культура) противостоит демократическим преобразованиям.

В нашей стране проживают представители более 80 этнических групп и более 700 родов и племен. Историей доказано, что именно такое устройство общества помогло во многом сохраниться народу как социальной целостности, приобрести государственность. Единственный в мире по своим масштабам литературный источник в полмиллиона стихотворных строк эпос «Манас» - тому яркое свидетельство, ведь здесь упоминаются названия 113 народов¹⁴⁴ в варианте С.Орозбакова. В советский период власть коммунистов активно боролась с национально-этническим делением, считая пережитком прошлого. Но в культуре диаспор язык, образ родины, ее обычаи, история и ментальность как раз-таки сохранились в чистом виде. В независимом Кыргызстане, особенно в годы трансформации, этнический фактор стал одним из движущих сил политических и общественных процессов.

Регион Центральной Азии представлен обширной территорией в «семь станов» - мусульманских государств¹⁴⁵, включающих 5 членов в современных международных отношениях, т.к. существование в качестве независимых республик они отсчитывают со времени коллапса СССР в 1991 году. Они резко отличаются от Запада приверженностью к исламской цивилизации и активным взаимодействием с мусульманским миром. Россия с ее геополитической ситуацией стала буферной зоной в процессе взаимодействия с западным миром.

---

¹⁴⁴ Осмонов О. Кыргыз тарыхы («Манас» эпосунун жаралышы жана анын онугу доору). // Международный общественный, литературно-художественный журнал «Аалам кыргыздары», №12, 2009г. - С. 9.

¹⁴⁵ «Семь «станов» - это Афганистан, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, составляющих в мировой геополитике регион Центральной Азии.

Отдаленная от мирового океана ЦА, зажата между двумя мировыми гигантами Россией и Китаем, похожа на огромный пирог с исламской экстремистской начинкой, влияющей на здоровье молодого регионального организма, который стремится к мирному взаимодействию не только со своими соседями, но и с далеким развитым Западом. При активной поддержке Запада все эти государства были приняты в члены ООН. Для осуществления мониторинга и оказания воздействия на регион администрация президента США учредила посольства во всех центрально-азиатских государствах. Наиболее тесные отношения у США сложились с Казахстаном и Кыргызстаном, провозгласившими приверженность принципам демократии и рыночной экономики. Свидетельством этого стали такие факты, как присоединение к Договору о нераспространении ядерного оружия в 1993 г., подписание соглашения о демонтаже ядерного оборудования и о приобретении обогащенного казахстанского и кыргызстанского урана. В 1998 г. Кыргызстан при поддержке США первым из членов СНГ был принят во ВТО и расположил на своей земле авиабазу НАТО, что дает ему определенные преимущества по сравнению с другими. В качестве рычага косвенного влияния Запада на правительства ЦА используется светское исламское государство Турция, чья модель успешного развития представляется в качестве примера для подражания. США поощряли создание совместных турецко-центрально-азиатских предприятий, зачастую закрывая глаза на то, что Анкара для повышения своего авторитета выдает иностранную помощь за свою.

Экономическая стагнация, дефицит на цели развития, низкий жизненный уровень населения, неравномерность распределения доходов, социальная, клановая, этническая и религиозная конфликтность, перспектива альянса исламских режимов Ирана и Афганистана, гражданская война в Таджикистане, агрессивность исламистов в отношении правительства Каримова в Узбекистане, последствия революции в Кыргызстане - все это побуждает власти ЦА принимать меры в увязке экономического развития с

укреплением безопасности через сотрудничество с международными организациями, Россией, Западом и Китаем. Осуществляемые политико-экономические мероприятия и шаги по укреплению безопасности зачастую далеки от западных эталонов, что вызывает критику с их стороны. Это мешает конструктивному диалогу Запада с лидерами стран ЦА.

Кыргызстан (как и другие страны) тесно связан с СНГ. Расширение связей с Западом предоставляет ему большую степень свободы для маневрирования во внешней политике. Кыргызское руководство рассчитывает, что тесные отношения с США могут стать важным компонентом кыргызской внешней политики. Модернизация военно-воздушной базы в «Манасе» и строительство современного аэропорта позволят со временем Бишкеку стать важным звеном между Европой и Юго-Восточной Азией. Кыргызстан поддерживает политику США о создании «пояса безопасности» вокруг Афганистана и надеется стать его частью¹⁴⁶.

Только вот вопрос о налаживании культурных взаимосвязей все еще остается не то чтобы второстепенным, а более того, этим аспектам сотрудничества уделяется мизерное внимание со стороны государственных и внешнеполитических структур. Деятельность таких международных организаций и фондов, как «Сорос-Кыргызстан», ОБСЕ, ШАКС, ПРООН и др. является «каплей в море». Значит, говорить о полноценном и плодотворном межкультурном диалоге - почти нечего. Главное, чтобы потом не было поздно.

Итак, анализ ситуации в Кыргызстане в период независимости показывает, что глубинные изменения в обществе приводят к падению уровня жизни, духовному и идеологическому вакууму, смене общественных ориентиров, разочарованию среди людей. Новые политические силы ищут обоснование для собственной легитимности. Не раз делались попытки разработки национальной идеологии кыргызстанцев,

---

¹⁴⁶ Панкратьев В.П. Центральная Азия и Запад. - По URL: www.centralasia.ru.

но все же ее главными ориентирами остаются: трансформация в мировое сообщество, интеграция языков и культур, укрепление дружбы, сотрудничества между народами. Огромную роль играют произведения культуры в условиях, когда гражданское общество еще не состоялось, и духовная составляющая культуры народа должна быть во главе внимания и развиваться.

4.3. Императивы вечных ценностей в общенациональном диалоге культур

В информационной культуре второй половины XX века особенность «диалогических отношений» между автором и публикой, с восприятием «чужого» превращается не в конфликт и отторжение, а во вполне осознанный и отрефлексированный прием. Всевозможные манипуляции с цитатами, обыгрывание известных, перешедших в разряд штампов хрестоматийных фраз и выражений, которые, оказавшись в новом контексте, как и предполагал Бахтин, «обрастают дополнительными смыслами», разыгрывающие цитирования - все это еще недавно было не просто самым популярным приемом практически во всех видах искусства, но как бы признаком хорошего тона. Демонстративным свидетельством коллективной принадлежности к той самой «постмодернистской реакции», которая характеризует определенный способ взаимоотношений с традицией, предполагающий вовлечение иных «культурных контекстов» в современную ситуацию. Но вовлечение своеобразное, в котором автор все же находит возможность и для передачи собственных индивидуальных интенций.

И все же диалог - это взаимодействие разных языков, разных культур, взаимодействие категорий «я» и «другой» как реализация ценностных установок, как особый взгляд на мир. Диалог культур и идентичность - «основополагающие аспекты развития современных социально-политических процессов», - считает А.Токтосунова и поясняет, что представляет собой в этом смысле идентичность: «выражение своей причастности к миру, она проявляет различные свойства, черты, характеристики. Поэтому можно говорить о ее

множественности: личной, этнической, гендерной, социальной, культурной, религиозной, межнациональной, коллективной, гражданской, космополитической, региональной, геополитической, «транснациональной» и др. В идентичности отражается сущность неповторимо уникального существования отдельной личности, этноса, общества». Эта сущность соответствует воплощению внутренне присущей идеи в действительности, в процессе развития. Идентичность вбирает в себя историю, опыт, восприятие, образ, интересы, убеждения, традиции, обычаи, ценности, нормы, систему вероисповедания, чувство ответственности, национального самосознания, патриотизм и др. Идентичность зависит от восприятия, представлений индивида и мира. Идентичность динамична, подвластна изменениям. Переключаясь к новым действиям, идентичность играет роль и объединяющего, и разъединяющего принципа в отношениях между людьми. Именно выбор между предписаниями морали и собственными побуждениями делает нас идентичностью (М.Бахтин). Национальная идентичность - это не чувство собственного превосходства, а сохранение культурной идентичности и интеграция через диалог.

Если вспомнить контекст, в котором вызревала бахтинская теория диалогизма, то это был период письменной и аудиальной (в жизнь вошло массовое радиовещание) культуры, когда кино еще было немым, не было телевидения, видео и других современных средств массовых коммуникаций. Существование человека как «винтика системы» общества не давало возможности для «диалогизма».

«Полифония» бахтинской концепции стала возможной лишь в условиях трансформации современного медиапространства, когда возникла потребность в креативном человеке, готовом к диалогу. «Вместе с М.М.Бахтиным, - отмечает В.С.Библер, - мы прошли трудный путь. Теперь возможно осознать: вот что означает понимать текст культуры, участвовать в самосознании культуры, взаимопонимании культур или, чтобы быть точным, - участвовать в самой жизни культуры. Ведь понимаемая в идее диалога культура и есть развиваемое в веках, отстраненное и транслированное в

культурных образах самосознание индивида, эпохи, эпох... Главное - чтобы не разменять Бахтина на частности... и органичнее включиться в живой спор реальных культур»¹⁴⁷.

Тем более что Бахтин через «традиционную» и «модернистскую» культуру сумел, по сути, «раскодировать» весь XX век, расшифровывая и анализируя эволюцию «форм видения» действительности, роль слова и диалога в культуре как главных факторов коммуникации. Не удивительно, что идеи и труды Бахтина стали особенно востребованными в конце XX века, когда рухнул «железный занавес», Берлинская «стена», когда в полном смысле слова стал возможен «диалог культур» в политическом, этическом и эстетическом аспектах. Когда появилась потребность в медиакультуре как посреднике между властью и обществом, между государством и социумом.

Изменения в оценке ситуации культуры осуществляется и в соответствии с определенной идеологической позицией: западной философии искусства ничуть не чужда мысль о политической ангажированности художника. Хотя это понятие более широкое, означая принципиальную включенность, вовлеченность автора в бытие. Он должен полностью воплотить в своих произведениях не свою жалкую пассивность, когда выставляют напоказ пороки, несчастья и слабости, а твердую волю и выбор, «тотальное предприятие, которое называется жизнью и которое совершает каждый из нас...». Осознание языка как формы власти с неизбежно вывело проблему автора в контекст идеологии как части культуры народа.

Пример идеологии самой успешной в экономическом отношении страны мира - КНР как фактора социально-политической стабильности¹⁴⁸ показывает, что основы ее составляют каноны даосизма и конфуцианства. Все неестественное (культура, установки людей, сфера управления,

---

¹⁴⁷ Библер В.С. От наукоучения - к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. - М.: Политиздат, 1990. - 413 с.

¹⁴⁸ См.: Лунь юй// Древнекитайская философия. Собр. текстов. В 2-х т. - Т. 1. - М., 1990. - С.139-174.

законодательства и т.д.), согласно даосизму, это отклонение от дао и ложный путь. Влияние естественного вообще, в т.ч. «естественного права» (Джон Локк) на общественную и политико-правовую жизнь в целом, по древнекитайской концепции, осуществляется на путях такого следования дао, которое скорее означает отказ от культуры и простое возвращение к естественности, нежели дальнейшее совершенствование общества, государства и законов на основе и с учетом каких-то позитивных требований дао. Однако восхваляемое даосизмом недеяние означало вместе с тем и проповедь пассивности. Даосистской критике культуры и достижений цивилизации присущи черты консервативной утопии (неприятие прогресса, патриархальная простота минувших времен, жизнь в маленьких, разобщенных поселениях, отказ от письменности, орудий труда и всего нового). Такие аспекты даосизма притупляли его критицизм по отношению к реальным социально-политическим порядкам.

Культура в самом широком смысле - это совокупность специфических человеческих способов сознательной деятельности и ее результатов. Поэтому культура может рассматриваться в качестве феномена, формы которого изменяются во времени и пространстве. «Культурное разнообразие проявляется в неповторимости и многообразии особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество»¹⁴⁹. Таково, к примеру, этнокультурное разнообразие, которое выражается не только в языке, истории, религии, культурных ценностях, традициях, обычаях, обрядах, народном творчестве и профессиональном искусстве, но и в нормах поведения и привычках, вплоть до принятых жестов вежливости и приветствий, этики в еде, гигиенических привычках и т.п. В этих компонентах культуры и сосредоточены передаваемые из поколения в поколение

---

¹⁴⁹ Все равные, все уникальные. Молодежь и Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. - Изд. ЮНЕСКО, 2004. - С.6.

своеобразие и неповторимость групповой, в т.ч. и этнической идентичности¹⁵⁰.

Осознание того, что культура общества есть культура сосуществования людей с различными, отличающимися друг от друга взглядами, культур признания другого, «другого восприятия жизни», особенно важно в современном, быстро меняющемся и в то же время хрупком мире. Необходимо чувство причастности каждого к единому целому, ощущение потребности в «другом», видеть важность и выгоду познания «иной», отличающейся от привычной доселе культуры.

Поведенческие категории «поиск пропитания», «место обитания», «одежда», «изобразительное искусство», «родственные связи», «политическое поведение», «смерть», «вероисповедание», «младенчество и детство» и другие в общем количестве 88 насчитали Джордж Питер Мердок и его коллеги из Бельского университета. Эти универсалии подразделяются на дополнительные категории, характеризуют общие элементы культуры, хотя конкретные детали реального поведения в них могут быть совершенно разными.

Необычайно разнообразен этнический состав населения Кыргызстана. Согласно данным первой (1999) и второй (2009) Национальной переписей населения Кыргызстана здесь проживают представители более 90 этносов, 12 из которых имеют численность более 20 тыс.чел. По данным Института этнического развития Ассамблеи народа Кыргызстана, в стране с общей числом населения более 5 млн. человек в настоящее время проживают представители 154 этносов.

Образование в области культурного многообразия призвано содействовать пониманию, особенно со стороны молодежи, необходимости соблюдения конституционных прав и равных возможностей всех граждан республики вне

---

¹⁵⁰ Жоробекова Э.Ж., Токтосунова А.И., Токтосунова Г.И. Наследие кыргызов в контексте культурного разнообразия, или Горный оазис на Великом шелковом пути. - Б., 2008 - С.6-42.

зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности, консолидации всех этнокультурных групп и сообществ в единую нацию кыргызстанцев, при гармонизации этнокультурной идентичности с гражданской. Для того, чтобы достичь такого гражданского единства, при котором сохраняются культурные различия, когда каждый из нас, независимо от своей этнической принадлежности, может гордо заявить: «Я - кыргызстанец!». Необходимо каждому способствовать укреплению взаимоуважения и взаимопомощи в межличностных и межгрупповых взаимоотношениях, изучать искусство, традиции и обычаи, духовные ценности других, бережно относиться к каждой самобытной культуре.

Исследование по оценке эволюции ценностей кыргызстанцев в новой социо-культурной ситуации было проведено в 1997 г.¹⁵¹, итог представлен в таблице:

Ценности / категории	Западные	Кыргызские	Советские	Исламские
1. Молодежь	72,5 %	8,7 %	1,6 %	2,8 %
2. Среднее поколение	10,3 %	16,6 %	48,5 %	4,3 %
3. Старшее поколение	1,7 %	16,6 %	58,4 %	7,2 %
Средний показатель	28 %	26,4 %	11,6 %	5 %

Отход от коммунистической идеологии, формирование новой системы экономических отношений оказали воздействие на формирование приоритетов населения. В апреле 1993 года¹⁵² люди ставили в центр своих интересов - семью (81,2%) и место жительства (36,1%), а значимость национальных интересов

¹⁵¹ Молдобаев К. Эволюция ценностей кыргызстанцев в новой социокультурной ситуации. Результаты социопроса 1997г.// Центральная Азия и Кавказ. - По URL: www.freenet.kg/jornal/n5/JRNAL509.htm#fn15#fn15

¹⁵² Опрос Центра изучения общественного мнения Кыргызстана (РЦИОМ). - Апрель 1993г.

(16,8%) далеко отставала от семейных. Сходная картина сохраняется и в июле 1997г. они выдвигали на первый план ценности семьи (81,3%) и здоровья (78,9%). Причем эти ценности были значимы для всех респондентов независимо от уровня доходов, образования и возраста. Таким образом, главные интересы людей сосредоточены в семье - малой социальной группе.

«Больше для исследования кыргызских диаспор успели сделать зарубежные исследователи¹⁵³, - утверждают авторы одного из сайтов, содержащих учебные материалы по истории Отечества. Имеются в виду работы российских и турецких исследователей, прежде всего последствий басмаческого движения¹⁵⁴. Восполняет пробел в отечественной науке книга Пылева А.И. об этнополитическом срезе среднеазиатского басмачества, которое в 20-е гг. XX в. признавалось национально-освободительным движением. Но позже советская идеология «отлакировала» его как повстанчество. Не вдаваясь в проблему, изучаемую авторов, попытаемся взять для анализа только те цитаты, что помогут сделать яснее наш дискурсивный план.

В частности, А.Пылев считает, что «басмачество - «явление, присущее именно среднеазиатской цивилизации»¹⁵⁵. Исходя из этого, автор использует богатый фактический

---

¹⁵³ Билет № 1. По URL: www.filebar.kg/files/8523/История.doc; sessionid= BCE6F480F75D23F8A99899D820B - 351 КБ.

¹⁵⁴ См.: З.В.Тоган. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрков за национальное существование и культуру. - М., 1997. Из истории российской эмиграции 1924-1932 гг. Письма А.З.Валидова и М.Чокаева. - М., 1999; Paksoy H.B. Basmachi movement from within: Account of Zeki Velidi Togan // Nationalities Papers, Vol. 23? No 2. June 1995. Pp. 373-399. - По URL: [//www.lib.byu.edu/~rdh/wwi/comment/togan.html](http://www.lib.byu.edu/~rdh/wwi/comment/togan.html)

¹⁵⁵ С этим можно согласиться в смысле того, что слово «басмач» в переводе с большинства тюркских языков означает «захватчики», «интервенты», «поработители». Не будем спорить с автором в смысле того, кого можно так называть с позиций сегодняшнего дня, напомним, что основной этнический состав басмачей был из как раз из представителей местных национальностей. А пришлыми были красноармейские части и большевистски настроенные представители новой власти, против которых боролись пресловутые басмачи.

материал и доказывает, что среднеазиатское басмачество в значительной степени представляло собой реакцию на социальную напряженность, возникшую в результате особенностей социально-экономического развития региона в конце XIX - начале XX в. Следует отметить, что подобная концепция истории басмачества не применялась в прежние годы в научных трудах, как отечественных, так и зарубежных»¹⁵⁶. Актуальность этой работы в том, что раскрывается «проблема социальной базы и движущих сил басмачества, его специфика в различных регионах Средней Азии» (с региональной точки зрения автор выделяет ферганское, восточнобухарское и хивинское басмачество), этническое содержание, роль племен, кланов и т.д.

Освещая данные проблемы, автор использовал огромный массив неизученных прежде отечественным исследователем источников, главным образом, турецкого происхождения. Это мемуары и записки «басмаческой эмиграции», в большом числе бежавшей из Средней Азии в Турцию, свидетельства турецкой прессы и периодики, чисто архивные материалы», - считает автор предисловия к книге проф. СПбГУ и КРСУ Колесников А.А. По его мнению, «Зарубежная историография (на английском, немецком, французском, а также турецком и персидском языках) также накопила большое количество работ, монографий и статей, посвященных в целом истории т.н. «советизации Средней Азии», и рассматривающих, как один из частных вопросов, басмаческое движение» Из работ, ставших доступными недавно, особенный интерес представляют для нас труды двух следующих авторов и политических деятелей среднеазиатской эмиграции - М.Чокаева и З.В.Тогана, участника исследуемых событий. М.Чокаев в конце 20-х и 30-е годы написал ряд работ и о басмачестве в советском Туркестане. Статья «The Basmachi movement in Turkestan» и

---

¹⁵⁶ Пылев А.И. Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века). - Б., 2006. - С.3.

книга «Туркестан под властью Советов», изданная в 1935-37 гг. на русском языке в Париже и Турции (1988 г.) - известны отечественным исследователям.

В последнее время в распоряжении отечественного исследователя появился ряд новых работ М.Чокаева¹⁵⁷, впервые введенные в научный оборот. Как политический эмигрант и идеологический противник советской власти М.Чокаев старался привлечь внимание западноевропейской политической элиты (как известно, также в те годы антисоветски настроенной) и общественности к событиям в Средней Азии, прежде всего, к проблеме басмаческого движения. Безусловно, трактовка басмачества у Чокаева, по отмеченным выше причинам, в значительной степени политизирована. Так, в предисловии к упомянутым «Воспоминаниям» Чокаев характеризует его как «всенародное движение, занявшее в истории антисоветского движения вообще исключительно важное место». Сами термины “басмачество”, “басмаческое движение” приводятся им исключительно в кавычках, в основном, говоря о басмачестве, Чокаев называет его “всенародным”, “повстанческим движением”. “Басмачество” или “всенародное повстанческое движение” было вызвано к жизни “наступлением большевизма” и “оккупацией Красной Армией” Туркестана, а впоследствии - Хивы и Бухары. М.Чокаев, однако, признает, что басмачество, как социальное явление, имело место в Средней Азии и до 1917 г., но после разгрома большевиками Кокандкой автономии, оно автоматически становится “движением за национальную независимость” и приобретает “народную основу”, точно также как прежнее русское “националистическое великодержавие” после 1917 г. автоматически стало “революционным великодержавием”¹⁵⁸. Несомненно, моменты

---

¹⁵⁷ Чокаев М. Письма, статьи и рецензии в сборнике «Из истории российской эмиграции», его мемуары о 1917 г. («Отрывки из воспоминаний о 1917 г.») были изданы в 2001 г. в Москве на основе записей М.Чокаева на русском языке, обнаруженных в московских архивах российским исследователем, кандидатом исторических наук С.М.Исхаковым). - С.2.

¹⁵⁸ Валидов, Чокаев, 1999. - С. 113, 117, 117; М.Chokaev, 1928. - P. 283-285.

идеологические и субъективные значительно отразились на данных трактовках М.Чокаева. Это косвенно признавал и сам Чокаев, когда утверждал, что «в эмиграции ...много активных участников «басмачества», многим известны отдельные эпизоды борьбы, но целостного описания повстанчества у нас еще нет». В этом смысле работы М.Чокаева, А.Пылева и наше исследование связаны географическим названием мест происходящих событий, описанием причин возникновения эмигрантского движения и литературы тюркоязычных диаспор.

Рассматривая концепцию басмаческого движения другого автора-эмигранта, известного политического деятеля России периода революции и гражданской войны, З.В.Тогана, нужно иметь в виду, что по политическим убеждениям он был сторонник, как он сам о себе писал, «социалистических идей», хотя в то же время разделял идеи «национальной независимости тюркских народов России», которая должна возникнуть в результате «общетюркского политического движения»¹⁵⁹. Это также новая сторона в характеристике тех, кто стал поневоле эмигрантом, хотя и симпатизировал идеям новой власти. В этом смысле еще очень многое надо исследовать в сфере причин того, почему представительства одних тюркских этносов вошли в состав СССР на правах автономных или суверенных республик областей, вторые - в состав Китая, а третьи этносы остались и вовсе без внимания.

После вывода в 1989 г. советских войск из Афганистана, затем - распада СССР и в связи с этим изменения общей международной обстановки (когда основные противоречия в международных отношениях переместились с оси Запад-Восток на ось Север-Юг, т.е. развитые страны Запада - Третий мир), в западной литературе появляются несколько иные оценки обсуждаемых нами вопросов¹⁶⁰. В данной ситуации, в современной зарубежной историографии появились совершенно

---

¹⁵⁹ Тоган, 1997. С. 65, 96, 699.

¹⁶⁰ Пылев А.И. Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века). - Б., 2006. - С.43.

негативные отзывы о басмаческом движении. Так, сообщается о том, что басмаческое движение несло огромный ущерб экономике, хозяйственному развитию региона¹⁶¹. Стало значительно больше говориться о консервативном, нежели «прогрессивном» характере басмачества, по мере того как отмечалось усиление сепаратистского движения в среднеазиатском регионе после распада СССР, в особенности на территории современного Таджикистана. Говоря об исламской базе движения, западные авторы отмечают отрицательные, а не положительные факторы, в отличие от периода существования СССР¹⁶².

Все вышеназванные сентенции исследователя нами взяты для демонстрации того, как кардинально могут меняться интерпретации одного и того же явления в истории человечества, что само по себе закономерно. И все же, касательно басмаческого движения - почему западными учеными, которые в принципе стоят на европоцентристских позициях и конъюнктуре в большинстве своем не поддаются, традиционно антисоветски настроенные, и тут - разительная перемена в экспертных оценках. Можно говорить об исламской угрозе миру, можно утверждать об антироссийских настроениях, можно даже предположить, что Запад меняется, он становится гибче или же становится Другим. И можно надеяться, что мир просто становится ответственнее за свои поступки (М.Бахтин).

В последние годы изучение национальной идентичности и межэтнических отношений, пересмотр этнических историй и истории нашего региона оказали огромное влияние на изменение университетских учебных программ во всех странах Центральной Азии. Тем не менее, возможности для критического рассмотрения концепций нации, этничности и

---

¹⁶¹ Central Asia. 130 years of Russia's dominance / Ed. By E. Allworth. - London, 1994. - P.285.

¹⁶² The library of Congress Country Studies, 1996.

идентичности в сравнительно-историческом контексте наших вузов ограничены.

По отношению к современной историографии (культурологии, этнографии, политологии и т.д.) Центральной Азии, используя нарративный подход и анализ дискурса, имеет смысл задаться вопросом о том, как и откуда мы узнаем о том, что такое нация и в чем состоит ее историческое прошлое? Ответ на этот вопрос в практике высшей школы требует инновационных подходов к формированию, как кафедральных учебных планов, так и программ отдельных курсов.

Проект был построен таким образом, чтобы способствовать исследованию этих вопросов на серии летних школ и зимних сессий, а также во время межсессионной активности в течение трех лет. Первый год проекта был посвящен углубленному изучению концепции нации в различных традициях (советской, западной, в традиции джаидов), взаимосвязи между национальной и локальной идентичностями, роли нарратива в формировании идентичности, а также вопросам преподавания истории Центральной Азии и отдельных стран региона. Слушатели в рамках различных дисциплин изучали вопросы идентичности и нациестроительства, включая результаты исследований в свои учебные курсы. Их работа - свидетельство того, что определенные сдвиги на этом пути есть и у нас.

Сведения о расселении, различных сторонах жизни, быта, хозяйства духовной культуры кыргызов, об участии их в событиях военной и политической истории Азии, содержащиеся в источниках, очень фрагментарны и нередко противоречивы¹⁶³. Т.е. даже сведения о начале истории найдены в древнейших записях историков, живших за рубежом территории современного Кыргызстана.

Первые упоминания о кыргызах содержатся в китайских исторических сочинениях, относящихся к периоду правления

---

¹⁶³ Худяков Ю.С. Кыргызы на просторах Азии. - Б., 1995. - С. 6-7, 133-142.

Ханьской династии. В поле зрения летописцев кыргызы попадают в конце III века до н.э., когда они были покорены первым известным завоевателем Центральной Азии, создателем хуннской державы, шаньюем Модэ. В отдельные периоды древние кыргызы внезапно исчезали из летописных текстов, чтобы снова занять свое место в борьбе кочевых племен против новых кочевых империй. С возникновением в конце VII века древнетюркской рунической письменности в надписях, призванных увековечить деяния тюркских каганов и полководцев, приводятся драматические сообщения о походе тюркского войска через Саяны, о гибели кыргызского кагана Барс-бега, о покорении его народа. В VIII веке тюркское владычество сменилось уйгурским. Длительная борьба кыргызов с уйгурами нашла отражение в уйгурских кыргызских рунических текстах. Победа кыргызов в войне с уйгурами в 840 году привлекла к ним внимание Танской империи, Тибета, Средней Азии.

Благодаря выдающимся военным успехам и созданию обширного государства, раскинувшегося на просторах Центральной Азии, кыргызы и их культура оставили заметный след в военной, этнокультурной истории. Наиболее подробны сведения о кыргызах IX в. Новый всплеск интереса к кыргызам породил роковой для них XIII век, когда они, как и другие кочевые народы, стали объектом завоеваний и набирающего силу монгольского государства.

После длительной, изнурительной борьбы между двух огней - монгольскими государствами и Россией - ослабленному и малочисленному народу пришлось навсегда покинуть берега Енисея. Эти события освещены в русских источниках XVIII-XVIII вв. В середине II тыс. н.э. кыргызы, длительное время оставшиеся в неизвестности в землях Восточного Туркестана, нашли родину в Западном Тянь-Шане, сплотив вокруг своего этнического ядра местные и пришлые тюркские и монгольские племена. Эти события их истории нашли отражение в грандиозном эпосе «Манас». Так в течение всей древней и средневековой истории сведения о кыргызах то выходят на передний план, то совсем исчезают со страниц источников.

Далеко не всегда периоды широкой известности и небытия совпадают со взлетами и падениями исторической судьбы. Иногда это связано со смутными периодами в стране, где сохранялась устойчивая письменная традиция.

Критикуя многие работы по этногенезу кыргызов царско-русского и советского времени (Г.Ф.Миллера, К.Риттера, Ю.Клапрота, Н.Я.Бичурина, Ч.Ч.Валиханова, В.В.Радлова, Н.А.Аристова, В.В.Бартольда, Г.Е.Грумм-Гржимайло, А.Н.Бернштама, Л.Р.Кызласова, В.П.Алексеева, С.М.Абрамзона, К.И.Петрова, С.Г.Кляшторного, А.М.Мокеева, В.П.Мокрынина и др.), изложим свою точку зрения. Из всего вышесказанного ранее наиболее обоснованным нам представляется мнение о двухэтапном переселении части кыргызского этноса с Енисея в IX-X вв. н.э. в Восточный Туркестан и Монгольский Алтай, разделении кыргызов в начале II тыс.н.э. на два этноса - енисейских и восточнотуркестанских - и переселение в XV вв. н.э. восточнотуркестанских кыргызов на Тяньшань. В отдельных аспектах эту точку зрения ранее высказывали В.Радлов, В.Бартольд, разделял А.Бернштам. С начала 1960-х гг. ее активно отстаивает и развивает О.Караев. Дело в том, что только это мнение об этногенетических связях кыргызов Енисея и Тяньшаня находит отражение в письменных источниках¹⁶⁴.

С XV века кыргызы обитают на Тянь-Шане. В XVI в. известно самостоятельное кыргызское объединение во главе с Мухаммедом. Вокруг этих кыргызов, переселившихся на территорию Тянь-Шаня из Восточного Туркестана, началось формирование кыргызской народности. История кыргызов на Енисее, в Центральной Азии, на Тянь-Шане полна яркими, драматическими событиями. Она во многом интересна и

---

¹⁶⁴ Малайкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. - Новосибирск: Наука, 1983. - С. 177; Караев О. Земля тогузлуков, карлуков, хазлазия, хилхия, кимаков и киргизов по карте ал-Идриси // Арабо-персидские источники о тюркских народах. - Ф.: Илим, 1973. - С. 6-48; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. - М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1952. - Т.1, кн.1. - С. 135-137.

поучительна и для сегодняшнего дня. Историческая судьба кыргызов на протяжении двух тысячелетий полна суровых испытаний. Не единожды им приходилось переселяться с мест длительного проживания, выдерживать волны завоевательных походов крупнейших кочевых империй Азии: государств хуннов, сяньбидцев, жужаней, тюрок, уйгуров, киданей, монголов, джунгар. При разработке актуальных проблем кыргызоведения важна координация усилий ученых Кыргызстана и научных центров других стран, в которых изучаются материалы по истории и культуре кыргызов. Важно, чтобы результаты работы ученых становились достоянием широкого круга читателей, интересующихся историческим прошлым народа. Знание истории и культуры народа помогает в основании современности и исторических перспектив.

Данный труд является 4 книгами сборника «Кыргыздар»¹⁶⁵. Включает труды, рассказывающие о родословной, истории, культурном наследии и традициях кыргызов с древнейших времен до начала XX столетия¹⁶⁶. Усойун-ажы (род. в Китае в селе Кара-Чий местности Ак-Чий в 1916 г., исследователь санжыры китайских кыргызов, работал в партийных органах и сфере образования, В 1962-65 гг. учился в Пекине в Институте исламских исследований, член различных

---

¹⁶⁵ Кыргыздар: Санжыра, тарых, мурас, салт. Туз. К.Жусупов. - Б.: Кыргызстан, 1991.

¹⁶⁶ Санжыра: История (Тоголок Молдо «Тарых. Тупку аталар», Усойун-ажы «Кыргыз санжырасы», В.В.Бартольд «Кыргыздар. Тарыхый очерк», Л.Н.Гумилев «Древние тюрки», Б.С.Солтоноев «Кызыл кыргыз тарыхы», Е.Кычанов, Т.Бейшеналиев «Юань-Мин доорундагы кыргыздар (XIII-XV кылымдар)», А.Левшин «Исторические сведения о кыргыз-кайсаках или кыргыз-казахах», А.Н.Бернштам «Борьба кыргызского государства за свою свободу», «Общественно-экономическое устройство Енисейских кыргызов в VI-X вв.», С.М.Абрамзон «Этногенетические и историко-культурные связи кыргызов», В.В.Радлов «Страницы из сибирских дневников поездки 1862 г.», Л.Строилова «Переход через Алай и Памир» франц.ученых Бонвало и Капю, Ж.Абдыракманова «О восстании кыргызов 1916г.» и др. работы; Наследие: Ийи Стебловой «Древняя литература на тюркском языке», Махмуда Кашгари «Словарь тюркских наречий», З.М.Бабур «Бабур-наме», Б.Кененсарин «Аш-Тойлор», Э.Тенишева «Улуттук доорго чейинки кыргыз адабий тили жонундо», Традиция: Талып молдо Байболот уулу «Кыргыз тарыхы, уруучулук курулушу. Турлуу салттар...» и др.). - Б., 1990.

общественных и религиозных организаций, Синь-Цзянского общества изучения истории и литературы, обучался в Египте, Кувейте, Тунис, Сомали, знает китайский, арабский, турецкий, фарси. Его книга «Кыргыз санжырасы» увидела свет в 1989 г. в издательстве Кызыл-суу в Китае).

О «санжыре» короткое слово таково. Санжыра (или арабское сажыра), произошло от слова «шежире», означает одно деревцо. Как известно, хоть и большой корень у дерева, от него несколько стволов и ветвей растет, от другого ствола, пробиваются ростки. А об основополагающем этническом признаке есть такие точки зрения: После всемирного потопа у Ноя было 3 сына (Хам, Сам, Яфас) и три невестки. У Яфаса было 8 детей, старшим был Тюрк. Его сын Тутек, Тутека сын Дип Бакуйчан, сын Бакуйчана Куйук-Жан, сын Куйук-Жана Алынчахан, его сын Мунгулхан, сын Мунгулхана Карахан, сын Карахана Огузхан правил 120 лет, а потомки Огузхана во всей Азии были ханами.

Также он говорит обо всех ему известных версиях этнонима «кыргыз»:

1. Кырк йоз (сорок племенных родов) - версия В.Радлова (что в «Манасе» звучит «кыргыз кырк уруудан куралган» / «кыргызы строятся из 40 родов»).

2. Как для европейцев 12 - сакральное число, для монголов число, для тюрков 40- священная цифра, а «ыз» - часть слова, означающая множество.

3. «Кыргыз» происходит от слова «кыргуз», «гуз» от - «огуз», их предок Огузхан, «гузы, обитающие в горах» (Ч.Айтматов). У уйгур тоже было 9 огуз.

4. «Кыргыз» от «кыр кер», кыр - вершина горы, а люди в горах оюбитали, со временем это изменилось до «кыр кез», многие исследователи эту точку зрения считают правильной, и кыргызский историк Осмонаалы и уйгурский кашгарский историк Эмир Асан казы.

5. «Кыр кес», т.к. морфема «кес» на фарси значит «человек».

б. «Кы кыз» от слова «кырылгыс», т.е. неистребимый народ, т.к. кыргызы - баатыр Эл, жоокер Эл, поэтому этот народ нельзя развезть, уничтожив их.

Талып Молдо рассказывает о точке зрения кожо и молдо. Жил-был падыша, у которого росла единственная дочь. Берег он свою дочь от чужого взгляда, построил огромный сарай, чарбак, окружил 40 девушками. Однажды пошла к прохладной реке, что текла через двор, со своей свитой ханская дочь и увидели они белую пену, захотят в ней искупаться, и все они забеременеют. Узнав об этом, падыша в гневе отправит дочь и ее окружение к свободным горам. И дети этих девушек являются предками кыргызов.

Все древние и средневековые надписи относят к общему наследию тюркских народов. Они выполнены руническим, манихейским и уйгурским письмом. После принятия тюркскими народами ислама среди них стало распространяться арабское письмо. Орхоно-Енисейские надписи делятся на Орхонские (Северная Монголия, поймы рек Орхон, Селенга, Толу), Большие и малые тексты, посвященные Култегину, Билге-кагану, Тонукуку и Онгинские надписи. А Енисейскую группу составляют разные мелкие надписи-эпитафии на различных могилах. И если Орхонские относятся к сер. 6 века, посвящены эпохе Восточного Тюркского каганата 8 века, то енисейские надписи связаны с кыргызским государством Хягяс. Орхоно-енисейские тексты ритмическим строением близки к фольклорным произведениям современных тюркских народов Южной Сибири, Волги, Средней и Передней Азии. Надписи содержат лозунги-призывы к объединению тюркского народа, прославлению батыров, выражается скорбь по погибшим. В 6 в. Тюркский каганат поддерживал отношения с Византией, Ираном и Китаем. По жанровому содержанию надписи, посвященные Култегину, Билге-кагану, Тонукуку, можно связать с эпическими традициями или считать под их влиянием созданными историко-героическими дастанами. Енисейские эпитафии также близки по своему ритмическому строению к поэтике тюркских форм, особенно аллитерация. Известна в Турции запись этих рунических надписей под названием «Бал

китеп». Она состоит из 4х групп надписей в виде реалистических изображений, мифологических сюжетов сказок, почитания природы, дидактических назиданий.

После первой дидактической поэмы “Кутадгу билиг” Жусупа Баласагуна ее традиции продолжила появившаяся в конце 12 в. в Фергане поэма “Хибат ал закаи” (Подарок честности). Автор ее Ахмад ибн Махмуд, выходец из города Югнак, посвятил свой труд Дад-Сипахсадр беку. Книга состоит из 14 частей, до нас дошли только 7. Начинается поэма с прославления аллаха, пророка и четырех правителей, пролавляется знание, порицается болтовня и лживость, безверие и пьянство, двуличие и безбожничество. Написана поэма таким же мутакарибом, но не в форме месневи, а в большинстве своем - рубаи. Ахмад Ясави, суфий пишет книгу “Диван-и хикмат” (Сборник известных), тоже назидательного характера. Лирическое содержание большинства стихов, через систему образов-символов говорит о состоянии экстаза, обращения к слушателям суфийской речи. Сложное переплетение религиозных, философских и правовых текстов в дошедших до нас памятниках начальной поры доклассической поэзии, оказывают принятие ислама, новые мнения о процессе принятия ислама, ведущее место арабско-персидских форм в поэзии, устойчивое равновесие между заимствованием форм и естественных свойств тюркских языков. Все это вместе и способствовало появлению неповторимых художественных произведений, сочетающих в себе арабо-персидскую поэтику и среду тюркских языков.

Калмыки, что означало «народы из государства западных монголов», также их называли ойратами, что означало «лесные люди», китайцы их звали элютами¹⁶⁷. В XVI веке в «Маджму ат-

---

¹⁶⁷ Аттокуров С. Кыргыздар ХУШ кылымда. - Б., 2003. - С. 18-146; Он же. Кыргыз этнографиясы. - Б., 1998. - 200 б; Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргизо-казаков большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. - СПб.: Тип. С.Н.Худякова, 1895. - 96; Бейшеналиев Т.О. Гибель ойротского государства татар и переселение

Таварих» это означало немусульман. А в «Мукаддима» («Вводное слово») и у Шарифа ад-Дина Иязди в «Зафар-наме» (Книга о победах) на тюркском языке «калмак» обозначало отставший, левый монгол, т.е. отличающийся от ушедших правых монголов (Златкин).

Политическая история ХУШ века - история противоборства с джунгарами. Основной урок из этого опыта - если бы народы Средней Азии объединились, то они бы победили, а поскольку они были разобщены - были побеждены. Этот урок и сейчас не потерял своей актуальности. А в этническом составе происходят изменения за счет трех этапов, первый их приход наряду с енисейскими кыргызами на Восточный Тянь-Шань, второй - во время захвата кыргызских земель и третий - во время освобождения в 50-60е годы

киргизов на Тянь-Шань. - В кн.: Киргизы: Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии: Тезисы междунар. конф., посв. 1000-летию эпоса «Манас». 22-24 сент. 1994 г. - Б., 1994. - С. 20-21; Венюков М. Очерки Зайлийского края и причуйской страны. - Зап. Рус. Геогр. об-ва. - 1861. - Кн. 4. - С. 79-125; Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. - Т. 1. Юридический быт. - Ташкент, 1889. - 205 с.; Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. - М.: Соцгиз, 1959. - 435 с.; Джамгерчинов М.Б. Русские источники о некоторых проблемах истории Киргизстана во второй четверти ХУШ в.: Из истории дореволюционного Киргизстана. - Фрунзе, 1985. - С. 129-146; Закиров С. Кыргыз санжырасы. - Б., 1996. - 429 с.; Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635-1758. - М., 1983. - 331 с.; Иманалиев М.С. К вопросу о «восточных» и «западных» бурутах киргизах. Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока: ХУІ годич. науч. сес. ЛО ИВ АН СССР (докл. и сообщ.). февр. 1981, 1982. - Ч.1. - С.22-25; Он же. Китайские источники ХУШ в. О родоплеменном делении и расселении киргизов // Общество и государство в Китае: Тринадцатая науч. конф.: Тез. И докл. - М., 1982. - Ч. 2. - С. 136-141; Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина ХУШ в. - первая половина ХІХ в.). - Новосибирск, 1983. - С. 124; Мокеев А.М. Этапы этнической истории и социальной организации киргизского народа на Тянь-Шане в ХУІ - сер. ХУШ вв. - Изв. АН РК. - 1991. - №4. - С. 43-54; Сапаралиев Д.Б. Взаимоотношения киргизского народа с русским и соседними народами в ХУШ в. - Б. 1995. - С. 150; Сушанло М.Я., Супруненко Г.П. Сведения из китайских источников о хозяйственной жизни киргизов в ХУШ в. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в ХУІ-ХУШ вв. - Алма-Ата, 1983. - С. 88-94; Үсөнбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. - Ф., 1961. - С. 164; Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в ХУІ-ХУШ вв. - М., 1978.

кыргызских пленников из джунгарской неволи. В санжыре есть все эти три группы калмыков.

Если опираться на последние ханские приказы и грамоты династии Аштарханидов в конце ХУП - в первой четверти ХУШ века кыргызы на юге и юго-западе Ферганской долины составляли большинство населения, превратившись в большую политическую и военную силу. До этого они составляли меньшинство местного населения, а после падения джунгарского (калмыцкого) ига за счет переселенцев с Кашгара их численность увеличилась. Хан Бухары Уюайдулла (1701-1741) в своем письме эшену Мусса кожо отметил: «Сейчас вилайеты Ура-Тюбе, Ходжент, Андижан мы отдали Акбото Кушбеги, у которого владения ширятся до «белого дома». Пожилой Акбото породнился с Шахрух-бием, под началом которого была тысяча узбекских родов, взяв его дочь в жены и отдав дочь за его сына и сделав его главой узбекско-кыргызского союза в 1710 году в Ходженте.

Из-за того, что кыргызы были разделены на роды и племена, каждый себе отделил участки земли, не подчинялись друг другу кокандцы, вознамерились пойти в поход на Ала-тоо. С ХУШ в. Средняя Азия начинает привлекать внимание зарубежных стран. Кроме Циньского Китая (с давних времен желавшего подавить их), это были царская Россия, Джунгарское (калмыкское) ханство, с юга Англия неустанно осуществляла происки.

В последней четверти ХУШ в. Циньская империя стала усиливать дипломатические и военные действия в Центральной Азии, и в частности, к кыргызам. Воспользовавшись нерешительностью России и феодально-племенной разобщенности «Нового района» (Синьцзяня), его границы стали сдвигаться к западу. Под прикрытием присмотра кыргызско-китайских границ увеличились сборы и налоги с кыргызов. Нарынские кыргызы под руководством Жанболот батыра с целью присмирить эти грабежи убили сына императора, однако кыргызские бии, не желая усиления борьбы с Китаем, выдали Жанболота китайцам. Опасаясь того, что прямой захват приведет к международному конфликту, Китай

перешел к противопоставлению некоторых казахских султанов кыргызам. В октябре 1875 года главы границ Циньского Китая с 1500-тысячной армией и казахский султан Бердикожо со стороны Или подошли к местам расселения кыргызов, которые якобы увели 2500 лошадей. Эти примеры говорят о том, родственные народы не желали войны, они пришли к миру, помня о судьбе простых людей. После такого официального закрепления границ китайские пограничники перешли к политике открытого запугивания. По свидетельству очевидцев 14 мая 1876 года на кыргызское джайлоо явились послы от Старшего и Среднего казахских жузов, где велись переговоры об общем враге - Китае, этот союз был ответом на китайские вражеские притязания, с тех пор, пусть ненадолго, но оба народа стали жить в мире (Сапаралиев).

Международное положение во второй половине XVIII века отличается своей сложностью. Все этносы Центральной и Средней Азии из-за феодальной разобщенности были разделены на мелкие ханства. Крупные этносы, составлявшие феодальные государства в этническом регионе стали претендовать на земли своих соседей. Тому свидетельства внешняя политика Кокандского, Бухарского и Казахского ханств. Атаке бий созвал татарских молдо, мудрецов и ораторов. Они направили русской императрице такое письмо: «Ваше высочайшее милосердие императрица великая! Я сын Тыная Атаке, от имени великих своих предков Вам бью челом рабскими и довожу до сведения. Мы шлем к вам вместе с караваном двух своих послов Абдырахмана и Шергазы и вам одного раба, двух барсов, пяти шкур животных с караваном шлем. Вашего здоровья спросить посчитал правильным, Ваше Великодержавное милость» (вольный перевод).

15 марта 1787 года после 40-дневного поста на торжественной литургии присутствовали и кыргызские послы, это дата официальных кыргызско-российских отношений. Это первый мост между культурами, это первая историческая личность, архитектор моста для культур Атаке бий Тынай уулу, и время все расставило по местам, назвав тех, кто ради народа своего что-то делает и достигает. Эпоха, время, политические

веяния идеологии - все это временное, справедливость и правда всегда победят. Его дорога оказалась правильной. XVIII век - век интенсивного формирования этнической культуры. Культура - один из факторов формирования этноса. Еще одной частью устного творчества кыргызов является санжыра. Санжыра - это устная история.

Из истории веков урок, полученный кыргызами, состоит в призыве к объединению. По этой же причине закономерно появление и широкое распространение эпических поэм, где осуждаются разобщенность и предательство, призыв к объединению, презирается трусость, прославляется мужество батыров. И это наследие, оставшееся нам от наших предков.

Заключение

Отечественная культура Кыргызстана на протяжении всех веков ее формирования неразрывно связана с историей России. Наше культурное наследие, складывалось в процессе становления и развития национального самосознания, постоянно обогащалось собственным и мировым культурным опытом. Оно дало миру вершины художественных достижений, такие как эпос «Манас» и Чингиз Айтматов, стало неотъемлемой частью мировой культуры. Роман Айтматова «Буранный полустанок» входит в программу русской литературы для 11 класса средних общеобразовательных школ Российской Федерации.

Для изучения, понимания и измерения необходима демифологизация. Для этого требуется отделить друг от друга два разнопорядковых, но тесно переплетенных явления, совместный силуэт которых выглядит так странно. Как правило, основные объяснения сводятся к пограничному положению России между Востоком и Западом, Европой и Азией - от «Евразийства» до «Азиопства» (последний термин - отнюдь не наша выдумка)¹⁶⁸. При этом забывают, что подобной евро-восточной бинарностью обладают едва ли не все культуры, формировавшиеся в зоне контакта цивилизаций, - испанская, португальская, греческая, болгарская, сербская, турецкая и другие, принадлежащие Средиземноморью, не говоря уже о латиноамериканских или о христианских культурах Кавказа. Выходит, бинарность русской культуры - явление типичное, мало дающее для объяснения уникальности «русского кентавра», выяснения его реального происхождения.

При характеристике России и русского народа быстро стало общим местом указание на их молодость. Молодая Россия и состарившийся, одряхлевший Запад сопрягались и

---

¹⁶⁸ Гузевич Д.Ю. Кентавр, или к вопросу о бинарности русской культуры: Становление культуры в России // Звезда. - 2001. - № 5. - С. 186-197.

противопоставлялись самыми разными течениями в культуре и общественной мысли. Перечень только громких имен авторов, отдавших должное русской молодости и старости Запада, был бы очень длинен. Ясно, что ощущение русским человеком своей принадлежности к молодому народу не случайно. Но точно так же очевидно другое: «наш народ своим возрастом существенно не отличается от других западных народов. Если же отличия есть всегда они в пользу нашей молодости»¹⁶⁹. Ощущение русским человеком значимости своего народа нельзя понимать буквально хронологически. За таким понятием стоит что-то другое помимо возраста этнической общности.

Противоречива не только диалектика русского/российского, но и полярная – от нигилизма до апологии - интерпретация русского народа с точки зрения понимания его как культурно-исторического субъекта, творца духовных ценностей. «Россия, - писал Бердяев, - менее всего страна средних состояний, средней культурности... В низах своих Россия полна дикости и варварства. На вершинах своих Россия сверхкультурная. Историческая задача русского самосознания - различить и разделить русскую сверхкультурность и русскую докультурность, логос культуры в русских вершинах и дикий хаос в русских низинах»¹⁷⁰. Такова элитная (не элитарная!) версия русской культуры - её отождествление с логосом сверх-культуры в противоположность докультурному хаосу, в сущности, не народа, а человека-массы. Вместе с тем необходимо различать древнерусскую народность и народ России Нового времени - эпохи формирования российской нации.

Западные понятия свободной личности, индивидуализма и демократии оставались для подавляющего большинства российского общества чуждыми и неприемлемыми - «западной зарзой», - следовательно, вредными, опасными. Об опасностях,

---

¹⁶⁹ Сапронов П.А. Культурология: Курс лекций по теории и истории культуры. - СПб.: СОЮЗ, 1998. - 496 с.

¹⁷⁰ Культурология. Под ред. Г.В.Драча. - Ростов н/Д: Феникс, 1995. - 301 с.

грозящих России введением западных ценностей, говорил Леонтьев: «Я осмелюсь даже, не колеблясь, сказать, что никакое польское восстание и никакая пугачевщина не могут повредить России так, как могла бы ей повредить очень мирная, очень законная демократическая конституция». И это потому, что «русские люди не созданы для свободы. Без страха и насилия у них все прахом пойдет»¹⁷¹. Очевидно он не питал иллюзий в отношении мифа об «особой исторической миссии» России, широко пропагандируемого определенной частью русской интеллигенции XIX века. Бердяев утверждал, что Леонтьев «верил не в Россию и не в русский народ, а в византийские начала, церковные и государственные ... он верил ... в миссию византизма, а не России».

Существует много концепций, рассматривающих развитие культуры и истории под углом зрения одного фундаментального фактора, с позиции единого субстанциального основания. И тогда, взятая в своих основах, история культуры предстает как монолог одного единственного начала, будь то мировой дух или материя. Немногие мыслители раскрывают диалогический характер жизни духа и культуры. Среди них следует назвать Н.А.Бердяева¹⁷². Если отвлечься от образного стиля изложения, то концепция Тойнби дает ключ к пониманию творческой природы и возможной альтернативности культурно-исторического процесса. Развитие культуры осуществляется как серия Ответов, даваемых творческим человеческим духом на те Вызовы, которые бросает ему природа, общество и внутренняя бесконечность самого человека. При этом всегда возможны различные варианты развития, ибо возможны разные Ответы на один и тот же

---

¹⁷¹ Бердяев Н.А. О культуре; Судьба России // Антология культурологической мысли. - 1996. - С.44, 128.

¹⁷² Бердяев Н.А. Смысл истории. М.,1990. - С. 30; Бердяев Н.А. Философия свободного духа. - М., 1994. - С. 370, 458) и М.Бубера (Бубер М. Я и Ты. - М., 1993. Заслуга Тойнби состоит в том, что, он раскрыл диалогическую сущность развития культуры в своей концепции «Вызова и Ответа» (См.: Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник. - М., 1991. С. 106-142.

Вызов. В осознании этого фундаментального обстоятельства и состоит непреходящее значение концепции Тойнби¹⁷³.

Своеобразную концепцию культуры развивал социолог и культуролог П.А.Сорокин (1899-1968). В соответствии со своими установками он представлял исторический процесс как процесс развития культуры, которая в самом широком смысле этого слова, есть совокупность всего сотворенного или признанного Данным обществом на той или иной стадии его развития. В ходе этого развития общество создает различные культурные системы: познавательные, религиозные, этические, эстетические, правовые. Главным свойством культурных систем является тенденция их объединения в систему высших рангов. В результате ее развития образуются культурные сверхсистемы, каждая из которых обладает свойственной ей ментальностью, собственной системой истины и знания, собственной философией и мировоззрением, религией и образом «святости», представлениями правого и должного, формами изящной словесности и искусства, своими правами, законами, кодексом поведения.

Говоря об общенациональном диалоге культур в контексте информационного пространства нашей страны мы должны помнить о том, что это диалог культур - русской и киргизской, тем более именно на этих двух языках общается основная часть населения страны, их статусы определены в главном законе страны - Конституции, векторе развития страны по прогрессивным направлениям во всех сферах жизни людей. Диалог - это активность равноправных и свободных людей. А значит, по аналогии с отдельными людьми, активность их групп в виде этнических общностей тоже должна быть в виде диалога равных, свободных и заинтересованных этносов и их диаспор в культурной сфере Кыргызстана.

---

¹⁷³ Культурология. / Под ред. Радугина А.А. - М.: Центр, 2005. - 43 с.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Образ Кыргызстана в творчестве русских поэтов и его эволюция в историко-литературном контексте.....	9
1.1. Постигание и узнавание: образ Кыргызстана и Концепция многонационального мира в поэзии России 30-60-х годов XX века.....	9
1.2. «Высокий терем Ала-Тоо...»: творческие искания русских поэтов Кыргызстана второй половины XX века.....	40
Глава 2. Тема смутного времени в исторической прозе Кыргызстана.....	61
Глава 3. Проблемы экологии в творчестве Чингиза Айтматова.....	70
Глава 4. Этнические диаспоры как явление современной картины мира и контекста этноориентированного культурного процесса.....	95
4.1. Историко-культурная концепция диаспоры и этноса как общностей.....	95
4.2. Произведения культуры и процесс этнического самоопределения.....	118
4.3. Императивы вечных ценностей в общенациональном диалоге культур.....	138
Заключение.....	160

Сдано в печать 12.08.2013 г., Подписано в печать 07.11.2013 г.
Формат бумаги 60x84 ^{1/16} 7,125 п.л. Заказ № 77, Тираж 100

Город Ош, ул. Курманжан датки 236